

Военная клятва
Элизабет Вон

Серия «Chronicles of the Warlands» - книга 2

Перевод: So-chan
Коррекция: So-chan
Вычитка: Nikita
Обложка: Solitary-angel

Аннотация

Встречайте продолжение приключений Кира и Лары!

Лара, целительница и королева Кси, решила остаться с Киром и его народом. И вот военачальник и его избранница держат путь в Сердце Равнин, даже не подозревая, что судьба приготовила новые испытания их любви.

Во время путешествия им попадается деревня, заражённая чумой, но Кир запрещает Ларе исцелять больных, чтобы не подвергать опасности армию.

Но сможет ли Лара пройти мимо больного? И не обернётся ли её милосердие непростительной жестокостью для всех, кого она любит?

Дорогие читатели,

И вот мы снова вместе. Ну, насколько могут быть вместе люди, объединённые писанным словом. Возможно, вы в книжном магазине заглядываете краем глаза под обложку? Или открыли коробку в гостиной, заказав мою книгу онлайн? А возможно стоите в очереди и пролистываете её, прежде чем заплатить за покупку?

Как бы этот роман ни попал вам в руки, позвольте мне ещё раз наложить своё заклинание и попытаться очаровать вас. С моим писательским слогом и вашим воображением в мире до сих пор остаётся место фантазии. Мы с вами сможем попутешествовать по королевству Кси и равнинам жителей Огненной земли, снова окунуться в жизнь Лары и Кира.

Военачальник и его военный трофей сделали первые шаги по тропе, которая приведёт их к дальнейшим приключениям и большому взаимопониманию. Но на Равнинах есть одна поговорка (и это универсальная истина): если хочешь услышать смех ветра, поведай ему о своих планах.

Итак, чего вы ждёте? Все собрались услышать мой сказ? Маркус ждёт вас с горячим кабаджем и едой. Поспешите! Мне не хочется попасться на его острый язык. Переверните страницу и присоединяйтесь к нам!

Элизабет

Джейн Лаки,
подруге, соседке и сестре

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Во-первых, спасибо моим читателям. Прошлый год был восхитительным: я получила столько е-мейлов и узнала, что вы с нетерпением ждёте публикации этой книги. Ваш энтузиазм дал мне силы продолжать писать, и я благодарна вам за это.

Спасибо доктору Мэри Дж. Гомбаш, штат Мэриленд: вы терпеливо сидели и позволяли задавать вам вопрос за вопросом во время обеда. Думаю, своим «что если...» я заговорила её до смерти. Поблагодарить также нужно и мою кузину, Синди Янг, которая разделила со мной любовь к лошадям. Она подарила городской девчонке немного понимания

деревенской жизни, и я глубоко ценю её за этот опыт. Спасибо Барбаре Доун, которая поделила со мной любовь к естественным краскам и тканям, а затем убедилась на горьком опыте, почему не стоит одалживать мне книги. Прости, Барб.

После всей помощи и исследований, любые оставшиеся в романе ошибки — только на моей совести. Я прекрасно способна создавать ужасные и смущающие ошибки без постороннего вмешательства.

Спасибо членам писательской группы, которые озвучили мне все болезненные истины, которые должен услышать писатель. В неё входят Спенсер Ластер, Хелен Курс, Роберт Венцлафф, Марк Тессин, Кит Флик и Майк Шимковяк.

И очередное спасибо Кэндис Клумпер, Патрисии Мерритт и Джо-Анн Томпсон за то, что постоянно подбадривали и поддерживали. Том Реддинг и Мэри Фрай прочитали финальные черновики, выловив больше ошибок, чем мне хотелось бы упоминать. Фил Фрай, Кэти Хансен и Деб Спыхальский — мои давние братья и сестра по несчастью, спасибо за любовь, поддержку и терпение.

Мне не хватит слов, чтобы описать весь вклад моего редактора, Анна Геноезе. Каждый раз, когда она высказывает своё предложение, история становится сильнее и богаче. И глубочайшая благодарность Хизер Брэди, моему литературному редактору.

Но ещё раз больше всего хочу поблагодарить Джин Рэйб, столкнувшей меня в омут, и Мэг Дэвис, нашедшей меня там.

Глава 1

— Кровяной мох! Это кровяной мох, Маркус!

Я наклонилась рассмотреть поближе. Уверена, это неприметная трава, потоптанная лошадьми, была редким растением.

— Спусти меня!

Лошадь, на которой мы ехали, загарцевала из-за моей неусидчивости, и Маркус натянул поводья.

— Если не перестанете вертеться, то полетите на землю, к моему с Вашеством величайшему позору, — заворчал Маркус.

Я сильнее обхватила его талию.

— Если бы вы позволили мне поехать одной, это бы не стало проблемой.

Маркус потерял терпение:

— И как далеко вы уедете с опухшими ногами? Теперь сидите и не дёргайтесь! Как это будет выглядеть — трофей, растянувшийся в грязи?

— Маркус, я мастер-целитель, и мои ноги прекрасно заживают.

— Делаете выводы из воздуха, — пробурчал Маркус. — А я буду строить выводы из того, сможет ли трофей пройти пешком.

Я откинулась назад от разочарования. Может, я и Ксилара, мастер-целитель, дочь дома Кси, королева Кси, военный трофей Кира из племени Кошки, военачальника Равнин, но Маркус волнуется обо мне, словно я чуть больше непослушного ребёнка.

Я вздохнула и прислонила голову к его плечу.

— Я прекрасно могу проехаться верхом.

Маркус фыркнул:

— Также как заботитесь о своих ногах.

В этом заключается одна из моих проблем. Когда я приняла решение следовать за армией военачальника, то сделала это в той же одежде, которая была на мне во время церемонии передачи военного трофея. Так как традиция требовала, чтобы трофей не принимал ничего, кроме как из рук военачальника, я шла босиком за его армией, пока Кир не узнал, что я делаю и повторно потребовал меня в качестве своего трофея. Последовать за моим военачальником, бросить вызов его решению было лучшим выбором и для нас, и для наших народов.

А вот решение идти босиком было не совсем умной идеей.

Жоден, певец-ученик, сказал, что приняв решение соблюсти традиции Равнин, я сделала сильное заявление, и оно разнесётся в песнях, над которыми он сейчас работал. Маркус выгнул бровь над оставшимся глазом и поинтересовался, будет ли факт, что впоследствии у меня заболели ноги, включён в первый стих или второй.

Я медленно выпрямилась, вытянула шею и осторожно осмотрелась, чтобы на этот раз не потревожить лошадь. Мы были в центре армии огненных и возвращались на Равнины. Не то, чтобы люди Кира называли себя «огненными». Этот термин использовали мои люди. Люди Кира называли себя «равнинниками», немного для меня непривычно. По крайней мере, в моих мыслях они остались жителями Огненной земли. Конечно, я больше не добавляю «проклятые» или «злые» и не считаю, что они изрыгают огонь. Хотя у меня ещё теплятся надежды увидеть синего равнинниками. Были коричневые и чёрные, а у некоторых кожа даже имела желтоватый оттенок. Кто знает, какие чудеса поджидают меня на Равнинах?

Кси в действительности представлял собой просторную горную долину, что простиралась вокруг нас до самого горизонта. Я никогда не заезжала так далеко от города

Водопадов и не видела самые дальние пределы того, что теперь стало моим королевством. Деревья уже начали облетать, и их опавший цвет устилал нам дорогу.

Маркус и я были окружены лошадьми и наездниками, которые не уместались в пределы дороги там, где ехали мы. Кир приказал, чтобы я путешествовала в центре живого моря воинов и лошадей. Несмотря на это, я знала, что мои охранники неподалёку. Рэйф и Прест ехали перед нами: я могла различить их спины.

— Рэйф!

Маркус дёрнул головой под капюшоном и забормотал. Осень уже вступала в свои права, но день был прекрасен, солнце грело спину. Но не для Маркуса. Он получил ужасные ожоги в прошлом и остался изуродованным, лишившись левого глаза и полностью левого уха. Поэтому Маркус всегда выходил из шатра, плотно укутавшись в плащ, чтобы небеса не оскорбились его шрамами. Ещё одна сторона этих людей, которую я не понимала.

Рэйф обернулся и помахал. Он и Прест замедлили своих лошадей, чтобы мы смогли нагнать их. Маркус заворчал, но занял место между ними.

— Рэйф, видишь то растение?

Я попыталась указать на мох.

— Растение? — Рэйф растерянно посмотрел на землю. — Трофей...

— Бледное такое. Похоже на мох, но цвета масла.

Рэйф пожал плечами.

— А вам не легче собрать самой?

Я закатила глаза от расстройства.

— Маркус не остановится!

Рэйф звонко рассмеялся, а Прест схватил повод нашей лошади. Маркус горько воскликнул, но Прест увёл нас с дороги. Я улыбнулась, несмотря на плохое настроение. У Рэйфа всегда наготове усмешка для меня. Он был небольшим худым парнем со светлой кожей, волосами цвета смолы и карими глазами. Полная противоположность моего другого охранника, Преста. Прест был крупным тихоней с коричневой кожей и тёмными волосами, заплетёнными в двадцать толстых косичек, которые прикрывали спину. Больше человек действия, чем слова, он спокойно увёл лошадей с дороги, где мы могли остановиться.

Я стала сползать с лошади, но Маркус меня не пустил.

— Вы больше не повредите ноги.

— Маркус...

Рэйф спрыгнул с коня.

— Покажите мне нужное растение, трофей, и я соберу вам несколько горстей.

К нам подъехали Эпор с Айсдрой.

— Какие-то проблемы? — поинтересовалась Айсдра.

Её длинная серебряная коса была перекинута через плечо, кожа слегка поцелована солнцем, а в раскосых серых глазах читалось небольшое удивление. Эпор не потрудился скрыть улыбку. Его яркие светлые волосы и борода сияли на свету. Он всегда напоминал мне изображение бога Солнца в храме моего родного города.

— Хочет сама сорвать какие-то сорняки, — пробрюзжал Маркус.

— Не сорняки, а кровавой мох, — поправила я. — Вот он, Рэйф. Поднеси поближе.

Эпор слегка захихикал, когда Рэйф наклонился сорвать растение. Я заметила, что Айсдра одарила его удивлённым взглядом и потянулась ударить по ноге. Он поймал её руку и поднёс к губам. Я отвела взгляд, смущённая таким проявлением чувств на публике.

Рэйф поднёс горстку листьев и растений. С корней свисала земля.

— Какой именно, трофей?

Стоило мне потянуться за растениями, как я услышала стук копыт позади. Маркус вздохнул:

— А вот и малой скачет.

Это Гил скакал во весь опор вдоль дороги, усмехаясь как сумасшедший. Мне было приятно видеть его простую радость оттого, что его конь скачет, как ветер. Маркус заворчал, но остальные улыбнулись и расступились, поскольку Гил устремился ко мне.

— Ко мне подъезжал Кадр, трофей! Просил помочь с фурункулом. — Он широко улыбнулся. Его выющиеся рыжие волосы танцевали на ветру, слова лились рекой. — Я ответил ему, что мне нужно посоветоваться со своим учителем.

Я улыбнулась ему в ответ. Этот молодой огненный объявил себя моим учеником. Хотя Кир решил, что он должен продолжать исполнять свои обязанности воина. Только так он разрешил ему служить моим помощником. По крайней мере, пока мы не достигнем Сердца Равнин. Я использовала каждую свободную минуту, чтобы давать Гилу уроки.

— Хорошо. Если повезёт, я смогу показать тебе как его проколоть. Но сначала ответь, Гил, ты помнишь, что я рассказывала тебе о кровавом мохе?

Гил кивнул, но я не дала ему время ответить. Я выхватила мягкие жёлтые листья из рук Рэйфа и выбросила остальное.

— Он растёт прямо здесь, Гил. Собери мне немного.

Армия продолжала двигаться вперёд, пока Гил слезал, чтобы присоединиться к Рэйфу в сборе трав. Остальные повели себя как при тревоге (уверена, они действовали машинально) и окружили нас. Даже притом, что мы путешествовали в центре армии

военачальника, их инстинкты приказывали им охранять меня. В том, что мы отстали, не было ничего опасного, так как армия двигалась пешим шагом и, по моим оценкам, растянулась на целые мили.

— Прест, у тебя есть лишняя кожа эхата? — спросил Эпор.

Прест бросил на него взгляд через плечо.

— А тебе нужно?

— Рукоять палицы перевязать.

— Он не любит держаться за голое дерево, — объяснила Айсдра.

— На обмотку твоего дурацкого оружия уйдёт целый эхат, — проворчал Маркус.

Я посмотрела на Эпора, у которого за спиной висела палица. Это был длинный массивный кусок дерева вполовину моей руки, с металлическими гвоздиками вдоль вершины и кожаной рукоятью.

— А что не так с его оружием? — спросила я.

Рэйф подскочил к моей ноге, неся кровавой мох в обеих руках.

— Маркус не одобряет, трофей.

— Слишком медленное и громоздкое, — пробурчал Маркус.

— Для тебя, — отрезал Эпор, словно это был его давний аргумент. — Я предпочитаю такое оружие, чтобы если ударить врага, он уже не встал.

Эпор дерзко мне усмехнулся и подмигнул.

Я вопросительно посмотрела на Рэйфа, и он рассмеялся над моим замешательством.

— Трофей, палица — это двуручное оружие, и лучше всего подходит крупному мужчине с силой в руках и груди. Как Эпор или Прест.

— Но не тебе? — уточнила я.

Рэйф покачал головой.

— Я за скорость. Буду быстрее с мечом или кинжалом. Айсдра, Гил или я нанесём два удара на один удар Эпора. — Он бросил на Маркуса быстрый взгляд и подмигнул бровью.

— Или три удара от Маркуса с его кинжалами.

Эпор засмеялся, его светлые волосы замерцали на солнце.

— Но в случае нужды даже ты или Айсдра сможете воспользоваться двуручником.

Рэйф кивнул.

— Возможно. Если буду в отчаянии.

— Или безумии, — добавила Айсдра.

Прест слез с коня и, порывшись в сумках, достал рулон тёмной кожи. Он вручил его Эпору, и тот кивнул в знак благодарности.

— Я восполню убыток после следующей охоты на эхата.

— А кто такой?..

Гил поднялся и вручил мне с улыбкой горсть листьев.

— Сколько вам нужно?

Я улыбнулась:

— Чем больше, тем лучше, Гил. Ты же помнишь, для чего он нужен?

Он посмотрел на меня с насмешкой.

— Помню, трофей. — Он согнулся над травой и стал монотонно рассказывать: — Кровяной мох накладывают на раны. Он растёт на месте больших сражений. Не прилипает к коже, не образует струпьев. Вроде бы помогает исцелению, предотвращает гноение и стягивает рану. Растение поглощает столько крови, сколько может, а когда становится бесполезным, его нужно рассеять по ветру, потому что мох использует кровь, чтобы пустить корни и вырасти.

Он встал, держа целую охапку листьев.

Маркус застонал.

— Кровососущая трава. Лучше бы я не знал.

Я была довольна. Память Гила никогда не подводила его на уроках. Огненные были наделены прекрасной памятью, так как у них не было письменности. Однако у Гила возникли сложности с практическим применением своих знаний. Мои ноги служили тому хорошим примером.

Одно дело говорить об очистке и лечении загнившей раны, другое — работать с живым пациентом, который машинально будет дёргать ногой при каждом прикосновении. В конце концов, Маркус в отчаянии уложил меня на живот и держал с Киром за ноги, пока Гил чистил. Паренёк приложил все усилия, но правая нога воспалилась, покраснела и загноилась. Бедному Гилу пришлось чистить рану с нависающим над плечом сердитым и взволнованным военачальником Равнин, следящим за каждым его движением.

Я наклонилась вперёд, держа руку перед лицом Маркуса.

— Она замечательная, Маркус. Дай мне свой нож, и я покажу, как она действует.

— О Небеса. — Маркус отдёргнул голову, и лошадь загарцевала под нами. — Звучит так, словно вы собираетесь отрезать себе руку. Только не моим ножом!

Айсдра рассмеялась и подъехала ближе.

— Покажите мне, трофей.

Она достала нож и глубоко резанула мясо под большим пальцем. Кровь так и брызнула.

Я взяла листья и скрутила их, кроша на волокна. В нос ударил сильный аромат.

— Возьми и прижми к ране.

Айсдра вытерла лезвие о штаны, вложила в ножны, а затем прижала пальцами кашицу к ранке. Листья тут же изменили цвет на бледно-зелёный. Гил вытянул шею, и Айсдра наклонила руку, чтобы он смог всё рассмотреть. По моему кивку она убрала листья. Кожа стянулась. Лишь опухшая красная линия осталась единственным свидетельством того, что здесь только что была рана. Айсдра подняла руку, чтобы показать другим и уронила листья на землю.

Прест и Рэйф были явно впечатлены. Рэйф кинулся собирать мох с двойным прилежанием. Гил присел на корточки и внимательно рассмотрел кровавые листья. Я понаблюдала за ним с минуту и улыбнулась.

— Гил, я не думаю, что он пустит корни на твоих глазах.

— Ох!

Он был явно разочарован, но принялся собирать ещё больше.

— И о чём особенно мы должны помнить, когда используем эту траву?— мягко поинтересовалась я.

Он немного нахмурился, а затем его лицо посветлело.

— Не использовать её на инфицированной ране. Она запечатает грязь внутри, если не будешь острожен. — Он прикусил губу. — Я не могу использовать их на ваших ногах.

— Правильно, — кивнула я. — И её опасно использовать на ранах брюшной полости по тем же самым причинам.

— Трава должна быть свежей? — пробурчал Маркус.

— Мне говорили, что действует и высушенная, только не так быстро.

— Я подумала о другом её применении, — хитро улыбнулась Айсдра. — Поможет в лунное время. Она растёт на Равнинах?

Я зарделась от смущения и пожала плечами. Она говорила так небрежно о чём-то, что мои люди вслух не обсуждают. По крайней мере, не в смешанной компании.

Эпор слез с коня и посмотрел на листья в своих руках. Его лошадь обнюхала его руку, но отвела морду, когда он предложил их в качестве угощения.

— А на лошадей они действуют?

— Почему у вас всё сводится к лошадям?! — внезапно взорвалась я.

Возникла неудобная пауза.

От удивлённых взглядов на их лицах мою враждебность как ветром сдуло. Я опустила глаза на спину Маркуса и пробормотала:

— Не знаю.

Гил, благослови его юность, быстро отошёл от шока.

— Я наполнил сумку, трофей. — Его руки были полны листьев. — Я могу наполнить ещё одну, если хотите?

— Было бы здорово. — Я осмотрелась и к своему удивлению поняла, что это небольшое растение росло до самого горизонта. — Две горстки в комплекте каждого воина пригодились бы в случае ранения.

Гил быстро раздал собранное, проверяя, чтобы у каждого было, по крайней мере, две горсти. Даже Маркус взял мох. Гил убрал свою долю в седельные сумки и сел на коня.

— Я распространю слово, трофей. Две горстки.

— Накажи хорошенько его высушить, Гил! — крикнула я ему вслед. — Мы осмотрим Кадра, как только остановимся на ночлег.

Рэйф тоже сел на коня, и Маркус повернул нашу лошадь обратно к армии в спокойном темпе.

— Вашеству не понравится, что его воины остановились собирать букетики.

— Они ведь когда-то должны устраивать водопой? — заметила я.

Рэйф рассмеялся, но Маркус лишь проворчал.

Когда мы вернулись на наше место в море воинов, Маркус осторожно вернул нас прямо в центр. Рэйф и Прест ехали перед нами на небольшом расстоянии, Эпор и Айсдра исчезли позади. Они не пытались занять никакую особую позицию, так как вокруг нас всё равно были одни воины. Я заёрзала, пытаюсь устроиться поудобнее, и постаралась не дышать на ухо Маркуса.

Маркус, должно быть, услышал меня, поскольку откашлялся.

— Эпор не хотел оскорбить вас, трофей, спрашивая о лечении лошадей.

— Я знаю, Маркус.

Я зевнула: усталость тут же накатила, как спало воодушевление. Это был короткий яркий миг в монотонности дней с тех пор как Кир Кошка, военачальник Равнины с тёмными волосами и сияющими голубыми глазами, поднял меня на свою лошадь и повторно признал своим военным трофеем. Я перебирала листья, которые всё ещё держала в руке. Эльн будет рад слышать, что в этой области кровавой мох растёт в избытке. Я могла бы отправить ему траву со следующим посыльным: выкопала её бы, очистила корни и всё такое, обернула бы во влажную ткань. Даже его строгое лицо расплылось бы в улыбке при виде ценного мха. Я бы рассмеялась, увидев его — вот только меня не будет рядом.

Внезапно всего оказалось чересчур. По телу прокатилась волна недуга, сердечного недуга, от которого нет лечения. Я была слишком знакома с этим чувством, поскольку скучала по своему дому, замку и людям, которые остались в городе Водопадов. Скучала по тушёному мясу Анны и подколкам Хита, по моей старой комнате с привычными каменными стенами. Я всю жизнь прожила в замке Водопадов, и мне становилось плохо только от одной мысли, что я никогда больше его не увижу. Я вздохнула, стараясь не питать жалости к себе, но не смогла.

— Вы сама не своя, трофей. — Маркус повернул голову, и я смогла различить его нос и губы под капюшоном. Его голос сменился на низкий нежный шёпот. — Вы ничего не едите, и, если я прав, то и не спите.

Я посмотрела на землю под нами.

— Всё хорошо.

— Вы не беременны?

Я уронила голову на его плечо и застонала.

— Маркус...

— Это справедливый вопрос, — ответил Маркус. — Наши женщины предохраняются, но кто знает вас, ксианок...

— Я не беременна, — проворчала я. Я не хотела думать об этом, хотя он был прав. Я не предохранялась. Мой цикл должен был начаться со дня на день. Но одна мысль о беременности поднимала ряд проблем, которые я не хотела рассматривать. Вопросов, которые я должна была обсудить с Киром.

— Тогда что не так, Лара?

Маркус редко называл меня по имени, и значит, сейчас он очень волновался. Я хотела ему всё рассказать, но не смогла.

— Всё хорошо, Маркус. Правда.

Он фыркнул.

— Как скажете, трофей.

Он напрягся, и я поняла, что расстроила его. Этот маленький обезображенный человек стал очень много значить для меня за столь короткое время. Он был фанатично предан своему военачальнику и мне. Не знаю только, заслужила ли я это уважение сама, или же он защищал меня, потому что Кир выбрал меня своим трофеем. Но как бы то ни было, разве могла я поделиться с ним своими страхами и заботами? Он и так уже презирал ксиан. Мои жалобы или капризы лишь подбросят дров в пламя его неприязни.

Я решила переключиться на простой вопрос.

— Как думаешь, когда мы остановимся на ночлег?

— Только через несколько часов, трофей. Вашество не даст нам остановиться, пока не стемнеет.

— К чему такая спешка?

— У Вашества есть на то свои причины. Вы будете признаны старейшинами, когда мы достигнем Сердца Равнин, и чем скорее, тем лучше.

Тон Маркуса явно давал понять, что тема закрыта.

Я искала на что бы отвлечься и мельком увидела, как Эпор тянется дёрнуть Айсдру за косу.

— Эпор, кажется, воздыхает по Айсдре.

— Ась? — Маркус заворчал. — Воздыхает? Что это значит?

Я стала думать, как бы объяснить незнакомое слово.

— Он заботится о ней.

Воцарилась неестественная тишина. Я поддалась вперёд.

— Маркус?

— Они связаны. — Он говорил неохотно, словно эти слова причинили ему боль. — Разве вы не заметили спирали на их ушах?

— Связаны? Значит женаты?

Я завертелась, пытаюсь лучше разглядеть их уши. Маркус очевидно устал от меня.

— Спросите у Эпора или Айсдры, — дал он короткий ответ и свистнул, привлекая внимание Преста.

Прест поднял руку и стал отступать к нам. Поскольку я была бременем для лошади, меня пересаживали каждый час, чтобы ни одно животное не устало. Элементали запрещали плохо обращаться с лошадьми. Я начинала чувствовать себя тюком в торговом караване.

Пока Прест занимал свою позицию, Маркус продолжал говорить:

— Жоден — хороший человек, Лара, его уважают за мудрость. К нему прислушиваются сенель, хотя у него нет чина, и даже старейшины. Он станет великим певцом, как только будет им признан.

Прест подъехал, готовясь пересадить меня на свою лошадь, но я проигнорировала его протянутую руку. Вместо этого я наклонилась, пытаюсь понять, к чему клонит Маркус.

— Если не можете никому довериться, доверьтесь певцу, — произнёс Маркус почти шёпотом. — Слова, сказанные певцу, устремляются в его сердце и не могут быть вырваны на свободу. Поговори с Жоденом, Лара. Пожалуйста.

После этих слов он пересадил меня на лошадь Преста, не сбивая хода, отъехал назад и растворился в толпе.

Прест был на целую голову выше Маркуса и, несомненно, вдвое шире. Мне не хотелось ехать с ним, так как я ничего не могла разглядеть из-за его плеча. Это означало, что я буду совершенно подавлена к следующему часу.

Прест тоже был не из болтливых, и значит, я оставалась наедине со своими страданиями. Если бы здесь была Атира, я бы могла довериться ей, но её оставили в городе Водопадов на попечении Эльна. Её нога хорошо заживала, но перелом не давал возможности сесть в седло. Даже окружённая тысячами воинов, я чувствовала себя ужасно одиноко. Кир отсутствовал уже два дня, и часть меня боялась: вдруг он решил, что этот военный трофей ему больше не интересен. Возможно, я могла бы поговорить с Жоденом, довериться ему. Жоден так мне помог, когда я была в лагере. Именно он выяснил, что Ксиманд, мой покойный единокровный брат, солгал мне. Но я чувствовала себя такой глупой и жалкой. Как испорченный ребёнок со сломанной игрушкой.

Как я могла рассказать кому-либо, что я настолько несчастна? У жителей Огненной земли и так довольно низкое мнение о мягкотелости городских, и если я начну жаловаться, то это только оправдает их представление.

Я немного переместила свой вес и обхватила Преста за талию, пытаюсь устроиться поудобнее. По крайней мере, в седле я теперь держусь лучше. Первые пять дней тело ныло так ужасно, что я думала, что умру.

— Гарта?

Прест протянул мягкий мешочек.

— Нет, — спокойно ответила я, пытаюсь не дрожать, поскольку мой живот тут же поднял бунт. — Спасибо.

Прест что-то буркнул и засунул кусочек в рот.

Гарт — это разновидность сушёного сыра, очевидно, изготовленного из молока животного похожего на козу. На вид как маленькая белая галька, можно жевать так, размочить в воде или расплавить и полить на мясо. Огненные добавляют его в каждое блюдо. Хранится он без труда и, кажется, никогда не портится. Держат его обычно в мешочке под рукой. И хоть я пристрастилась к местному напитку, каваджу, гарт так и остался мною непонятым. Он невкусный, горький и сухой, как зелёное яблоко в начале весны. А в плавленом виде и с мясом просто отвратителен.

Армия на марше придерживается строгой диеты. Каждый приём пищи включает в себя мясо, гарт и поджаренный хлеб: мелконарезанное тесто бросают в кастрюлю с жиром. Он не такой уж плохой на вкус, но есть его каждый день... ну, я ещё никогда так сильно не ценила Анну за её кулинарные таланты. Или чудеса, которые готовил Маркус, пока мы стояли лагерем у стен города Водопадов.

Но то постоянный лагерь. Конечно, во время путешествия мы разбиваем ночлег, но это совсем другое. У нас больше нет шатра размером в несколько домов, который нужно ставить целый день. Теперь у нас крошечное убежище, в которое можно заползти поспать. Или не поспать, как в моём случае. Я лежала одна в маленькой палатке, завёрнутая в одеяла, и пялилась в потолок. Каждый шорох, каждый шаг проходящего часового, фырканье лошади или кочка на твёрдой земле заставляла меня проснуться и не смыкать глаз большую часть ночи.

Всё было не так плохо лишь когда рядом со мной лежал Кир. По каким-то причинам я могла заснуть в его присутствии. Точнее, признаюсь, в его объятиях. Но у него свои обязанности: он должен проверять разные части войска, что растянулось на целые мили. Поэтому иногда он ночевал не в нашей палатке. Я не видела его последние два дня.

Огненные могли спать и в седле. Но если бы я попробовала провернуть такое же сама, то попросту заболела бы. Огненные, в седле, могли чинить гвозди, точить мечи, спорить и, Богиня помоги мне, вести разговоры.

А это уже отдельная тема. У нас в Кси тоже есть лошади. Меня учили верховой езде в детстве, и я не раз каталась верхом. Но в городе я редко ими пользовалась. Пока конюх подготовит для меня лошадь, я пройду половину нужного мне пути. А с лошадьми нужно беспокоиться к чему бы их привязать и как бы не оставить на долгое время. Я никогда не была очарована этими животными: они лишь средство передвижения и всё.

Но я быстро узнала, что огненные смотрели на своих животных совсем по-другому. Они относились к лошадям как к детям, уважали и ценили их. Одно из худших оскорблений «брэгнект» в переводе означало «убийца жеребёнка». Теперь, когда я узнала значение этого слова, я стала использовать его намного осторожнее.

И точно как гордые родители, огненные имеют привычку говорить о своих лошадях. Постоянно. Одержимо. Они будут обсуждать их уши, гривы и походки, пока мне не захочется кричать. У них семнадцать слов для описания жеребца, и они могут говорить часами о сёдлах. Они любят менять сёдла с помощью стремян, подпруги и подушек, и выяснять преимущества и недостатки. Их мир зависит от этих животных, и первый день меня это пленило. Но затем я быстро устала от лошадей и разговоров о них.

А это уже отдельная тема. Все беседы происходили на открытом пространстве, где вас мог услышать любой. Как я могла судить, у этих людей отсутствовало понятие стыда и частной жизни. Так как-то ко мне подъехал один мужчина и без всякого смущения начал описывать состояние своего кишечника прямо посреди процессии. Нельзя с кем-то поговорить, чтобы вас не слышали.

Впереди раздался крик. Я выглянула из-за плеча Преста и увидела, что один из воинов набросился на другого, валя того на землю. Лошади шарахнулись в сторону, но все просто продолжили двигаться, пока эти двое катались по земле, избивая друг друга. Их лошади отошли в сторону поесть травку, пока всадники решали свои разногласия.

А это уже отдельная тема. У этих людей такой взрывной характер, что они без колебаний нападут на вас за малейшую обиду. Только предоставление символа могло обезопасить того, кто решил произнести оскорбительные слова. В Кси противника можно вызвать на дуэль и иметь возможность подготовиться. Но с этими людьми такой номер не пройдет.

И вот я, военный трофей военачальника Равнин, объявленная таковой перед нашими народами, удостоенная похвалы и восхищения за готовность отправиться в новое и странное место и стать мостиком между нашими народами. Что они подумали бы, узнав, что я мучаюсь из-за больного живота, голода, усталости, грязи и одиночества, а ещё уверена, что военачальник потерял ко мне интерес?

Я вздохнула и попыталась укорить себя, что я изнеженная горожанка. Я не имела никакого права жаловаться на такие незначительные проблемы. Не нужно выставять себя дурочкой.

Мой желудок описал очередной кульбит, и я постаралась отвлечься, сосредоточить взгляд на деревьях вдалеке и изо всех сил постараться не закричать.

Жоден был ещё шире, чем Прест, но не таким высоким. Как только я оказалась у него за спиной, то упёрла подбородок в его плечо и посмотрела вперёд, надеясь, что это успокоит живот. Со временем.

— У тебя больной вид, трофей. Ты не беременна?

Богиня, неужели каждый человек в этом войске решил задать мне этот вопрос?

— Нет, — ответила я более резко, чем хотела. — Я в порядке, Жоден.

Он затих на мгновение, а затем покачал головой.

— Нет, тебя что-то беспокоит, трофей.

Низкий голос Жодена, казалось, отзвуком прошёл сквозь его грудь прямо в мои кости.

Я вздохнула. Это человек очень помог мне в прошлом, объяснив значение моего титула. Возможно, он мог помочь мне сейчас.

— Жоден, всё, что рассказывается певцу, ведь не подлежит огласке?

Жоден повернул голову, пытаясь разглядеть моё лицо.

— Да, если рассказано настоящему певцу под небесами. Ты хочешь в чём-то признаться, Лара? В чём-то личном?

Я кивнула.

— Только между нами. Ты никому не расскажешь?

Он развернулся и вытащил пакетик из седельной сумки.

— Я ещё не настоящий певец, Лара. Но слова между друзьями можно рассматривать как личные.

Он достал маленькую связку колокольчиков и наклонился повязать их на гриву своего коня. Теперь нежный перезвон оглашал каждый шаг лошади.

Без лишних слов наездники вокруг нас придержали лошадей и отстали, освобождая место. Я повертела головой и заметила, что никто не выглядит встревоженным, даже не любопытничает, что мы делаем.

— Что?..

— Колокольчики уединения, — понял мой вопрос Жоден. — Их используют, если хочешь поговорить или в чём-то признаться, чтобы тебя не услышали. Колокольчики — просьба на уединение. Разве у вас нет таких?

— Нет. — Я наклонилась вперёд и заговорила тише: — Когда мы хотим остаться одни, то уходим в одну из комнат и закрываем дверь.

Жоден фыркнул.

— На Равнинах тяжело остаться одному. Ты вряд ли найдёшь дверь в палатке. А уж тем более в зимних убежищах. Если услышишь перезвон колокольчиков, значит человек хочет покоя или поговорить с кем-то наедине.

Я задумалась.

— Кир не использовал их в лагере.

— Палатка командира сама собой является личной территорией, военный трофей.

Жоден, казалось, поудобнее устроился в седле.

— Теперь, Лара, между друзьями, что не так?

— О, Жоден. — Я сморгнула слёзы. — Всё намного сложнее, чем я себе представляла!

— А, — кивнул Жоден. — Скучаешь по дому. Это нормаль...

— Нет.

Из горла вырвался всхлип.

— Нет, не в этом дело... — Я сделала глубокой вдох. — Жоден, я просто умираю со скуки!

Глава 2

Я рассказала Жодену всё. Как тяжело заснуть, когда вокруг палатки всё время ходят. Как сильно ноет тело после долгих часов езды каждый день. Как огненные не обсуждают ничего кроме коней, кобыл да жеребят. Их масть, глаза, поступь, холку... часами! Еда... ну она не дотягивала до стандартов Анны, это уж точно.

Мой голос звучал плаксиво, сама удивилась, но это меня не остановило. Я вылила всё своё горе в уши Жодена под перезвон колокольчиков уединения.

И наконец, худший мой страх, я боялась, что Кир потеряет ко мне интерес. К счастью, я не могла видеть лица Жодена, пока делилась своими сомнениями. Кира не было рядом: он постоянно скакал туда-сюда и не всегда возвращался в нашу палатку на ночь. Огненные думали совершенно по-иному, а их женщины все поголовно были стройными, сильными, уверенными в себе и... аппетитными.

Я прислонила лоб к спине Жодена.

— Прости, Жоден. Я не имела ни малейшего права так говорить. Я веду себя словно капризный ребёнок. Я последовала за Киром и сделала это по доброй воле. Просто...

— Ты ожидала иного.

Я почувствовала, как голос рокошет у него в груди.

— Отец часто рассказывал мне о своих походах и приключениях. Как тяжело ему приходилось. Я просто не ожидала, что тяжело и неудобно будет каждый день!

Жоден рассмеялся. Я поначалу обиделась, но не удержалась и рассмеялась вместе с ним.

— Итак, ты планировала стать настоящей равнинницей всего за пару дней? Ты, которая никогда не отваживалась покинуть свой каменный дом, — усмехнулся Жоден.

— Ну, я не думала, что будет легко.

— Ведь так не бывает. — Жоден сместился в седле, и кожа седла скрипнула в ответ. — Если Маркусу приходится исправлять ошибки, то только из-за своей веры, что Кир никогда не ошибается. Ты говорила с Киром, Лара?

— Нет. Я слишком смущена.

Жоден замолк. Своим молчанием он напомнил мне Эльна, когда учитель хотел заставить меня задуматься над своими словами. И когда я задумалась, то вспыхнула от стыда. Это правда, я чувствую, что не могу поговорить с Киром о подобном. Он такой гордый, такой уверенный, такой... совершенный. Как я могу бросить ему мысль, что его военный трофей не такая, как он?

Я тяжело вздохнула.

Жоден слегка повернул голову, словно хотел взглянуть на меня.

— Эта твоя земля, Кси, такая непонятная для нас. Многие признавались мне, что им нелегко.

— Правда?

Я окинула взглядом долину, её холмы и деревья. Небо над головой было кристально-синим, воздух сладок от запаха смятой травы.

— Почему?

— На Равнинах просторы тянутся на целые мили. Ты можешь увидеть, как рождается буря и несётся по травам, неся дождь. — Жоден поднял взгляд на вырисовывающиеся перед нами горы. — Здесь же ты ничего не можешь увидеть, а деревья не дают тебе полюбоваться на звёзды. Это неприятно.

— По твоим словам, Равнины бескрайни, Жоден.

— Бескрайни как сами Небеса, Лара. — Я слышала улыбку в словах Жодена. — У них своя особая красота.

Его голос был полон тихой гордости.

— Но жизнь там тяжела, земля не прощает ошибок. На Равнинах мы принимаем жестокость жизни, но также ценим её свободу, а вкус свободы сладок.

Его тон изменился.

— Кир хочет изменить наши традиции, облегчить тяжести, улучшить жизнь. Но меняться всегда тяжело.

Я переваривала его слова, пока он делал глубокий вдох для продолжения.

— Мы возвращаемся на Равнины, Лара, и обычно наши руки были полны награбленного. Но в этот раз, эта армия, пусть и победоносная, возвращается с военным трофеем. Для нас ты имеешь больше ценности, чем товары и еда. Но воины иногда видят только добычу в руках или отсутствие таковой.

Жоден сделал вдох и продолжил:

— У Кира были взлёты и падения, он волнуется о нуждах своих воинов. Но он также напомнил, что дань с этого похода прибудет позже, когда растает снег. Некоторые работают против Кира и укажут на пустые руки и сумки.

— Ифтен?

Большой светловолосый мужчина с жидкой бородкой, бросивший вызов Киру, не был моим любимцем. Он смотрел на меня, точно на вредительницу.

— Ифтен, — подтвердил Жоден. — Кира недолюбливают и другие, но они не решатся нарушить свою клятву перед военачальником, хотя и не одобряют перемен. — Жоден покачал головой. — В Сердце Равнин нас ждут неприятности.

— Неприятности?

Жоден кивнул.

— Но знаешь что, трофей. Кир объявил тебя своей, и он уважает свою клятву.

— Жоден, я не понимаю, что это значит.

— Вы стали связанной парой, Лара. Как Эпор и Айсдра.

— Что значит «связанные»?

Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть их в толпе.

— Они связаны клятвой друг с другом, и так будет много лет.

— Я не знала.

— Да, — произнёс Жоден. Его тон напомнил мне об Эльне в те моменты, когда я упускала нечто важное. — Поговори с Айсдрой, Лара. Ты должна спрашивать, когда чего-то не понимаешь.

Он снова повернулся ко мне, и я наклонилась послушать его.

— У Кира свои причины гнать армию с такой скоростью. Он надеется избежать сопротивления, если мы быстро прибудем.

— Сопротивления? Из-за меня?

— Да. Послали гонцов, но Равнины широки. Если повезёт, мы сможем приехать в Сердце Равнин и подтвердить твой титул до того, как стянутся главные противники. Поговори с ним, Лара. Поделись своими страхами. Ты должна рассказать всё это Киру. Мои слова тебя не утешат.

Тяжелов вздохнув, я прислонила голову к его спине и кивнула.

— А что касается остального, ты хорошо справляешься, Лара. Для горожанки. Не бойся. Всё будет хорошо.

— Отчего такое кислое лицо, трофей? — спросила Айсдра, пересаживая меня к себе.

— Айсдра, если ещё кто-нибудь погладит меня по головке точно неразумное дитя и скажет не волноваться, я закричу.

Айсдра рассмеялась.

— Не вини их. Для нас любой, кто не носит оружие, ребёнок, и его нужно оберегать и защищать.

Я затихла и задумалась. Айсдра выглядела такой спокойной, такой уверенной в себе. Боюсь, мою уверенность не примут радушно и не будут уважать.

— Айсдра, Маркус сказал, что вы с Эпором связаны.

— Маркус?! — воскликнула Айсдра в удивлении. В следующее мгновение она уже заплела колокольчики в гриву своей лошади, и нас оставили одних. — Трофей, могу я попросить твой символ.

Я заморгала, откинулась назад и нащупала в кармане камень, который привыкла носить с собой.

— Я сказала что-то оскорбительное?

— Нет. — Айсдра забрала у меня символ. — По крайней мере, не для меня. Лара, я расскажу тебе то, что все знают, но никогда не обсуждают. Ты поняла?

— Да, вроде бы. Нечто, что все знают, но не говорят, — медленно повторила я. — Так, люди в Кси избегают обсуждать смерть моего брата. Опасаются моей скорби. Или гнева.

— Да, ты поняла суть, — кивнула Айсдра и сделала тяжёлый вздох. — Лара, Маркус был связан.

— Правда?

Я повертела головой, пытаюсь разглядеть Маркуса позади. Его подбородок покоился на груди: видимо, он спал в седле, а лошадь тихонько шла вперёд.

— Но его ухо... — Я запнулась. Его левое ухо сгорело.

Айсдра снова кивнула.

— Да, спираль расплавилась вместе с плотью. Я не знаю подробностей, Лара. Только не задавай ему вопросов, будь даже у тебя символ в руках, колокольчики повсюду и военачальник под боком. Все знают, что Маркус взрывается, когда затрагивается эта тема. Мы с Эпором стараемся проявить чуткость, но знаем, что ему больно от одного взгляда на нас. Будем честны с Небесами, я удивилась, когда военачальник объявил нас вашими телохранителями.

— О, Богиня. Её убили, Айсдра?

Айсдра покачала головой.

— Я больше ничего не скажу, Лара. Как говорится, меньше знаешь, да и невежливо иное. Но если хочешь поговорить об узах, я могу посплетничать, как сорока.

Я почти физически ощущала её улыбку, когда она передавала мне символ.

— Расскажи мне об узах.

— Расскажу всё так, как буду учить молодых. Не ради обиды, а ради знания. — Я слышала ритмику в её голосе, она говорила, словно читала лекцию. Она подождала, когда я проникнусь величиим момента, и продолжила: — Вот обычай Равнин. После того как рождаются необходимые детки, а на полях стяжается слава, каждому даётся свобода в выборе своего суженого. Узы связывают две души, и несут как боль, так и наслаждение. Как тело и разум работают единым целым, так теперь и эти двое. Это сложнее, чем самая

ожесточённая битва, ведь сражение длится часы, но эта работа постоянная и непрекращающаяся. Подстраиваясь друг под друга, связь усиливается и ослабевает с каждым вдохом. Узы редки, но когда они есть, они дарят бесценную радость.

— Нельзя образовать узы, пока не родишь детей?

— И послужить своему племени как воин, нет.

— А, — я облизнула губы, — связанные пары не спят с другими?

Айсдра затихла на мгновение.

— Я слышала, что у ксиан совсем иные традиции и обычаи. Что вы имеете в виду под словом «спят»?

Моё лицо залилось румянцем, но, к моей радости, Айсдра не могла меня увидеть.

— Это значит, что мужчина и женщина вместе и прикасаются друг к другу так, что это приносит обоим удовольствие.

— Ах, вот ты о чём. Тогда да, связанные пары не «спят» с другими.

— Как... — Я пыталась подобрать нужное слово, не зная, хочу ли я услышать ответ на свой вопрос. — Каково это?

Кажется, Айсдра поняла, о чём я спрашиваю.

— Ах, Лара, Эпор — огонь моего сердца.

Она повернула голову, и я за ней. Эпор ехал впереди и чуть сбоку, на расстоянии двух лошадиных крупов. Его светлые волосы отливали золотом на солнце, свет отражался от бусинок и проволоки, оплетавшей ухо. Один из всадников что-то сказал, и Эпор откинул голову и звонко рассмеялся. Я почувствовала, как Айсдра вздохнула и посмотрела вперёд.

— Он красавец, Айсдра.

— О да.

— А у вас была церемония? — поинтересовалась я.

— Можно с ней, а можно и без. Зависит от пары. — Айсдра рассмеялась. — Я пригласила Эпора на танец и озвучила своё желание. Видела бы ты его лицо...

— А у связанных есть дети?

Айсдра снова рассмеялась.

— Ну, у нас точно не будет. Мой лунный цикл закончился давным-давно. — Айсдра склонила голову на бок. — Все связанные немолоды, Лара. Сначала мы должны послужить нашему народу, и только потом вольны выбирать свой путь. — Она сделала паузу. — Это наша последняя кампания.

— Вот как? А чем тогда вы займётесь?

— Эпор хочет пасти скот. А я, наверное, стану тхиэ для маленьких. — Она обернулась и хитро на меня посмотрела. — Возможно, даже стану тхиэ для твоих деток.

Моё лицо снова залилось краской.

— Я не беременна, Айсдра.

Она хихикнула.

— Ты молода, Лара. Кир здоров. Детки будут.

Я прикусила губу от внезапного приступа гнева. Она что, спала с Киром? Я постаралась выкинуть эту недостойную мысль из головы. У них другой склад жизни, и я знала, что у Кира... есть опыт. Но мысль о том, что он делил ложе с другой женщиной, прожигала меня насквозь.

— Поэтому, — продолжила Айсдра. — Мы должны убедиться, что ты в совершенстве знаешь наш язык, и мы избежим ошибок. У нас много слов для описания слова «спать». Давай расскажу, начнём с... — Она замолчала и посмотрела направо.

Я тоже обернулась и увидела, что к нам скачет Кир. В доспехах и с двумя клинками за плечами он представлял собой само воплощение бога войны. Сердце забилося чаще, стоило мне увидеть его тёмные волосы и голубые глаза, в которые я влюбилась с первого взгляда. Даже покрытый пылью и засохшей коркой пота на лбу он был великолепен.

Кир подъехал ближе с виноватым выражением лица.

— Айсдра, если можно нарушить уединение колокольчиков, могу я забрать военный трофей.

Она кивнула и убрала колокольчики из гривы. Мой спаситель подъехал ближе и пересадил к себе, к моему огромному облегчению.

Кир посадил меня перед собой, поперёк седла. Как только я уселась, он страстно меня поцеловал. Поцелуй говорил о голоде, желании и нашей разлуке. Любое сомнение в его чувствах растворилось как дым, стоило теплу разлиться по телу. Я прекрасно понимала, что Айсдра имела в виду под выражением «огонь моего сердца».

Он прервал поцелуй и печально улыбнулся, увидев моё покрасневшее лицо.

— Держись, трофей.

Я крепче обхватила его шею, и он пустил коня рысью, уезжая подальше от армии. Когда за нами последовали мои телохранители, он махнул им рукой. Пока он скакал, у меня было время изучить лицо мужчины, укравшего моё сердце. У меня не заняло много времени узнать, что военачальник Равнин, внушающая всем страх Кошка, Опустошитель и Разрушитель, человек необычный. Иногда, когда Кир кажется жестоким, он на самом деле в душе смеётся. А иногда у него такое странное выражение лица, словно он заметил нечто забавное, но не хочет никому это показывать.

Я пристально изучила его лицо.

— Что тебя так забавляет?

— Обернись.

Заинтригованная его словами, я чуть приподнялась, выглянула из-за его плеча и выдохнула от удивления. У каждого воина была горсть кровавого мха: в волосах, плаще, на лошадях. Из Гиля вышел хороший гонец. Все собрали кровавой мох. Я подавила смешок.

— У меня странное чувство, что он для чего-то тебе нужен, — серьёзно произнёс Кир, но в его глазах плясали смешинки. Я не удержалась и рассмеялась во весь голос.

Кир обнял меня и перестал улыбаться.

— Удосужишься рассказать, почему все мои воины понавешали на себя сорняки?

— Это кровавой мох. Целебное растение.

— Об этом я догадался, — ответил Кир, на этот раз на ксианском.

Я закатила глаза и снова рассмеялась. Кир владел моим языком намного лучше, чем я понимала его.

— Моему свирепому полчищу будет трудно вселять страх в сердце врага с сорняками в волосах, — подразнил он.

— Оно очень полезное.

— И чем?

Я рассказала о его использовании и даже предложила порезать себе руку для демонстрации. Кир громко захохотал, но отказался. За всем этим разговором я не обратила внимания, куда именно мы едем, пока Кир не остановил коня.

— Будем надеяться, что в скором времени тебе не понадобится столько мха.

Мы уехали далеко от армии, к огромным зарослям ольхи. Её мелкие листочки уже начали желтеть.

Подожёл воин и придержал коня, пока Кир спешился. Он посмотрел на меня и улыбнулся с надеждой. Его глаза хитро засияли.

— И какую же каверзу задумал военачальник?

Его улыбка стала шире.

— Никакую, трофей. Можно тебя отнести? Нам недалеко.

— У меня есть ноги.

Я стала слезать с лошади, но Кир обхватил меня за талию и медленно опустил на землю. Жест не был неприличным, но мои щёки полыхнули румянцем.

Кир слегка усмехнулся и взял меня за руку.

— Пойдём, робкая ты моя.

Мои ноги всё ещё не зажили, но я могла ходить в мягких туфлях, которые для меня нашёл Маркус. Кир провёл меня сквозь кустарник, удерживая ветки крепкой рукой.

Чирикали птицы, но стоило им слышать наши шаги, как они в страхе улетели. Мы вышли на берег небольшого озера, вокруг которого росли густые заросли жёлтой ольхи. Рядом было расстелено одеяло, на нём лежали разнообразные свёртки. Я едва успела разглядеть полянку, как Кир взял меня на руки.

— Возможно, застенчивый трофей насладится недолгим уединением, купанием и обедом со своим военачальником.

— Что? Без стражи? Только мы вдвоём?

— О, стража есть. — Он посадил меня на одеяло и стал доставать мечи и кинжалы. — За ольхой, вне поля нашего зрения. Если понадобится, я крикну им. — Он положил оружие на угол одеяла в пределах досягаемости. — Ифтен — мой второй. Йерс — третий. Я могу оставить армию на них. А у меня есть дело поважнее.

Покрывало лежало на траве и было очень мягким. Я легла на спину и стала смотреть, как Кир снимает свою кожаную броню, поддоспешник и остаётся в одних штанах. Моё дыхание участилось, и он знал об этом, если только случайная искорка в его голубых глазах имела какую-то подоплёку.

С невообразимой грацией он сел на одеяло рядом со мной.

— О? — Я изогнула бровь. — И что это за важное дело?

Он одарил меня понимающей улыбкой и наклонился прижать к себе. Я охотно подчинилась, обожая чувство защищённости в его объятиях. Кир уткнулся в моё ухо и нежно прошептал:

— Оно требует всё моё внимание.

Свободную руку он запустил мне под тунику и положил на талию. У меня перехватило дыхание от его прикосновения. Я дрожала от желания и ожидания. Над головой Кира танцевала ольха, создавая вокруг нас узор из света и тени.

Оказавшись в его объятиях, я забыла обо всех своих бедах. Всё стало понятнее, проще. Идеальным.

Кир переложил руки мне на спину и осыпал нежными тёплыми поцелуями. Он посадил нас прямо, и только когда через голову перелетела нагрудная повязка, я поняла, что осталась в одних трусах. Я задрожала, и Кир снова обнял и уложил на одеяло. Я с радостью приняла его объятия и стала гладить широкие плечи.

У него была пряная тёплая кожа, и я уткнулось носом за его ухо. Его руки ласкали мои плечи, пока вдруг не остановились над раненой рукой. Я отпрянула и увидела, как Кир провёл пальцами по двум бледным шрамам. Он нежно пророкотал мне на ухо:

— Они хорошо заживают?

— Да.

Эти шрамы остались после нападения, которое спланировал мой брат. Они побледнеют со временем, но воспоминание о предательстве останется с нами надолго. Я никогда не забуду тот страх, а Кир — вину за то, что меня ранили. Я погладила его лицо и запустила пальцы в его волосы.

— Твои ноги?

— Всё хорошо. — Я посмотрела, как его пальцы скользят вниз по талии к моим трусам.
— Если мы хотим искупаться, военачальник, то почему лежим на одеяле?

Он наклонил голову и слегка усмехнулся.

— Ну, сначала ведь нужно испачкаться?

Я рассмеялась.

— Испачкаться?

Его руки вновь стали меня гладить, разжигая огонь желания в груди.

— Слово «попотеть» тебе больше нравится?

Он улыбнулся мне, и всё его лицо посветлело.

Я улыбнулась в ответ, наклонила его голову и поцеловала. Он ответил на поцелуй, и в тот момент ольха, солнце и весь мир вокруг растворились. Все мои чувства устремились к нему, сосредоточились на прикосновениях его кожи.

Его пальцы скользнули под мои трусы и очертили изгиб бедра. Я провела ладонями от его ладони до плеча. Он сощурил глаза и уткнулся в шею, осыпая её лёгкими поцелуями вниз, до линии груди. Провёл языком по ключицам, лишая меня шанса вздохнуть.

— Кир, — прошептала я, боясь сказать большее, желая, чтобы он продолжал. По волшебному мановению, мы остались обнажёнными, и его ноги переплелись с моими ногами. Я провела стопой по его ноге, царапая кожу ногтями. Кир застонал и поймал мою ногу своей большой ладонью и закинул себе на бедро. Он продолжал дразниться, отказывая мне в контакте, которого я так жаждала.

Вместо него он погладил моё лоно, отвечая на мои движения и крики, даря наслаждение. Конечно, я слышана историй о мужчинах, которые получают удовольствие сами и ничего не дают взамен. Но моего возлюбленного моё блаженство волновало также сильно, как и его собственное. Богиня знает, Кир был опытен, и я старалась не думать, как он столькому научился. Каждое наше занятие любовью он доказывал, что его руки, искусно орудующие смертоносными клыками, могут играть на моём теле, оставляя меня бездыханной, но желающей большего. И этот раз не стал исключением: я закричала и вцепилась ему в руки, погружаясь в чистое удовольствие.

Когда я вернулась в сознание, он перекатился на спину вместе со мной и распластался подо мной точно одеяло. Теперь пришла моя очередь ласкать и дразнить, использовать его

техники против него же. Он охотно позволил мне исследовать его тело, ничего не запрещая и поощряя мои робкие прикосновения. Как целитель я знала мужское тело, но смотреть, как оно отвечает на ласки, совершенно другое. Я старалась вернуть ему любезность, и его стоны и движения придавали мне сил и смелости. Мой дикарь-военачальник ахнул и задрожал подо мной, и это доверие окутало теплом моё сердце.

И так мы любили друг друга под приютом ольхи, и наши кожу целовало солнце, и плясали тени. И когда Кир вошёл в меня, это было больше, чем просто физическое соединение тел. Наши сердца и души слились в драгоценном моменте разделённой страсти. На мгновение мы с Киром стали единым целом, и окружающие нас элементарии наполнились светом и радостью. После мы жадно ловили ртом воздух, цепляясь друг за друга, и, надо признать... вспотев.

Солнце слегка сместилось, прежде чем мы фактически вошли в воду. Кир протянул руку, чтобы помочь мне спуститься. Поначалу вода показалась мне холодной, но в глубине, если зайти по пояс, она была теплее.

Кир нырнул и исчез из вида. Я стала ждать, когда он всплывёт на поверхность, но не дождалась. Стоило мне забеспокоиться, как что-то схватило меня за лодыжку. Но не успела я крикнуть, как Кир со смехом всплыл передо мной, жадно делая вдох.

— Кир! — крикнула я, вытирая воду со своего лица и смеясь против желания.

Он усмехнулся и пошёл на берег только, чтобы захватить для меня брусок душистого ванильного мыла. Я поблагодарила его и стала намыливать руки.

Кир подошёл ближе. Вода струилась потоком с его тела.

— Дай помогу.

Я бросила на него хитрый взгляд.

— Честное предложение, раз я вспотела из-за тебя. — Он потянулся за мылом, но я не дала. — Но если ты поможешь мне, мы никогда не выйдем из воды.

Он изогнул губы в усмешке.

— Не вижу проблемы, трофей.

Я рассмеялась. Кир поймал меня и смачно поцеловал. Я провела мыльными ладонями по его груди. Он забрал у меня мыло, и вскоре мы умирали от смеха, дразня друг друга, как над водой, так и под ней.

В конце концов, Кир рыкнул и страстно меня поцеловал.

— Знаешь, что есть лучше этого, Лара?

Я чмокнула его в нос.

— Что?

— Еда.

Он отпустил меня и пошёл к берегу, а затем обернулся с озорной усмешкой. Я не смогла сдержать смех.

Я погрузилась в прохладные воды, полная решимости отмыть каждый сантиметр кожи и волос до кристальной чистоты. Мыться из ведра в крошечной палатке не особо легко и приятно. Конечно же, огненные просто прыгают в воду голышом, в любую воду, которую найдут, при любой возможности, и моют друг друга. Может, мне мыться с колокольчиками? Я всплыла на поверхность, смеясь от этой идеи.

Даже моя волосы, я всё время оглядывалась на Кира. У огненных нет понятия стыда, и хотя это меня сильно смущает, иногда я ценю плюсы подобного: к примеру, то, что Кир загорал голым. Проникающий сквозь листву свет плясал на его крепкой спине. Кир достал свёртки из седельных сумок и положил на одеяло. Лучше не отвлекаться и наконец-то помыть мои непослушные кудри. Я не обращала внимания, чем занимается Кир, пока не почувствовала до боли знакомый запах.

Я перекрутила волосы, стараясь выжать как можно больше воды.

— Кир? Ты достал хлеб?

— Подойди и увидишь, — ответил он. Он стоял на берегу с запасным одеялом и сухой тканью. Я подплыла к берегу и задрожала на ветру. Кир завернул меня в одеяло, поцеловал и отнёс к «гнездышку», которое для нас приготовил.

— Это хлеб, — выдохнула я, устроившись на одеяле. Я взяла ткань и обернула вокруг головы. — Где ты?..

— Сэл закупала нам провизию, и жена фермера поинтересовалась с нами ли ты. — Кир взял буханку хлеба и оторвал ломоть. — Видимо, она волновалась, что тебя плохо кормят.

Он протянул мне ломоть и кувшин масла. Мой рот оросился слюной. Я взяла протянутый нож, щедро намазала хлеб маслом и надкусила. Закрыла глаза от удовольствия и стала жевать. Вкус хлеба с маслом напоминал мне о доме.

— Это ещё не всё.

Я открыла глаза и увидела запечённую курицу, наливные яблочки и кувшин холодного эля. Я улыбнулась Киру и оторвала куриную ножку. Кир взял вторую.

Мы поели, облизали пальцы и передали друг другу кувшин. Кир разрезал яблоки на маленькие ломтики. Они хрустели во рту, кисленькие и сладкие. Эль был лёгким, холодным и горьковатым. Вскоре мы обглодали мясо до костей и смели всё до единой крошки.

Сладко вздыхая от удовольствия, я подошла к воде помыть руки, вернулась к одеялу и достала из своей сумки гребешок и бутылочку с ароматом ванили. Масло поможет справиться с колтунами. Кир выбросил кости и яблочные черенки в кусты. От масла и хлеба не осталось ни капли и ни крошки. Кир помыл руки и достал штаны из сумки. Я понимала, что он оделся для моего удобства, а не своего.

Он лёг ко мне на одеяло и, оперевшись на локоть, стал смотреть, как я расчёсываюсь. Волосы ещё не высохли, и я с трудом продиралась сквозь свою гущу. Солнце всё ещё танцевало сквозь листву, но ветер стих. Внезапно тяготы последних нескольких часов показались какими-то далёкими. Я улыбнулась своим страхам. Удивительно, как простая ванна и еда могут поднять дух.

— Маркус сказал мне, что ты говорила с Жоденом при колокольчиках. Тебя что-то тревожит, Лара.

Я не взглянула на него.

— Со мной всё хорошо. Просто у меня возникло несколько вопросов...

— Посмотри на меня.

Голос Кира был властен, и я повиновалась, слегка обидевшись, что он мне приказывает.

— Тебе тяжело, — тихо произнёс он и пристально посмотрел на меня. — Маркус сказал, что ты изо всех сил стараешься привыкнуть. — Кир закатил глаза. — Я получил разнос за то, что подверг тебя невыносимым мукам.

Я улыбнулась, прекрасно понимая, насколько остёр у Маркуса язык.

— Ты меня не мучаешь. Я всё выдерживаю.

— Прости меня. — Кир перекатился на спину и положил руки на грудь. — Я хотел бы ехать медленнее, но не могу. Нам нужно добраться до Сердца Равнин как можно быстрее.

— Жоден пытался это объяснить, но я не уверена, что всё поняла.

Кир повернул голову и посмотрел на меня своими голубыми глазами.

— Я отправил гонцов к старейшинам в Сердце Равнин в ночь, как объявил тебя своим трофеем. Они пошлют своих гонцов и призовут других старейшин и жрецов-воинов. Церемония начнётся по нашему прибытию, под открытыми небесами, чтобы видели всё. Если поспешим, церемония пройдёт до того, как все соберутся. Именно это я пытаюсь избежать.

— Они могут не признать меня?

Я слегка подалась вперёд, и одеяло, которым я укрывалась, соскользнуло.

Кир посмотрел на меня, но не в глаза.

— Я не хочу говорить о будущем, Лара. — Его взгляд стал грустным, а голос хриплым. — Совсем. — Он перекатился на бок и дёрнул моё одеяло. — Лучше воспеть, как солнце пляшет на твоей коже. Аромат ванили. Лучики солнца, ставшие пленниками в твоих волосах.

Залившись краской, я опустила гребень и подвинулась к Киру, позволяя ему сбросить с меня одеяло. Он прищурил глаза и крепко прижал к себе. Уткнулся носом в мою шею и провёл рукой до самых ягодич.

— Мы так долго не виделись, Лара. Я соскучился по твоим прикосновениям, жару...

Я зевнула во весь рот.

Кир отпрянул и посмотрел мне в глаза. Я моргала и едва могла держать веки открытыми от усталости. Кир покачал головой и уложил меня рядом с собой, опуская голову на своё плечо.

— Спи, Лара.

— Кир, давай не будем нарушать эту идиллию. Я могу поспать позже...

И я снова зевнула.

— Но ты не захочешь и не сможешь заснуть? — Он гладил меня по спине, нежно массируя кожу. — Положи голову и закрой глаза, Лара. Я буду рядом, оберегая твой сон.

Я снова зевнула. Тепло его тела и сытный обед взяли надо мной верх. Кир усмехнулся, когда я расслабилась, и почувствовала, что он укрывает нас одеялом. А дальше я уже ничего не помнила, так как провалилась в сон.

Я проснулась от странного ощущения, что что-то теребит мои волосы. Кир лежал рядом, положив руку мне на бедро. А тянула мои разметавшиеся по покрывалу локоны сорока-воровка. Папа рассказывал мне об этой чёрно-белой птичке, которая ничего и никого не боится, и готова украсть всё, что попадётся ей в лапки. Птичка наклонила голову, посмотрела на меня и снова дёрнула за локон, стараясь его оторвать.

Кир махнул рукой, и птичка улетела, «жалуясь» на то, какие мы плохие. Я почувствовала, что Кир уткнулся мне в шею, и тихо замурлыкала от удовольствия.

Кир улыбнулся.

— Ты чудесно пахнешь.

Я слегка повернулась и улыбнулась, глядя прямо в его голубые глаза. Кир обхватил рукой мою грудь, и я застонала от этого простого прикосновения.

— Одно твоё прикосновение, и я готова взмыть к небесам.

— А кто сказал, что прикосновение будет только одно, — прошептал он.

Я поцеловала его, готовая к ласкам и желая большего, как идиллию нарушил оглушительный топот. Множество лошадей проламывалось сквозь кустарник. Воины звали Кира.

Кир вскочил на ноги, выхватив меч. Я кинулась за одеялом, пытаюсь прикрыться.

— Военачальник! — раздался высокий и напряжённый голос за кустарником. — Разрешите доложить.

— Какие вести?

Кир вложил меч в ножны и стал собираться.

— Восстание, военачальник!

Глава 3

Традиция Равнин требовала, чтобы военный трофей не принимал ничего, кроме как из рук своего военачальника. Изначально я думала, что так трофей держат в покорности и подчинении. Но скорее военачальник таким образом мог демонстрировать силу и возможность обеспечить военный трофей.

Это привело к довольно жёстким спорам с Маркусом, самопровозглашенным хранителем традиций, когда я вернулась к своему военачальнику. Я выиграла в споре по поводу лекарского оборудования и поставок, так как Маркус с неохотой признал, что их заказал Кир. Маркус же выиграл в споре по поводу одежды; этот коренастый обезображенный человек каким-то чудом умудрялся раздобыть в военном лагере туники и штаны для меня, и даже одно памятное красное платье. Одежда, которую он приносил, была простой, но очень удобной.

Я выиграла в споре по поводу нижнего белья...

Кутаясь в одеяло, я старалась как можно быстрее надеть нагрудную повязку, прислушиваясь к звукам приближающихся всадников. Отчего-то заросли теперь казались не такими густыми, как несколько минут назад.

— Кир, это не могут быть мои люди.

Кир фыркнул, потянулся к броне и закричал во весь голос:

— Йерс!

— Военачальник?

— Созывай сенель. Предупреди Маркуса и найди Жодена. Позови охранников военного трофея.

Голос Йерса разнёсся по зарослям, оглашая волю Кира, даже когда тот молчал. Кир одевался быстро и грациозно, как кошка.

— Мы скоро узнаем, Лара.

И он продолжил собираться с мрачным лицом.

Я замерла, так и не натянув тунику на шею: меня сковал страх.

— А если это они?..

— Мы найдём выход, — прозвучал сердитый ответ. Кир указал мне одеваться, и я наконец-то натянула тунику и высвободила волосы из-за воротника.

Это был мой самый большой страх. Хотя я убедила лорда-маршала Уоррена и весь совет в мудрости признания Кира нашим повелителем, мы всё прекрасно понимали, что в отдалённых районах может вспыхнуть восстание. Мы отправили гонцов во все концы страны, но события происходили быстрее, намного быстрее, чем скорость, с которой армия Кира возвращалась на Равнины. Возможно, одна деревенька и подняла бунт, но я в этом сильно сомневалась. Ни у одной деревни нет сил, чтобы закрыть ворота и отказаться от подчинения. После продолжительной летней войны, до того как Ксиманд признал наше поражение, из сёл забрали всех мужчин. Мы не знаем, хватит ли работников, чтобы собрать урожай, какой уж там бунт...

В одном Кир был неумолим: клятвопреступники будут безжалостно наказаны. Если деревня или город принесли ему клятву верности, а затем отказались подчиняться, он сравнивает их с лицом земли, а пепел посыплет солью.

Я всё тянула за волосы, пытаясь высвободить, а Кир с нетерпением смотрел.

— Прости. Наверное, мне стоило бы подстричься.

Кир подошёл ко мне и помог с волосами.

— Не надо.

Его руки были такими тёплыми, и я задрожала, когда он коснулся моей шеи. Я подняла голову. Кир наклонился и поцеловал меня. В этом поцелуе чувствовалось отчаяние, почти страх, и я подняла руки, чтобы крепко обнять любимого. Кир тоже обнял меня и поцеловал с большой жадностью, пока у меня не закончился воздух.

Он поднял голову, и мгновение мы стояли в объятиях друг друга, пока мир за ольховой чащей не напомнил о своём существовании. Кир неохотно отступил. Я пригладила на себе одежду. Кир подождал, когда я закончу, но остановил меня, когда я потянулась за одеялом.

— Забудь.

Он повернулся и стал пробираться через заросли, удерживая толстые ветки подальше от моего лица. Птичкам снова не понравилось наше вторжение. Мы покинули убежище и

вышли к Йерсу: он держал за уздцы своего коня и коня Кира. За ним ждали Прест, Рэйф, Айсдра и Эпор.

Йерс протянул Киру поводья.

— Дальше по дороге есть раскидистая ива на вершине гребня. Я приказал сенелю собраться там и позвал разведчиков.

Я стояла, тяжело дыша, и пыталась заплести косу.

— Что произошло?

Йерс пожал плечами, крючковатый нос дёрнулся.

— Знаю лишь, что на разведчиков напали ксиане.

— Раненые? — спросил Кир.

— Без понятия, — ответил Йерс.

— Сообщи Ортису, что разведчики должны выступить на сенеле.

Кир взобрался в седло.

— Мы поедem вперёд.

Он повернулся поговорить с Престом и Рэйфом, пока Йерс садился на коня.

— Соберите вещи трофея и привезите её на сенель. Вы четверо, охраняйте её всё время. Если мне бросили вызов, она может стать мишенью.

Эпор кивнул.

— Маркус уже уехал. Сказал нужно что-то подготовить к приезду Вашества.

Кир мрачно усмехнулся.

— Если сможет, то Маркус разнесёт нам напитки даже посреди битвы.

— Кир...

Я вышла вперёд, но он не дал мне сказать:

— Лара, нам нечего обсуждать, пока мы не узнаем большее.

— Кир, я...

Кир покачал головой, и его конь полетел вперёд. Йерс быстро последовал за ним, оставив меня стоять в столбе пыли. Я упёрла руки в бока, а взгляд — в их спины и закричала во всю мочь:

— Могли хотя бы оставить лошадь!

Йерс прекрасно описал место. Старая и изогнутая ива, чьи длинные ветки склонились к самой земле, едва покачиваясь на ветру. Я видела, как люди расхаживают в её тени,

чувствовала аромат каваджа в воздухе. Стоило нам подъехать, как из-за ветвей показались Ифтен с Йерсом, и по поляне разнёсся недовольный голос первого:

— ...тратит время, плюёт на свои обязанности, думает только о растениях и болезнях.
Б-х-е.

Йерс спокойно ответил:

— Ты думаешь, что это пустая трата времени, но это для твоей же пользы.

Мы остановили лошадей, и эти двое обернулись. Ифтен как обычно одарил меня угрюмым взглядом. Я ехала за Рэйфом и заметила, что он повернул голову к Престу. Затем они оба взглянули на Эпора, и тот кивнул. К бессловесному общению присоединилась и Айсдра. Она ехала за нами и только что спешила. Эпор и Прест тоже спешили. Прест увёл лошадей, а Эпор встал рядом со мной.

— Могу я вам помочь, трофей?

Я уже хотела было возмутиться, что мне не нужна помощь, но что-то в его взгляде остановило меня. Пришлось принять его помощь, и он аккуратно опустил меня на землю, закрыв своим телом от Ифтена. Рэйф отошёл в сторону, и Айсдра тут же встала за мной.

— Что это значит?! — зарычал Ифтен. — Тебе нельзя присутствовать на сенеле, Эпор.

Эпор кивнул, молча принимая вызов Ифтена.

— Истина, командир. Но военачальник вверил нам безопасность трофея и приказал нам двоим быть всегда подле неё.

Едва сохраняя взгляд безучастным, он больше ничего не добавил. Я уловила знак Эпора и хранила молчание. Бросив взгляд за спину, я увидела, что и Айсдра тоже сохраняет взгляд равнодушным, почти скучающим.

— Это оскорбление, — выплюнул Ифтен, его щёки побагровели под бородой. Я не до конца поняла эту сцену, но у меня сложилось впечатление, что Эпор каким-то образом задел Ифтена.

— Это мера предосторожности, и мудрая, — парировал Йерс.

— Это приказ военачальника.

В знак того, что дискуссия окончена, Эпор кивнул двум командирам и ушёл. Они уступили и пошли вместе с нами под ветви ивы. Лицо Ифтена оставалось пунцовым от злости, но Эпор сохранял спокойствие, не бросая вызова.

Нас поджидал воин с кувшином в руках и тканью. Я помыла руки и тихо поблагодарила Богиню, только сейчас поняв, что означал тот молчаливый обмен взглядами. Рэйф и Прест знали, что с Ифтенем возникнут сложности. Эпор, как старший и высший по званию, остановится разобраться с проблемой. Вопрос иерархии крайне важен для огненных, хотя я это ещё не до конца понимала.

Маркус (уже без плаща) расправил два сложенных одеяла у подножия дерева, а остальные расположил полукругом. Он ждал меня и, увидев, нахмурил брови.

— Присаживайся, трофей. Каваджа? Гарта? Как твои ноги?

Я села, убирая ноги под себя.

— Только кавадж, пожалуйста. И с ногами всё хорошо, Маркус.

Он кивнул, обслужил меня и ушёл. Эпор и Айсдра заняли место за моей спиной, но Маркус ничего им не предложил. Я знала, что они не будут ничего есть и пить на службе. Но я заметила, что это в первый раз Маркус полностью их проигнорировал. Просто прошёл мимо, словно ему было слишком больно видеть их здесь. Я потупила взгляд на кружку с каваджем и вздохнула. Я слишком погрузилась в свои жалкие несчастья. Чего ещё мне будет не хватать?

Я почти слышала, как великая тётя Ксиделла меня отчитывает: «Будь внимательна, девочка».

Кир, конечно, принял меры предосторожности. Сенель и дерево окружили охранники, которые внимательно наблюдали за нами и лошадьми. Рэйф и Прест остались за ветвями, но встали так, чтобы прекрасно меня видеть. Под деревом было уютно, но мои плечи и шею всё равно сдавила тяжесть. Если кто-то из моего народа поднял восстание, после того как дал клятву верности Киру, последствия будут ужасными.

Члены сенеля уже начали собираться. Они стояли с чашками в руках, а между ними суетился Маркус. Я наблюдала за ними, глубоко погрузившись в мысли.

Сенели — это, по сути, военные советы. Я ещё не узнала все подробности военной иерархии, но у армии есть один военачальник и десять военных командиров. Каждый командир командует своим видом войск и исполняет дополнительные обязанности. Симус был у Кира вторым, Ифтен — третьим. Их ранги определялись по результатам боёв, а не только единоличным выбором военачальника.

Я глянула налево от «трона» Кира, где обычно воцарялся Симус. Как мне его не хватало! Я скучала по его смеху, улыбке, сверкающим в темноте глазам и огромной самоуверенности. Как второй после Кира и его друг, раньше он сидел слева от Кира на сенеле. Но Симусу пришлось остаться в городе Водопадов с половиной армии, чтобы охранять и защищать столицу и представлять Кира на совете. Я получила письмо от Озара, моего наместника, в котором говорилось, что дела идут хорошо. За улыбкой Симуса и прекрасным чувством юмора скрывался человек чести и мудрец. Мне не хватало его присутствия и голоса.

Я посмотрела на остальных. С некоторыми командирами я уже познакомилась. Знала Сэл, она подходила ко мне за советом по поводу оснащения армии и ведения дел с

ксианскими купцами и ремесленниками. Коренастая женщина с обветренной кожей и седыми волосами, блевшими на солнце, она любила торговаться по поводу поставок. Йерс, средний мужчина с русыми волосами и кривым носом был командиром Гила. Он вмешался, когда Гил удивил всех, озвучив своё намерение стать моим учеником.

Ифтен был известен как грубый и невыносимый человек, в чём ему не было равных. Он уже показал, что презирает меня и всё ксианское, и никогда не стеснялся озвучить своё несогласие с Киром при каждой возможности.

Я улыбнулась, завидев Жодена, и он улыбнулся мне в ответ. Жоден не был командиром, но претендовал на звание певца этого народа.

Остальных я почти не знала.

— Айсдра?..

— Трофей?..

Айсдра сделала шаг вперёд и опустилась на колено рядом со мной.

— Я же могу задавать вопросы о военных командиров без колокольчиков?

Она хихикнула и тихо ответила:

— Да, трофей. Вы знаете Йерса и?..

— Ифтена. — Мы обменялись косыми взглядами. — Сэл я тоже встречала. Она обеспечивает военные поставки.

Айсдра кивнула.

— Рядом с Ифтенем — Арет. — Она говорила о высокой, худощавой женщине с короткими вьющимися русыми волосами. — Она отвечает за лошадей и наличие гонцов в лагере, заботится об их благополучии. Йерс ответственен за тренировки и дисциплину молодых бойцов. Ифтен теперь второй, так что ветераны тоже под началом Йерса.

Ифтен получил этот пост, потому что Симус из рода Ястребов остался в городе Водопадов.

— Уэсрен отвечает за лагерь, а Ортис, крупный мужчина позади, — за разведку.

Уэсрен был низеньким толстяком с густой чёрной бородой и волосами, а Ортис — огромным, неповоротливым увальнем с бритой головой. На его фоне Уэсрен смотрелся малышом.

— Юзайна и Цор командует армией на марше. Юзайна отвечает за авангард, а Цор — за арьергард.

Я изучила этих двоих. Цвет кожи Цор напоминал кавадж с молоком, а короткие чёрные волосы белели на висках. Юзайна особенно бросилась мне в глаза своими волосами: сотни чёрных косичек напоминали маленьких птиц. Они едва касались плеч при повороте

головы и странно пощёлкивали. Кожа её была цвета тёмного янтаря и с таким оттенком волос делала Юзайну изумительно красивой.

— Значит, у каждого есть обязанности помимо военных. Так? — уточнила я.

— Да. Не считая вторых, которые являются заместителями военачальника. Обязанности не меняются, ранги — да. Вы понимаете? Если Кир падёт, не допусти этого Небеса, армию поведёт Ифтен.

— Он станет военачальником?

— Нет. Такое решение могут принять лишь старейшины.

Айсдра слегка фыркнула, что я расшифровала как проявление недовольства.

Появился Маркус и нахмурился на Айсдру.

Айсдра состроила ему гримасу, но встала и отошла, что успокоило Маркуса.

Маркус преклонил колено и наполнил мою кружку.

— Вашество скоро прибудет.

Я посмотрела ему в глаза.

— А если это настоящее восстание, Маркус?

Он пожал плечами.

— Чему быть, того не миновать.

Он поднялся, обрывая наш разговор, и ушёл.

Я глотнула каваджа. Зачем деревне крестьян и членам их семей бросать вызов военачальнику? Чем они будут сражаться, вилами и мотыгами? Это «восстание» бессмысленно.

Но Ксиманд доказал мне, что в войне нет смысла.

* * *

Вышел Кир и махнул всем оставаться на своих местах. Он взял кавадж у Маркаса, кивнул нескольким командирам, опустился на колено рядом со мной и покачал головой на немой вопрос в моих глазах.

— Я знаю не более твоего. Разведчики ждут снаружи, мы услышим их доклад вместе.

Я наклонилась вперёд, говоря на ксианском.

— Кир, Ифтен настроен против Гида. Боюсь, он попытается использовать его как пешку против тебя!

Кир нахмурился и ответил на ксианском.

— Что такое «пешка»?

Я моргнула и закачала головой от собственной глупости. Откуда ему знать это слово, если он, скорее всего, и игры такой-то не знает.

— Это фигура в одной игре. Пешка означает невольный инструмент. Невинного человека, которого используют против друга.

— А.

Кир встал и подошёл к своему одеялу, подождал, когда все обратят на него внимание, и сел. Хотя Ифтен и был заместителем командующего, ему не было места подле Кира.

Все остальные тоже расселись, и Кир подождал один вздох, чтобы призвать их к порядку. На этом сенеле было ещё меньше формальностей, чем на прошлом, но я заметила Маркуса позади с символом Кира в руках.

Кир заговорил, призывая собравшихся к тишине.

— Я позвал за разведчиками, которые столкнулись с актом неповиновения, чтобы услышать их истины.

Кир кивнул Маркусу, и тот отвёл ветви в сторону. Подошли двое мужчин, встали перед Киром и преклонили колени, опустив голову.

— Ортис.

Ортис тут же поднялся на оклик.

— Военачальник, я назначил разведчиков, чтобы обеспечить безопасность авангарда. Отправил двух воинов, Танта и Ртона, по дороге к деревне.

— Деревня давала нам клятву? — поинтересовался Кир.

— Да. Глава, лидер...

— Староста? — спросила я, используя ксианский термин.

Ортис кивнул.

— Это слово он и использовал, трофей. Староста поклялся вам в верности несколько недель назад, военачальник. Деревня со всех сторон окружена стенами, проехать в неё можно только через ворота.

Кир усмехнулся.

— Я помню. Деревенька называлась Вечный исток. Староста чуть не сходил под себя во время присяги.

Присутствующие тихонько рассмеялись.

Окружённая стенами деревня означала, что это наследие моего предка Ксайсона. Немного из таких фортов остались на главном тракте, ещё меньше — с полной охраной.

— Тант. Ртон.

Разведчики подняли голову. Я узнала Танта: он нашёл меня на дороге, когда я шла за Киром. Его глаза расширились, когда он меня заметил здесь, и он тут же потупил взгляд, явно почувствовав себя неуютно.

Другой мужчина, Ртон, взял слово первым:

— Мы подъехали к деревне, но ворота оказались закрыты, военачальник. Мы крикнули, но никто не ответил.

Ртон глянул на Ортиса и продолжил:

— Мы подъехали ближе, и я спешил, чтобы подойти к воротам, когда в нас начали кидать камнями со стены. Раздался голос, и полетело ещё больше камней, а затем через стену пролетела стрела.

— Что произнёс тот голос? — поинтересовался Кир.

— Я не знаю городской речи, военачальник. Но голос был злой и резкий. — Ртон сделал нервный жест. — Я сел на коня, и мы уехали, но погоню за нами не послали.

— По нашим правилам, если вы сталкиваемся с неповиновением, то отступаем и докладываем, — спокойно произнёс Танта в свою защиту. — Так что мы объехали стену и вернулись.

— Как много воинов было на стене?

Танта и Ртон обменялись взглядами. Танта пожал плечами.

— Мы никого не видели, военачальник.

Ртон кивнул.

— Они не вышли к нам.

— Эта стена, — заговорил Ифтен, — из чего она сделана?

— Камень спереди и вокруг ворот, — уверенно заговорил Ртон. — Дерево по бокам и сзади. Они построили деревянные сооружения, которые в некоторых местах заменяют стену.

— Легко уничтожить?

Танта кивнул.

— Достаточно легко, командир.

— Может, следует сначала переговорить, — вмешалась я, — а уж затем планировать, как уничтожить деревню?

— Что это ещё может быть, как не вызов военачальнику? — спросила Арет.

— Вот их клятвы и честь. Типично, — едко произнёс Ифтен.

Слово взял Йерс, на его лице отражался внутренний конфликт.

— Если они бросили вызов военачальнику и нарушили клятву, то должны понести наказание.

Кир помрачнел.

— Вам есть ещё что добавить?

Ортис покачал головой, и Кир отпустил разведчиков. Когда они скрылись за листвой, он произнёс:

— Жоден, что скажешь?

Жоден тяжело вздохнул.

— Военачальник, твой путь ясен. Если это вызов и нарушение клятвы, они должны понести наказание. Но мы с вами знаем по опыту, что разные языки порождают проблемы понимания.

Он посмотрел на меня, и я кивнула в ответ, прекрасно помня, о чём он.

— Я скажу так, будь готов напасть, но сначала отправь в деревню носителя языка. Убедись, что преступление совершено, прежде чем назначать наказание.

— Согласен. — Кир взглянул на меня. — Мы дадим им шанс объясниться. Но если они нарушили клятву, мы будем к этому готовы. Ортис, какова вероятность засады?

— Разведчики докладывают об отсутствии любого движения, военачальник.

Кир повернулся к Ифтену.

— Готовься к бою, Ифтен. Бери сколько нужно. Если нам не откроют, мы нападём и сравняем деревню с лицом земли. Есть ли ещё истины, которые мы должны услышать?

— Проблема с дисциплиной, военачальник. Воин Гил... — Ифтен нахмурился, но Кир его прервал.

— Сейчас не время обсуждать дисциплину, Ифтен.

— Особенно, когда этот воин под моим началом, а не твоим, — вмешался Йерс.

Кир встал, и мы встали вместе с ним.

— Сенель окончен. Готовьтесь выступать.

Я подошла к Киру, покусывая губу. Командиры быстро разошлись, и Ифтен стал кричать им распоряжения. Как только поляна опустела, я повернулась к Киру.

— Кир...

— Нет.

Он не взглянул на меня.

— Кир, тебе нужен человек, который говорит на ксианском. Это должна быть я. Я дочь Кси. Их королева.

— Тебе коснулись луны, если ты подумала, что я позволю тебе приблизиться к тем стенам.

Кир прожёл меня взглядом. Маркус, Эпор и Айсдра тоже прожгли меня взглядом. Даже Рэйф и Прест, которые вошли под сень дерева после того как разошлись командиры, пристально смотрели на меня.

Я сладко им улыбнулась.

— Это станет проблемой, как думаете? — спросил Кир.

— Да, — в один голос ответили все.

Кир рыкнул:

— Лара, деревня восстала, и если это организованный мятеж, они попытаются привлечь к своему делу как можно больше людей. Кого они попытаются убить первым и в первую очередь?

— Тебя, — без промедления ответила я.

Мой ответ ошеломил его, но он одарил меня одним из своих терпеливых взглядов.

— А после?

— Ифтена.

— Нет.

Он нахмурился, встревоженный.

— Не играй со мной, Лара.

Он положил руки на бёдра.

— Возможно, лучший ответ включает в себя цепи и дерево.

В ответ я прожгла его взглядом.

— Кир, тебе нужен человек, который говорит на ксианском. Я — лучший выбор.

— Нет. Лучший выбор — это воин, который умеет говорить на ксианском и защитить себя. Ты заставляешь меня отправить ребёнка делать работу взрослого.

Я залилась краской, но он поднял руку.

— Это выражение моих людей, Лара. В первую очередь отправляй нужного человека на задание. Я отправлю носителя ксианского. Мы предоставим деревне возможность сдаться и дать объяснения. Ты будешь здесь, пока мы не узнаем больше.

Он парализовал меня взглядом.

— Я заставлю тебя поступить по-моему, трофей.

Я сделала глубокий вдох и открыла рот, чтобы заспорить, но слова так и не сорвались с моих губ. Маркус просто-напросто сбил меня с ног.

В мгновение ока я оказалась на земле, на спине, с вышибленным из лёгких воздухом. «Тщедушный» Маркус сидел на мне, удерживая своим жилистым телом. Хуже всего, что он поднёс клинок к моему горлу. Холодный металл вжимался в кожу.

Я открыла рот, пытаюсь сделать вдох. Сердце бешено колотилось в груди. Никто не шевелился.

— Это не детская игра, — прошипел Маркус так резко, что я едва его расслышала. — У тебя нет навыков, ни одного... а смерть приходит мгновенно.

Я просто смотрела на него, его изуродованный глаз, сморщенную кожу, испуганная и с широко раскрытыми глазами.

— Понятно?

Я осторожно кивнула и сглотнула ком в горле, прекрасная понимая, что острое лезвие давит на сонную артерию.

Маркус поднялся и с такой же скоростью, как я оказалась на земле, я была на ногах и в объятиях Кира. Я прижалась к нему, потрясённая.

— Это было жестоко.

— А разве элементарии не такие? — нежно спросил Кир.

— Лучше извлечь урок от моего клинка, чем от другого.

Маркус погладил меня по спине.

Я сжалась от его прикосновения, стараясь не расплакаться.

— Кир...

— Жестоко, но урок справедлив, Лара.

Он крепче меня обнял.

Я зарыла лицо в его груди и постаралась взять себя в руки.

— Сделаю, как ты сказал.

Кир усмехнулся.

— По крайней мере, пока не пройдёт шок.

Он сделал глубокий вдох.

— Это не остановит тебя от помощи другим, я знаю. Всё о чём я прошу — думай, прежде чем делать, и позволяй защищать тебя. Хорошо?

— Хорошо.

Он наклонился и уткнулся носом в ухо.

— Ах, моя Лара. Я забрал тебя из укромного убежища, котёнок.

— Нет. — Я выпрямилась и вытерла лицо. — Я сама покинула убежище и последовала за тобой, забыл?

Кир улыбнулся и нежно меня поцеловал.

— Я отправлю кого-нибудь переговорить с деревенскими. Ты останешься со своей охраной, в центре основной армии, подальше от авангарда.

Рэйф прочистил горло:

— Я достаточно знаю их язык, военачальник. Я готов ехать.

Маркус тоже заговорил:

— Я могу занять его место в личной охране Лары.

Кир взглянул на него, и Маркус пожал плечами.

— Я вам не нужен, а за этой женщиной должны следить четверо.

Маркус озорно усмехнулся, но я отвернулась.

Кир наклонил голову и нежно произнёс мне на ухо:

— Лара, пойми. Я пошлю Рэйфа к воротам. Но один камень, одна стрела, одно дерзкое слово, и я уничтожу деревню.

— Кир, там есть невинные. — Я наклонилась взглянуть ему в лицо. — Женщины и дети. Если мы сможем поговорить с ними, убедить...

— Я не прощу клятвопреступников, никто не уйдёт безнаказанным.

— Но...

Он освободил меня.

— Какое наказание, Лара, должно быть за нарушение клятвы верности королю Кси?

Я отвела взгляд.

— Не знаю. Такого не случилось на моей памяти.

— Потому что наказание сурово. Моя рука может легко лежать на пульсе этой страны, но если кто-то пойдёт против меня, я сожму кулак.

Кир ушёл.

Я ждала под деревом, пока Маркус в спешке гасил свой маленький огонь, а двое остальных собирали одеяла. Мои ноги всё ещё не окрепли, и я переносила вес с одной на другую, пока стояла. Было не особо больно, но ступни постоянно напоминали, что не до конца зажили.

Как только мы вышли из-под дерева, один из людей Йерса подвёл мне большого гнедого коня.

— Это вам, трофей. От военачальника.

Я посмотрела на Кира, который говорил с Йерсом, Рэйфом и с кем-то ещё. Наши глаза встретились, и Кир слегка улыбнулся с надеждой. Я улыбнулась в ответ, читая в языке его тела желание на перемирие, и взяла поводья.

Лошадь была гнедой, с коричневой гривой и лоснящейся шерстью. В глаза бросалась белая полоса между шерстью, извивающаяся от груди до передних ног. Приглядевшись, я

поняла, что это старый шрам. Конь тряхнул головой, когда я подошла ближе, зарыл ноздри в мои волосы и фыркнул. Его морда защекотала мою шею. Я попыталась отойти, но лошадь пошла за мной и снова фыркнула, раздувая мои волосы своим тёплым сладким дыханием.

— Ты ему нравишься.

Маркус взял выючную лошадь у другого воина, и теперь восседал на своём коне, с щитом на спине и мечом на боку. Он окинул мой подарок взглядом знатока.

— Хорошее, спокойное животное. У вас не возникнет с ним проблем.

Это как я понимаю, означало, что лошадь такая медленная, что с неё не спадёт и больная бабуля. Но по крайней мере меня не везут как мешок муки. Я стала забираться в седло, замечая по ходу, что у коня ссадины и шрамы на ногах и задуга. Похоже, он своё уже отвоевал.

— Как его имя?

— Имя? — Маркус странно на меня посмотрел. — Мы зовём их лошадьми.

Остальные тронулись в путь. Я заметила, что Маркус занял своё место так, чтобы Айсдра прикрывала его слепую зону.

— Я знаю, что это лошади, Маркус. Как зовут именно этого коня?

— Как я понимаю, сейчас ты скажешь, что горожане дают имена всем своим лошадям.

Маркус закатил глаза, и остальные усмехнулись.

Я захлопнула рот.

— Десятки тысяч лошадей, и мы должны дать имена им всем. Бррр!

Рэйф рассмеялся во весь голос.

— Теперь выкладывай всё, Маркус. Мы даём имена жеребцам и кобылам.

— Ведущим жеребцам и кобылам. Не всему табуна.

Маркус одарил мою лошадь уничижительным взглядом. Уши коня ходили взад-вперёд, словно он внимательно слушал разговор.

— Но как же вы их различаете? Или просите выйти к себе? — спросила я уже в седле.

— Как различаем? — переспросил Маркус. — У Рэйфа вороная, у Преста гнедая с надрезанным ухом, у Айсдры чалая со шрамами. И они подходят к нам, потому что это в порядке вещей. И чтобы ты ни думала, они совсем друг на друга не похожи. Даже сильнее, чем люди.

Я посмотрела на него, желая задать больше вопросов, но меня прервали.

— Мы едем в центр, трофей, — непоколебимым тоном сказал Эпор.

— Я поняла.

Мы отправились в путь.

— Как далеко до деревни?

— Не сильно, — ответила Айсдра. — Командир соберёт отряд и построит его, а уж затем Рэйф поедет к воротам.

— Он поговорит с ними, трофей, — добавил Маркус.

Я покорно кивнула и сосредоточилась на дороге.

Мы ехали какое-то время, пока не показался каменный столб по талию высотой и выдолбленной вершиной: он обозначал границу земель, на которую претендовала община. Я уловила краем глаза отблеск. Возможно, это всего лишь дождевая вода, но...

Я натянула поводья и стала пробираться между воинами, торопя коня искать свободное место в строю. Конь ехал охотно, отталкивая в сторону тех, кто шёл слишком медленно. Позади кто-то заругался во весь голос (кажется, Эпор), но я не остановилась. Маркус тоже стал сыпать проклятиями, но было уже поздно меня догонять. Я пробились сквозь строй воинов и развернула коня. Пустив лошадь в галоп, я вернулась к столбу. Маркус и Прест ехали прямо за мной: я слышала, как они торопят своих лошадей.

Я доехала до камня и увидела, что полость наполнена до краёв. Даже не думая спешиться, я просто наклонилась и опустила пальцы в жидкость. Если это вода, то очень хорошая. Но не дождевая, а...

Тяжело дыша, я подняла пальцы. В ноздри ударил запах уксуса, из глаз брызнули слёзы. Уксус — одно из сильнейших известных дезинфицирующих средств. Но если его залили в полость пограничного камня, то это приобретает совершенно иной смысл.

«...один камень, одна стрела, одно дерзкое слово...»

Слова Кира эхом разнеслись в моей голове. Богиня, я должна добраться до него, пока не стало слишком поздно. Я развернула морду коня, забывая о нежности. Коню это не понравилось: он тряхнул головой в знак протеста, — но подчинился. Подъехали Маркус и Прест с каменными лицами. Из ноздрей их лошадей прерывисто вырывался воздух.

— Трофей... — начал Маркус, но я его прервала.

— Мне нужно поговорить с Киром. И тем разведчиком. Немедленно, Маркус.

Маркус странно на меня посмотрел. Прест слегка развернулся, внимательно осматривая долину. Подъехали Эпор и Айсдра с сердитыми лицами.

— Это была плохая идея, — отчитал меня Эпор.

— Очень глупая, — добавила Айсдра.

— Мне нужно поговорить с Киром. Это очень важно.

— Вы его видите? — спросил Маркус.

— Нет, — ответил Прест.

Маркус запрокинул голос и проворковал долгую мелодичную трель.

Впереди откликнулись, и Маркус ответил, немного поменяв звук.

Он повернулся ко мне.

— Сюда.

Он пустил своего коня в галоп, и я последовала за ним.

Кир сидел на коне посреди хаоса, пока войска готовились выступить. Йерс и Ифтен были рядом. Деревня ещё не была в поле зрения, чему я очень обрадовалась.

— Кир! — крикнула я, как только Маркус пустил меня вперёд.

Кир развернулся к нам, хмуря брови.

— Лара, здесь небезопасно...

Ифтен уже был на расстоянии руки.

— Будь она воином, её стоило бы высечь.

Кир зарычал и ударил Ифтена в лицо. Ифтен рухнул на землю, но тут же вскочил на ноги и сжал руки в кулаки. Рука Кира лежала на рукояти меча, конь храпел под ним.

— Ты оскорбил военный трофей и умрёшь за это.

Пауза во вздохе. Казалось, все замерли. Однако Ифтен склонил голову, и напряжение исчезло. Ифтен снова сел на коня, и Кир повернул голову ко мне.

— Ты...

Его прервал Маркус:

— Она сказала, что должна поговорить с вами.

— Кир, мне нужно переговорить с разведчиком. Возможно, мы ошиблись.

Кир покачал головой, явно обуздывая свой гнев.

— Лара, я прекрасно понимаю, что не хочешь признавать восстание, но взгляни правде в глаза.

— Шанс. Дай мне поговорить с ним и потом прикажешь Престу увезти меня, — взмолила я. — Пожалуйста.

Кир нахмурился, но позвал Йерса.

— Приведи Танта.

Это не заняло много времени. Я заговорила, даже прежде чем он остановил коня.

— Тант, расскажи ещё раз о том, что произошло в деревне.

Тант взглянул на Кира, который пристально смотрел на него, и повернулся ко мне.

— Мы ехали, трофей, ехали объявить о приближении армии. Только вот ворота оказались наглухо закрыты. Я остался на коне, а Ртон спешился и пошёл постучать в ворота, как в нас начали кидать камнями.

Без всякого сомнения, Тант был оскорблён.

— Просто камнями? — уточнила я.

— И стрелами. — Он был взбешён моими расспросами. — Они стреляли в нас из луков. Все стрелы попали в землю перед нашими ногами.

— Но ни одна не попала в вас? — уточнила я.

— Это имеет какое-то особое значение, Лара? — поинтересовался Кир.

— В нас, — подчеркнул Тант. — Они стреляли в нас, но промазали. К чему ты ведёшь? — Тант сощурил глаза. — Ты сомневаешься в моём слове?

— Кажется, они напали на вас по иной причине. — Я взглянула на Кира. — По причине, которая не имеет ни малейшего отношения к восстанию.

— Они бросили военачальнику вызов, — прошипел Тант. — Даю слово.

— Тант, я...

— Они даже раскрасили ворота кровью в знак мятежа, — яростно набросился Тант. — Если это не восстание, тогда что?

Моё сердце замерло в груди.

— Кровью? На воротах?

— Да, и к тому же свежей.

Казалось, Тант гордился собой, предъявив последнее доказательство.

Кир посмотрел на меня, и я посмотрела на него, не зная как озвучить свои страхи. Он нахмурился.

— Лара?

— Тант, — еле выдавила я из себя. — Там был рисунок?

— Рисунок?

— Узор? Метка?

Тант задумался.

— Да.

— Нарисуй, — потребовала я.

Тант пожал плечами, спешился, опустился на колени в грязь и начертил пальцами букву «Э».

У меня перехватило дыхание. Сбылся мой худший страх.

— Что это значит, Лара? — тихо спросил Кир.

— Эпидемия.

Глава 4

— Лара? Что такое «эпидемия»? — резко спросил Кир.

— Маркус, — я обернулась в седле, чтобы взглянуть на него, — мне нужен Гил. Моё оборудование, где моё оборудование? Мне нужно лекарство от жара и больше, чем есть на руках. Гил приготовит, он этому научился.

— Ксилара.

Я обернулась с широко распахнутыми глазами. Кир редко обращался ко мне по полному имени и никогда таким тоном. Он сидел на лошади с таким видом, словно его терпение лопнуло. Я тяжело сглотнула.

— Мне нужен Гил и моё оборудование.

— Тебе нужно объясниться, Лара. Я построил армию, а ты лепечешь о лекарствах. Скажи мне, что это за болезнь, что всё изменила?

— Это эпидемия. Болезнь, которая убивает.

— Болезнь убивает?

Кир провёл пятернёй по волосам и нахмурился.

— Да, конечно, убивает.

Я не сразу поняла весь смысл его вопроса. Но, уверена, дело было в том, что он не знал этого слова. И все же у меня перехватило дыхание. Его взгляд был полон сомнения. Почему он не понимает?

— Твоё «конечно» совершенно неочевидно, — произнёс Кир голосом острым точно клинок. — Ты говоришь мне, что действиям деревенских есть другое объяснение? Серьёзное?

Пресвятая Богиня. Он не понял.

— Кир, деревенские пытались спасти твоих людей. Это не мятеж.

Кир нахмурился, но он слушал, и я продолжила:

— Согласно нашим законам заражённая деревня не открывает ворота, пока не пройдёт болезнь. Также жители заполняют пограничные камни укусом в качестве предупреждения и отгоняют любого, кто попытается войти. Они сражаются не с вами!

— Так. — Кир задумался на мгновение, а затем махнул Ифтену. — Мы расставим воинов, но подальше от стен. Никто не нападёт, кроме как по моему приказу. Полная боевая готовность, ни один воин не погибнет из-за моей самоуверенности.

Он натянул поводья, готовясь уехать.

— Маркус, отвези её в тыл. Быстро найди ей какую-нибудь броню, а затем приезжай, когда я пошлю за ней. — Он перевёл взгляд на меня. — Только, когда я пошлю за ней.

Я уж было хотела возразить, но он от меня отмахнулся.

— И найдите Гила и дайте ей всё, что по её мнению ей понадобится. Я позову за вами, когда буду готов. Поняли?

Моя стража кивнула, но мне этого было недостаточно.

— Кир, что ты собираешься делать?

— Что планировал раньше. Мы займём позицию и отправим гонца к стенам.

— Рэйф. Ему нужно принять меру предосторожности. Я...

Кир не отвёл с меня взгляда.

— Рэйф, езжай с военным трофеем. Эпор...

Эпор чуть выехал вперёд.

— Да, военачальник?

Кир не перевёл взгляда.

— Удерживай её, Эпор. В зоне видимости стен, но на расстоянии. И если понадобится, я приказываю тебе повалить её на землю и привязать к дереву.

Я залилась краской от слов Кира и прикусила губу.

— Слушаюсь, военачальник, — ответил Эпор, не скрывая энтузиазма.

— Никакого слова для обозначения эпидемии? — поразила я.

Я повернула голову к Маркусу, и мой шлем съехал мне на глаза и ударил по носу.

— Слишком большой, — заметил Гил поучающим тоном. — Мне найти другой?

Маркус двинулся вперёд, пока я поднимала шлем с глаз, и я вздрогнула, когда он встал ближе. Он остановился и посмотрел на меня, а затем сделал шаг назад.

Айсдра ворчала, пытаясь завязать на мне тяжёлую кожаную куртку, которая была пошита для воина больше, чем я.

— Сними его и скрути волосы, Лара. Мы используем косу для дополнительного объёма.

Гил снял с меня шлем.

— Может, чистые бинты помогут?

— Что такое «эпидемия»? — поинтересовался Рэйф. Он был на коне, как и Эпор с Престом, которые встали рядом с нами и смотрели по сторонам. Эпор исполнил приказ Кира, и мы уехали в тыл, чтобы найти лошадей с оборудованием и Гила. Пока войны

нарезали круги вокруг нас, мы были далеки от действий, которые бы «порадовали» моих охранников. Я стояла в траве, пока они пытались подогнать по мне различные части брони.

Как только Кир повторно потребовал меня как военный трофей, Симусу и Озару в город Водопадов отправили гонцов. Они, в свою очередь, прислали гонца с письмами радости и выючных лошадей, нагруженных лекарствами и моим оборудованием. Всё было тщательно упаковано для долгого путешествия.

Кир и Сэл объяснили, что с такой армией лучший способ гарантировать, что у меня всегда будут запасы под рукой — это разделить всё поровну между четырьмя выючными лошадьми и везти их в разных частях процессии. Где бы я ни оказалась, одна из лошадей будет рядом.

— Эпидемия — эта разновидность болезни, которая может убить множество людей и очень быстро. Она распространяется... — я осеклась, увидев озадаченное лицо Рэйфа.

— Как зимняя болезнь, которая распространяется среди обитателей одного дома. Обычная физическая боль, ничего более, — сказал Маркус, роясь в седельной сумке и доставая какие-то длинные кожаные наручи.

— Что такое зимняя болезнь? — спросила я, проводя пальцами по волосам, чтобы начать плести косу. Длинные рукава куртки были жёсткими и неудобными.

— Боль, которую можно терпеть, до времени.

Гил откашлялся, пытаясь его прервать. На мой кивок он сказал:

— Она воздействует на тело, трофей, вызывает кашель, обильный пот и плохое самочувствие.

Всадники кружили вокруг нас, и я заморгала на солнечном свету. Худшая напасть этих людей — обычная простуда? Я оглянулась на Маркуса.

— Нет, эпидемия убивает молодых и старых, здоровых и больных. Она быстро распространяется и очень опасна.

Он смотрел на меня неверящим взглядом.

— Есть истории... — он сильнее нахмурился, — Для нас, смерть несут травмы. Несчастные случаи. Проклятья или немота, всё это может убить. Но страждущие не убивают себя, жить или умереть решают элементарно. Но болезнь? Болезнь несёт боль, но не смерть.

Он раздражённо фыркнул.

Прест обернулся к нему.

— Расскажи ей остальное.

— Остальное? — резко спросила я.

Маркус пожал плечами.

— Истории о горожанах.

— Что за истории?

Айсдра закончила шнуровать мою куртку и отступила оценить свою работу. Плотная, жёсткая одежда висела на мне как мешок. Айсдра окинула меня оценивающим взглядом и нахмурилась.

— Может, обвяжем талию?

— Не надо, — ответил Эпор со своей лошади. — Ей же не нужно сражаться, только проехаться верхом.

— Какие истории? — потребовала я с нетерпением ответа. Почему они мне ничего не говорят?

Рэйф медленно ответил.

— Мы не хотим тебя оскорблять, трофей.

— Мать-земля, — фыркнула Айсдра. — У нас есть присказка: забери у горожан сокровища и оставь гнить в грязи. У нас есть песни о городах с закрытыми воротами, где улицы усеяны телами горожан, умерщвлённых за их низость и продажность. Элементали наказали этих людей за их мерзость. — Она помогла мне убрать косу на макушку и надела шлем. — Я шла по улицам твоего города, трофей. Пусть он и несовершенен, в нём не утопаешь по колени в грязи во всех смыслах этого слова.

Куски бинтов, которыми Гил набил мой шлем, выбились из-под края и завесили глаза. Я чувствовала себя невероятно глупо, но мой страх был сильнее, чем чувство собственного достоинства. Я сосредоточилась на Рэйфе, пока Айсдра обратно убирала бинты под шлем.

— Рэйф, как подъедешь к воротам, никого и ничего не касайся.

— Хорошо, трофей.

— Гил, порви ещё немного ткани на маленькие кусочки и намочи маслом из зелёной бутылки.

— Слушаюсь, трофей.

Гил приступил к работе. Айсдра взяла наручи у Маркуса, закрепила на моём предплечье и начала стягивать тесёмки. Я старалась не двигаться, но меня огорчала полная пассивность.

— Гил, а теперь добавь четыре капли из узкой синей бутылочки. — Он медленно накапал ароматического масла. — Дай понюхать.

Морща нос, Гил поднёс бутылку двумя руками. Айсдра повернула голову и чихнула.

— Хорошо. — Оно оказалось достаточно сильным. — Дай им немного настояться. Рэйф, если кто-то выйдет из ворот поговорить, держись от него подальше.

— Да, трофей.

— Мы дадим тебе немного уксуса. Умой им лицо и руки по возвращению, прежде чем придёшь к нам.

— Да, трофей.

— А теперь возьми два этих кусочка ткани из бутылки, скатай и сунь в рот между десной и щекой.

Айсдра закончила с наручами и опустилась на колени, чтобы завязать какую-то кожу над моими бёдрами и голенью. Маркус медленно опустился на колени с другой стороны и сделал тоже самое.

— Б-х-э! — Рэйф посмотрел на пропитанную маслом ткань, которую ему протянул Гил. Я учуяла резкий запах имбиря даже отсюда. — Трофей, а это необходимо?

Я указала на свой шлем.

— А это?..

— Да, — без промедления ответил Рэйф. — Смерть приходит мгновенно. Хватает шальной стрелы.

— Так и с этим. — Я указала на ткань. — Масло имбиря не даёт распространиться заразе. Целители держать ломтики имбиря во рту, когда ухаживают за чумными. Это лучшее, что я могу предложить.

Рэйф хмуро кивнул и сунул тряпку в рот, щуря лицо от вкуса.

— Теперь сверни два больших куса и сунь в нос.

Все остановились и уставились на меня.

Я посмотрела на них и постучала пальцем по шлему.

Рэйф запрокинул голову и расхохотался, испугав лошадей. Остальные тоже рассмеялись.

— Так и быть, трофей. — Рэйф вытер глаза и взял два более крупных куса ткани. — Я надену броню против невидимого врага. Мне выжидать, пока враг не подойдёт чуть ближе?

Маркус и Айсдра встали, и я машинально отпрянула от Маркуса. Но в этот раз я поймала себя на этом.

— Прости, Маркус. Я не понимаю почему...

— Я понимаю, — хрипло ответил он. — Не думай об этом, Лара.

Он не сводил с меня пристального взгляда.

— Страх ведь забудется, но не урок?

— Я буду помнить.

Айсдра сделала шаг назад и упёрла руки в бока для очередной оценки.

— Это сослужит добрую службу.

Я почувствовала себя душой.

— Враг умрёт от смеха.

— Главное, что умрёт, — заворчал Маркус. — А теперь по коням. Мы должны быть готовы к зову военачальника.

Мы оседлали коней, а Гил потянул за собой выючную лошадь с лекарствами. Кожаная куртка колола затылок, и я пожала плечами, пытаюсь удобнее устроиться. Как же эти люди умудряются носить броню всё время? Но потом я посмотрела на Рэйфа, который постоянно тёр глаза, наверное, от запаха имбиря. Вздохнула и решила смириться с неудобством моих доспехов. По крайней мере, сейчас.

Как только мы двинулись в путь, Прест наклонился и протянул мне небольшой деревянный щит. Я взяла его, поражаясь весу.

— Что мне с этим делать?

Он ухмыльнулся, белые зубы сверкнули на фоне тёмной кожи.

— Прятаться.

Ифтен построил своё войско, готовое резать, как острый нож. Воины были наготове, копья стучали в колчанах, закреплённых на сёдлах. Лошади били землю копытами, желая бежать. С другой стороны, мой конь задремал, низко опустив голову.

С нашей позиции я различала деревню, букву «Ч» на воротах, кровь сухую и коричневую. Поселение казалось маленьким и беззащитным в моих глазах.

— Хорошо, Лара. Спрашиваю снова, что такое «эпидемия»?

Кир сидел рядом со мной на своём коне, в полном боевом снаряжении. Эти голубые глаза, нежные и тёплые в наши часы отдыха под ольхой, теперь были холодными и жёсткими.

Поговорив с остальными, я приготовилась к неверию Кира. Я описала эпидемию и сказала, какие меры предосторожности приняла деревня.

— Для ксиан буква «Э» на воротах — предупреждение ужаса и смерти.

— Мы ничего такого не знаем, — ответил Кир, пристально глядя на меня. Ифтен сидел рядом с ним, но ничего не говорил, предпочитая пялиться на меня своими почерневшими глазами. Я спокойно восприняла взгляд Кира, никогда ещё как в тот момент, не осознавая

всю глубину пропасти между нами. Мы настолько разные? И если так, сможем мы когда-нибудь по-настоящему понять друг друга? Мои страхи возросли в стократ, ибо это означало, что он не понимал, с чем имеет дело.

Я осторожно указала на деревню, стараясь по-прежнему держать голову прямо, чтобы шлем оставался на месте.

— Кир, эпидемия опасней любой армии, и ваше оружие бесполезно против него.

Я никогда не узнаю почему, может быть, благодаря моему взгляду, но, слава Богине, Кир прислушался. Он повернул голову и посмотрел на Рэйфа.

— Она сказала тебе, что делать?

— Как минимум раз десять, — усмехнулся Рэйф, до сих пор плача. — Военачальник, я надел свой доспех против невидимого врага трофея.

Его голос звучал странно из-за ткани в ноздрах и рту.

— Я готов.

— Да пребудут с тобой Небеса.

Рэйф повернул коня и шагом поехал к деревне. Мы разучили различные слова для обозначения болезни и эпидемии, и Рэйф повторил их мне. Он подъедет к воротам, узнает всё что может и отчитается нам.

Я наклонилась в седле и подо мной скрипнуло седло, пугая коня. Он отвёл уши назад, и я похлопала его по шее, чтобы успокоить. Надо бы придумать ему имя.

Подняла голову, но Рэйф почти нисколько не продвинулся. Моё нетерпение привлекло внимание Эпора. Он стоял, справа от меня, у морды моей лошади, и повернул голову, чтобы видеть меня краем глаза.

— Трофей, если прилетит стрела, мы поедem в тыл, подальше от боевых действий. Это ясно?

Я кивнула, и шлем снова съехал на глаза. Вернула его на место.

— Я понимаю.

— Жаль, — прошептала Айсдра за моей спиной, — что он никогда не привяжет трофей к дереву.

Смешки остальных заставили меня тоже улыбнуться, хоть и немного печально. Хотя не думаю, что мне придётся много стараться, чтобы Эпор с рвением бросился исполнять угрозу Кира.

Рэйф продолжал спускаться по дороге, и страх вцепился в моё сердце. А что, если я неправа? А если крестьяне действительно восстали? Если так, они пошли и против меня. Как королева Кси я приняла решение объединить наши народы. Или, по крайней мере,

объединиться с Киrom по этой причине. Они могут послушаться моих указов, также как нарушили свою клятву перед Киrom.

Если да, то эта армия готова «объяснить» им всю горечь их выбора. Я не питала ложных иллюзий относительно прочности деревенских стен или крестьянского оружия. Кир всех убьёт и сожжёт деревню дотла в наказание и назидание остальным. И когда эта весть дойдёт до города Водопадов, как отреагирует мой народ? Мой совет?

Тем не менее, я почти молила о восстании. Это лучше, чем эпидемия. Богиня, как мне объяснить всю опасность эпидемии людям, которые не знали ничего хуже насморка? Эпидемия не уважает никаких границ, рангов или чинов. Нельзя ускорить лечение эпидемии, должно пройти сорок дней, иначе не гарантируешь, что зараза ушла. Как я могу сказать, что Киру придётся ждать так долго?

Я сдвинула щит в руке, упирая его в другую часть бедра. Как они умудряются носить такие тяжести всё время?

Был ещё один момент, в котором я даже не хотела себе признаваться. Последняя эпидемия буйствовала в городе Водопадов двадцать лет назад. Тогда я была ещё младенцем, и мне сказали, что я переболела её в лёгкой форме и быстро поправилась.

Смогу ли я справиться с болезнью сама? Не говоря уже о том, что всех лекарств, которые у меня есть, может, просто не хватит. Смогу ли я опознать болезнь и вылечить всю деревню?

Конь почувствовал моё беспокойство, переместил свой вес и забил копытом. Я снова его похлопала, пытаюсь успокоить. Может, имя из «Эпопеи Ксайсона». Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, как звали ратного коня Ксайсона. Чёрное сердце? Каменное сердце? Какое-то там сердце. У меня была с собой копия, нужно открыть и глянуть. Конечно, этот конь был воином, истинным ратным конём. Я улыбнулась, когда конь снова сместил вес и опустил голову, снова впадая в дрему.

Мои плечи слегка расслабились. Я училась у Эльна, истинного мастера искусства исцеления. Знала симптомы четырёх главных чумных хворей, могла вспомнить их историю до Ксипара, до пяти поколений назад. Мы будем предупреждены, отправим гонцов и прибудет помощь.

Однако, как и Ги́ла, столкнувшийся с живым, дышащим, сопротивляющимся больным в первый раз, меня терзали сомнения.

«Первое правило лекаря — никогда не позволяй увидеть своё сомнение», — раздался шёпот Эльна в моей голове. — «Попытка. Это всё что ты можешь. Всё, что может любой из нас».

Я улыбнулась мысленному образу моего мастера, но улыбка сползла с лица.

Рэйф достиг ворот.

Он казался таким маленьким на коне на фоне стен. Рэйф остановился вдалеке от ворот, по крайней мере, на длину корпуса лошади. Он наклонил голову и позвал крестьян. Ветер донёс слабое эхо его голоса. У меня перехватило дыхание, но не появилось ни одной головы, ни камня, ни стрелы. Только тишина, и шум воинов вокруг нас.

Рэйф снова позвал и пустил коня шагом перед воротами, не сводя взгляда с деревянного строения. У меня перехватило дыхание, но пришлось дышать снова и снова, пока Рэйф стоял перед стенами и звал. Моя скорбь нарастала, как и тишина. Как много умерло? Или же умирает в данную минуту?

Кир подал знак Ортису, и тот откинул голову назад и издал боевой клич. Рэйф поднял руку, развернул коня и направился к нам.

На полпути он остановился, как было наказано, достал бутылочку уксуса и вымыл руки и лицо. Я приказала ему повторить процедуру, и теперь наблюдала, как он умылся четыре раза. Даже на таком расстоянии я знала, что его губы шевелятся в этот момент, и была уверена, что он взывает к каждому из элементарей.

Как только с процедурой было покончено, он подъехал к нам. Его лицо покраснелось от того, с какой силой он втирал уксус в кожу.

— Военачальник, ни ответа, ни звука, ни движения, которое я смог бы заметить сквозь щели в воротах.

Кир кивнул.

— Моя благодарность. Возвращайся к своим прежним обязанностям.

Рэйф поморщился, выплюнул ткань изо рта и достал из носа.

— Военачальник, прошу, пустите меня окунуться в ближайшем ручье. Меры предосторожности военного трофея едва ли вынесет любой из воинов. — Он посмотрел на меня сквозь опухшие глаза. — Это правда, трофеем, держу я или нет ваш знак.

Кир кивнул, и Рэйф ускакал, как испуганная птица.

— Итак. — Кир посмотрел на деревню. — Ифтен.

— Военачальник.

— Распусти отряд. Скажи Уэсрену разбить лагерь на ночь, подальше от этих стен. В полях за ивой, возможно. Пусть сам решает.

Ифтен сдвинул брови, но не стал возражать. Он повернул коня и покинул нас, зовя своих людей.

Кир продолжал сидеть, не сводя взгляда с деревни, пока уезжал его отряд.

— Смелые люди, запереть себя в этих стенах и ждать смерти. — Он задрожал. — Сомневаюсь, что смог бы поступить также.

— Ждать смерти? — ответила я резче, чем ожидала. — Нет, я могу помочь им.

— Как? — тихо спросил Кир. Но меня не обманешь, его взгляд был остёр. — Как ты можешь помочь им?

— Поехав туда, конечно же.

Кир окинул меня долгим недоверчивым взглядом. Я в ответ, не дрогнув, посмотрела на него. Не меняясь в лице, он потянулся и схватил уздечку моей лошади.

— Нет.

Не добавив больше ни слова, он повернул лошадей и повёл воинов. Маркус и остальные встали по бокам от нас.

— Кир...

— Нет, Лара.

Он даже не взглянул на меня, ведя лошадей вперёд.

Я вытянула ногу, схватилась за седло обеими руками и соскользнула на землю. Темпа лошади хватило, что мне пришлось немного пробежаться, прежде чем я полностью встала ногами на землю и сбила лошадь Преста с шага. Айсдра резко остановилась, и взгляд, которым она меня одарила, почти заставил меня рассмеяться вслух.

Но от лица Кира мою весёлость как ветром сдуло. Оно было подобно грозовому облаку в небе, мрачное и злое, а взгляд метал молнии. Он спешил и прошёл ко мне, оставив наших лошадей на месте.

Прест наклонился и толкнул ленту с колокольчиками уединения в мою руку. Я обхватила их пальцами, но так и не отвела взгляда от Кира.

— Во всех племенах не хватит колокольчиков... — Маркус осёкся, отъехав с Айсдрой, Эпором и Престом на почтительное расстояние. Они дали нам много места, но продолжали охранять. Я не была уверена почему, поскольку самая большая опасность стояла прямо впереди, возвышаясь надо мной, и по его подбородку от гнева ходили желваки.

— Что это значит?

— Кир, мы должны помочь этим людям.

— Ты ведь только что закончила рассказывать мне об опасности эпидемии? Смертях, которые она вызывает? «Опаснее, чем любая армия», так именно ты сказала. — Кир провёл рукой по лицу. — Зачем тебе проезжать через эти ворота?

— Для помощи больным и ухода за умирающими. Мне нужно узнать, что это за эпидемия, и откуда она взялась. Кир, она может уже распространиться на всё королевство. Мы должны предупредить Симуса, Озара и Эльна. Чем больше мы узнаем, тем лучше будем готовы...

— Нет, — оборвал меня Кир и продолжил идти, двигаясь со своей обычной грациозностью. Его лошадь внимательно наблюдала за нами. Мой конь снова заснул: голова опущена, уши хлопают, глаза закрыты. Мальчик перенёс весь вес на левую ногу, а правую заднюю убрал под себя.

Моё поле зрения заслонил Кир.

— Мы должны приехать в Сердце Равнин как можно скорее. Подтвердить твой статус как можно скорее. Если мы задержимся, потеряем наше преимущество.

— Кир, эти люди присягнули тебе на верность, дали клятву, которую ты потребовал. Принять королевство как данника не означает бросить его на произвол судьбы. Ты ещё принял на себя ответственности за людей Кси.

Я сняла неудобный шлем, позволяя бинтам упасть на землю, и провела пальцами по волосам, распутывая косу.

— Клятва обоюдна.

— Мы проедем мимо, обойдя деревню, как ручей обтекает камень. Признавая их жертву, но держась в стороне от опасности.

— Мы не можем так поступить. Нам нужны сведения. Армия уже может быть заражена, ведь вы торговали с крестьянами, мимо которых мы проезжали. Я лекарь, и я дала клятву помогать страждущему. Я должна туда поехать. — Я улыбнулась ему. — Целитель направляется туда, где он нужен. К военачальнику или к охваченной болезнью деревне.

— Это безумие. Ты — связь между нашими народами, королева Кси и военный трофей. Я не буду рисковать твоей жизнью.

— Я дала клятву, признавая своё мастерство. Как и ты, когда стал военачальником. И эта клятва требует от меня оказать помощь этим людям.

— Для твоих людей это важнее, чем твой долг военного трофея?

— Кир, Кси были народом купцов и торговцев во времена моего прадеда. Но затем по стране прокатилась эпидемия и выкосила людей. Погибло так много народа, что закрыли горные тропы. Кси, которую ты завоевал, была в прошлом богатым краем.

Он повернулся, смотря на ворота и излучая ярость.

Я встала рядом с ним.

— Если эпидемия вернулась, мы должны помочь им и узнать как можно больше. Нам нужно отправить гонца в город Водопадов.

— Зачем? — скептически посмотрел Кир. — Болезнь останется там, где она есть, в кольце этих стен.

— Нет. — Я потёрла рукой по вспотевшей шее. — Если они все больны, то их не смогут даже должным образом похоронить, Кир.

Он скривился, прекрасно зная, что это означает.

— Мы пошлём за помощью в город Водопадов. Они будут здесь через пять-шесть дней.

— Мы не можем ждать так долго. Если будем ждать помощи, то возможно найдём одни только трупы, и никто не расскажет нам, что произошло и как. Я должна ехать, Кир.

Он впился в меня взглядом.

— Я целитель, и этим людям, *твоим людям*, нужна моя помощь.

— Эти люди не стоят ни одной капли твоей крови.

Я пристально посмотрела на него, пока он не отвёл взгляд.

— Ты думаешь как влюблённый мужчина, военачальник.

Он обернулся, и в его глазах горело пламя.

— А я и есть влюблённый мужчина, трофей.

Мои щёки запылали, но я не ослабила своей решимости.

— Если бы твои люди обладали лекарскими навыками, ты бы помог им.

— Ты отдаёшь отчёт своим словам? — зарычал Кир.

— Прекрасно отдаю, Кир. Моему народу нужны твои люди для защиты, когда наши силы исчерпаны, для торговых связей, для нашего будущего. У моих людей есть всё, чтобы пережить зиму, но они должны собрать каждое зёрнышко с полей, чтобы выжить. Если это эпидемия, и если она распространится... — Я закрыла глаза от такой возможности. — Ты ведь отправляешь разведчиков, если не знаешь, с чем имеешь дело? Мы должны узнать, и единственный способ сделать это — это войти туда.

— Должен быть другой...

Я впиалась в него взглядом.

— А если болезнь доберётся до Равнин? Что насчёт твоих людей? Воины-жрецы им помогут?

Он остановился, стиснув зубы, сгорбив плечи, сжав руки в кулаки. Начал проклипать, и слова полились из него потоком, слова, которые я на тот момент не знала. Он замолк, едва переводя дух.

— Должен быть иной путь.

Он продолжил подкрадываться ко мне и стал переубеждать. Я не ожидала, что будет легко, и легко не было. Пока он шёл, повторяя каждый свой аргумент, я опровергала их снова и снова, зная, что права. Я начала расшнуровывать куртку. Эти тяжёлые кожаные одежды были тёплыми, и у меня вспотела шея. Как же они носят это всё время?

Наконец Кир развернулся, чтобы посмотреть на меня, и ткнул пальцем в мою сторону.

— Мы можем отправить Ги́ла. Он...

— Ты же не отправишь ребёнка делать работу взрослого?

Он вспыхнул, как огонь, политый маслом.

— Ты последний живой представитель рода Кси. Я не рискну твоей жизнью. Я не рискну всем, что мы пытаемся сделать для наших людей. — Он сделал шаг ближе, и я поборола желание сделать шаг назад. — Я не буду рисковать всем ради крошечной деревушки. Кто узнает? Кто увидит?

Он повернулся и направился к нашим лошадям.

— Небеса узнают.

Он остановился как громом поражённый, спиной ко мне, сжав ладони в кулаки.

Ком подкатил к горлу, но я добавила:

— Богиня узнает.

Молчание между нами стало гробовым. Не было слышно ни звука, даже перезвона колокольчиков в моей руке. Лишь ветер хлестал по траве и развеивал мои волосы.

Напряжение сначала покинуло левую руку Кира, и он медленно разжал пальцы. Затем расслабились его спина и шея. Он сделал глубокий вдох. Я задела колокольчики пальцем, и нежный перезвон разнёсся по равнине.

Кир повернулся и пошёл обратно ко мне с печальным взглядом.

— Я должен был понять. С момента, как ты проигнорировала меня на рынке, я должен был понять. Во всей моей армии не найдётся больше чести и упрямства, чем в одной крохотной ксианке.

— Крохотной?

Я подняла бровь.

Он улыбнулся и поднял руку, чтобы погладить моё лицо.

— Кир, оставить этих людей будет такой же большой ошибкой, как...

— Как погрузить меч в грудь Дёрста.

Я кивнула.

— Мне не стоило этого делать, огонь моего сердца.

Кир провёл по моим губам большим пальцем.

— Все другие альтернативы ещё хуже. Выбора нет, Кир.

Я подошла ближе и обхватила его руками. Он обнял меня, и мы стояли долго-долго, храня хрупкий мир.

В конце концов, я отступила.

— Я должна поговорить с Ги́лом.

— Мы позовём его на сенель. — Кир посмотрел вдаль, в сторону армии. — Несколько дней задержки погоды не сделают.

Я открыла рот, чтобы поправить его, но захлопнула, когда он повернулся ко мне спиной.

— Пойдём, Лара. Давайте сделаем это как можно быстрее.

Я взяла его за руку, не сказав ни слова, и мы пошли обратно к лошадям.

Если Ифтен не уберёт этот самодовольный взгляд с лица, Кир сделает это за него.

Сенель был создан под той же ивой. Собрались все командиры, и Маркус успел приготовить тёплого гарта и обжарить хлеб. Кавадж подогревался на костре, и его аромат наполнил воздух. Но я с трудом глотала пищу, настолько напрягся мой желудок. Кир принял решение, и я готова узнать, с чем мы столкнулись. Если скоро уеду, то успею до заката осмотреть больных и поговорить с оставшимися жителями деревни. Пожалуйста, Богиня, пусть за теми воротами останутся ещё живые души. У ксиан есть свои истории, также как и у огненных, о целых городах, полных трупов и умирающих. Только не здесь, Госпожа луны и звёзд. Пожалуйста.

Но прежде, чем уехать, я должна ещё много о чём им рассказать, научить. Я не могу оставить целую армию неподготовленную к эпидемии. Но прежде чем я смогу научить их хоть чему-нибудь, я должна убедиться в серьёзности угрозы. Гил сидел рядом со мной с широко раскрытыми глазами, слушал и трясся всем своим худеньким телом от волнения.

Объявление Кира о том, что мы должны помочь деревне, было встречено недоуменными взглядами некоторых и полным презрением остальных.

— Оставь их гнить в грязи, — рыкнул Ифтен, и почти все его поддержали.

Заявление, что я поеду в деревню, вызвало лишь ухмылку на лице Ифтена. Он молчал, пока остальные протестовали и спорили, передавая символ Кира по кругу. Они приводили те же аргументы, что и Кир, и он терпеливо переживал всё снова, опровергая их аргументы, как это делала я. Только когда Кир закончил, наступила тяжёлая тишина.

— Как же храбр и благороден военный трофей, что готов протянуть руку помощи проклятому, — бархатным голосом произнёс Ифтен.

— Оценишь ли ты по заслугам её смелость и вызовешься поехать с ней? — поддел Кир. Его тон звучал странно, и я не сомневалась, что мечи вылетят из ножен.

Голос Жодена прорезал напряжение.

— Значит, правда поётся в старых песнях о городах, полностью разорённых в результате болезни.

— Это редко, Жоден, — успокоила я, убедившись, что мой голос скрыл мои страхи.

— Лошади могут заразиться?

Арет чуть наклонилась вперёд с взволнованным взглядом.

— Никогда об этом не слышала, Арет.

— Но горожане не живут со своими лошадьми, как мы, — возразила Юзайна.

— Может быть, наши люди не подхватят эту болезнь? — с надеждой произнёс Уэсрен.

— Лекарства военного трофея действуют на наших людей. Боюсь, мы тоже можем подхватить эту хворь, — вздохнул Кир. — Я не могу рисковать. Не привезу эту болезнь на Равнины. Можете представить, как умирают наши дети и тхиэ?

Ифтен фыркнул, махнув рукой на группу.

— Мы все живы и здоровы, военачальник. Среди нас нет никаких следов этой «эпидемии».

— Но мы уже торговали с крестьянами по дороге и вступали в контакт, пока стояли лагерем за городскими стенами. Военный трофей сказала, что нужно подождать и убедиться, что болезнь ушла.

Сзади поднялась сумятица, и встал Цор. Он был крупным мужчиной с длинными густыми чёрными волосами.

— Трофей, я прошу о вашем символе.

Я с удивлением посмотрела на него, испугавшись, что он чувствует, раз ему нужен мой символ. Гил толкнул меня в бок и сунул в руку маленькую баночку лекарства от жара. Я подняла её, и Цор вышел её взять.

— Я держу твой символ, трофей, и хочу озвучить одну истину.

— Я отвечу на твою истину, — сказала я, раздраемая любопытством, что же он скажет.

— Трофей, я видел, как вы исцеляли, и слышал слова военачальника. Не хочу обидеть, но я обеспокоен. Мы, равнинники, имеем сильные традиции передавать наши знания по рассказам тхиэ и певцов. Но ваши люди, они полагаются на слова на «бумаге» и в «книгах». — Он говорил на ксианском медленно, вертя в руках маленькую баночку. — Вы храните вашу мудрость в этих вещах. И у вас нет «книги» с собой, что поведает вам о прошлом. — Он прочистил горло и переступил с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке. — Возможно ли, что вас подводит память?

Все ахнули, и даже Кир медленно втянул воздух. Маркус свирепо глянул на мужчину, как если бы он оскорбил меня, а, может быть, по их представлениям, так оно и было. Гил

выпрямился, пылая от возмущения. Я положила руку ему на плечо, испугавшись, что он может натворить дел сгоряча.

— Цор, это правда, что мои люди записывают свои знания в «книги», чтобы их сохранить. Но уроки, извлечённые из этих «книг», хорошо выучены, особенно, что касается «эпидемии». — Я окинула взглядом собравшихся. — Мой учитель, Эльн из города Водопадов, и он настоял на том, чтобы мы выучили и знали... — Мне пришлось сделать паузу, так как у них не было слова «симптом». — Знаки болезни и как с нею бороться.

Цор по-прежнему держал банку, открыв рот, но я ещё не закончила.

— Я не могу заявить, что моя память так же хороша, как и ваша. Но мои знания и мои умения проистекают из многих лет обучения и практики. Вы понимаете? — Я пристально посмотрела на него, и он кивнул. — Я ответила на вашу истину?

— Да, трофей.

Он протянул баночку и сел.

— Итак, — заговорил Кир, — мы поможем деревне. Уэрен, разбей временный лагерь. Всё на твоё усмотрение.

Уэрсен кивнул, но Йерс встал с задумчивым лицом.

— Я хотел бы спросить у трофея, чего ожидать от погоды в это время года.

Я задумалась на мгновение.

— Кружева Богини не появятся ещё в течение нескольких недель, Йерс.

Я могла бы сказать, что он не понимает.

— Первый мороз. Мы говорим, что Богиня ткёт кружево для своей свадьбы. После этого через несколько недель выпадает снег.

Было ясно, что моё объяснение привело его в полное замешательство.

— Будет становиться всё холоднее, а дни короче?

Я кивнула, и он хмыкнул и сел.

Слово взяла Сэл.

— Военачальник, если мы хотим простоять здесь какое-то время, мне нужно пополнить запасы. Как много должно пройти времени, прежде чем мы сможем смело двинуться дальше?

Кир повернулся взглянуть на меня.

— Трофей?

Я облизала губы и уронила взгляд на колени.

— Сорок дней.

Я слышала лишь стук сердца в ушах. Затем робко подняла голову и увидела, что лицо Кира стало каменным. У меня перехватило дыхание, желудок наполнился желчью.

Самодовольный взгляд Ифтена сменился на откровенную улыбку.

— Вы задержитесь на сорок дней?

Маркус нахмурился, когда Кир не ответил, и перевёл взгляд с моего лица на Кира. Я замерла, испугавшись, что зашла слишком далеко. Я заманила его в эту ловушку, но какой выбор у меня был? Жителям деревни нужна моя помощь. Я видела его гнев прежде. Поддержит ли он меня или же...

— Ради безопасности наших людей, — ответил Кир скрипучим голосом и повернул голову к Сэл, позволяя мне увидеть, как пульсируют крохотные мышцы на его подбородке. — Сорок дней. Таков план.

Как настоящая трусиха я избегала Кира и держала Ги́ла рядом после сенеля. Маркус собрал всех вьючных лошадей, и мы с Ги́лом поровну разделили лекарства. Я учила его, пока мы работали, рассказывая о различных видах эпидемии и их лечении. Я уже подготовила письма для Озара и Эльна, и гонцы поскакали галопом в город Водопадов, получив строгий наказ бросить письма стражникам у ворот. Я была практически уверена, что в течение нескольких дней, самое большее через неделю, у Ги́ла появится помощь.

Ги́л слушал внимательно, не сводя взгляда с моего лица, впитывая мои слова. Он яростно кивнул и повторил рассказ, постоянно добавляя, что он будет бдителен и не забудет, что я сказала.

Пока мы работали, я чувствовала мрачное присутствие одного человека. Кир ещё не поговорил со мной, но я чувствовала, как его взгляд обжигает мою шею.

Кир собрал Маркуса, Жодена, Эпора, Айсдру, Рэйфа и Преста, и они спокойно переговаривали между собой. Я не знала, что они обсуждают, но время от времени в мою сторону кидали мимолётные взгляды. Я продолжала работать, чувствуя напряжение в плечах и шее и боль в ногах.

Только когда мы закончили, Кир встал и подошёл ко мне. Остальные с тревожными лицами последовали за ним.

— Я готова ехать.

Я выбрала одну из лошадей, Ги́л придержал остальных. Кир пронзил меня взглядом, но я выдержала его взгляд, ни разу не моргнув. Я и так уже зашла слишком далеко, чтобы теперь сдатьсь.

— Ты не поедешь одна. — Кир махнул, и вперёд вышли Эпор и Айсдра. — Они будут сопровождать тебя.

— Кир, это слишком опасно. Они...

— Нет, — оборвал он меня, не оставляя шансов для спора. — Мы не видели больных или умирающих. Это всё ещё может быть засада. Ты возьмёшь с собой воинов или не поедешь вовсе.

— Мы сделали свой выбор, трофей, — обнадеживающе ответила Айсдра.

— Столкнуться с невидимым противником? Какие песни о нас сложат, да? — Эпор улыбнулся. — Жоден уже напевает под нос.

Жоден пожал плечами и все, кроме Кира, натянуто улыбнулись. Лицо Кира по-прежнему оставалась каменным, и лишь крошечные мышцы на подбородке продолжали пульсировать.

— И ещё одно... — Я осеклась, не зная, как сформулировать эту просьбу.

— Что бы там ни было, я уверен, ты добьёшься своего, даже если тебе придётся лгать, — выплюнул Кир. Наступила пауза, и остальные начали пятиться, словно услышали колокольчики. Но Кир поднял руку.

— Нет.

Все остановились. Гил покраснел до корней волос и уставился под ноги. Я тоже залилась краской, но не опустила взгляда.

— Говори.

— Мы должны организовать передачу сигналов. Чтобы вы знали, какая это эпидемия. Мы должны давать друг другу знать, что происходит. Как только мы узнаем, что это за эпидемия, нам нужно будет отправить кого-нибудь к городу Водопадов, чтобы передать вести. Ваши боевые кличи, может быть?

Жоден улыбнулся.

— Их используют в бою или на охоте, трофей, и они не предназначены для разговора. Но мы подумаем, что можно сделать.

К счастью, с их памятью, им не понадобится много времени, чтобы определить новое значение крикам. Я продумала так много возможностей, как только смогла, затем прокашлялась.

— Нам нужен ещё один. Если все трое из нас заболеют, и все жители мертвы. Мы должны поджечь деревню и убить себя, чтобы предотвратить распространение заразы.

Кир застыл. Остальные помрачнели. Жоден тихо сказал:

— Я думал, милосердие — не твой путь, Лара.

— Не мой, Жоден. Но я не позволю этой болезни распространиться. Ради ваших людей или моих. — Я посмотрела на Эпору и Айсдру. — Вы понимаете, чем рискуете?

— Да, — хором ответили они.

— И вы поклянетесь...

Вмешался Кир:

— Ты ещё не подтвердила статус, трофей. Не злоупотребляй своей властью.

Я недовольно уставилась на него.

— Но я мастер-целитель. Они должны обещать...

— Они сделают что должно.

Взгляд Кира был ледяным. Я опустила глаза и дёрнула за узду лошади.

— Надо ехать. Мы теряем время.

Мы ехали молча до точки, откуда явно виднелись ворота деревни. Никаких изменений, никаких признаков того, что наше присутствие было замечено или проигнорировано. Мы все спешили, за исключением Кира. Айсдра взяла поводья выучных лошадей. Я повернулась к моему ученику и улыбнулась ему.

— Гил...

Гил бросился ко мне и крепко сжал. Я услышала слабый шёпот у уха:

— Я сделаю всё, чтобы ты мною гордилась, Лара. Клянусь.

Он отступил и подарил мне улыбку. Рыжие волосы засверкали в лучах солнца.

— Небо наблюдает за вами, трофей.

Маркус выглядел несчастным и обеспокоенным.

— И теперь, вы засунете себе тряпки в нос, да?

Я кивнула, слишком тронутая его заботой, чтобы говорить, и обняла его.

— Береги Кира.

— Всегда. Но кто позаботится о вас? — хрипло спросил он, когда я разомкнула кольцо рук.

Кир возвышался на своей лошади, холодный и далёкий, как горы, которые нас окружали. Он не посмотрел на меня, когда произнёс:

— Небо с тобой.

Я глубоко вздохнула и стала ждать. Кир так и не посмотрел.

Я покорно отвернулась. Взяла протянутую Гилом баночку и вместе с Эпором и Айсдрой запихнула тряпки в нос и рот.

— Надеюсь, эту часть оставят в песни, — проворчал Эпор, и мы двинулись в путь. Я была благодарна за резкий вкус имбиря во рту и в каждом вдохе. Он оправдывал слёзы в моих глазах.

Позади раздался какой-то шум. Я обернулась, только чтобы увидеть, как Гил сделал несколько шагов, чтобы поймать мою лошадь, которая пошла за нами. Лошадь немного побрыкалась, но успокоилась под лаской Гиля. Кир даже не шевельнулся, и я повернулась обратно к деревне. Айсдра и Эпор ехали прямо за спиной.

Мы почти подъехали к воротам, когда я не выдержала.

Я остановилась и обернулась.

Эпор и Айсдра одарили меня понимающим взглядом, но продолжали ехать.

Кир спешил, рядом с ним стоял Маркус и хлопал по плечу. Гил вёл мою лошадь обратно к другим лошадям. Пока я переводила взгляд на лошадей, Кир поднял руку.

Я улыбнулась и подняла руку. Затем подняла вторую и медленно поднесла к первой, чтобы мои пальцы переплелись, образуя кулак. Я надеялась, что Кир вспомнит, что он показал мне этот жест в палатке, когда объявил о своём намерении переплести судьбы наших народов. Надеюсь, он всё понял.

Казалось, он понял, так как поднял руку чуть выше в подтверждении. На таком расстоянии трудно было сказать, но он показался мне разбитым. Как если бы я увезла все его надежды с собой.

А так оно и было.

Со слезами на глазах я опустила руки и повернулась последовать за остальными. Больше я не оглядывалась. Я не могла доверять себе. Ведь побегу и брошусь ему в объятия.

И я не могла доверять ему. Он точно привяжет меня к дереву.

Глава 5

Задолго до моего рождения король Кси распорядился построить главный тракт от города Водопадов до самой границы с равнинами. Один из его правнуков, то ли Ксителл, а может и Ксирес, построили форты вдоль дороги, так как огненные стали совершать набеги на долину.

Каждый форт был хорошо укреплён каменными стенами и высокими зубцами, по образцу стен в городе Водопадов. В каждом был глубокий колодец и склады для продовольствия. Но всё это пало жертвой врага, которого нельзя победить: времени. Стены рухнули, и местные жители растащили камни для строительства хижин и невысоких оград, чтобы держать в них овец и свиней. Лишь немного осталось нетронутым. И хотя я читала про эти укрепления, воочию никогда их не видела, так как никогда бы не рискнула уехать дальше, чем на несколько часов от города.

Когда мы подъехали, я разглядела, что это был один из последних оставшихся фортов. Прочные каменные стены возвышались вокруг деревни, ворота представляли собой массивные куски дерева, обшитые металлом. Я различила знак «эпидемия» на дереве. Кровь высохла. Эпор остался следить за нашим тылом, а Айсдра вышла вперёд и стала колотить в ворота.

Никакого ответа. Мы постояли мгновение, слыша только слабые звуки армии позади и ветер в деревьях. Я поборола желание оглянуться и узнать, смотрит ли по-прежнему Кир.

Айсдра снова постучала. Она упёрла руки в бока и запрокинула голову, продолжая вслушиваться.

— Ничего. Я вхожу.

Эпор заворчал и вышел вперёд, чтобы помочь Айсдре перелезть через ворота. Её ботинки зацарапали по дереву, и она подтянулась. Эпор махнул мне отойти, достал оружие и повернулся к воротам. Однако раздался скрип, и ворота медленно отворились. Мы проскользнули внутрь и изучили ситуацию.

На площади стояла мёртвая тишина, ни души. В центре возвышался огромный каменный колодец с лебёдкой и запасными вёдрами, чтобы каждый мог набрать себе воды. Площадь окружали дома, все деревянные и построенные вплотную друг к другу в кольце каменных стенах. Конечно, не все стены сохранились, и некоторые участки были заменены деревянным частokoлом. В деревне, в которой должны были накрывать столы к ужину, не было и признака жизни. Гробовая тишина, не считая гомона ласточек неподалёку.

Эпор и Айсдра не теряли бдительности, держа оружие наготове. Эпор, как всегда, был вооружён своей палицей, а Айсдра — щитом и мечом. Они не пустили меня дальше ворот, готовые увести при любом признаке опасности. Но тишину ничто не нарушало, и на площадь никто не вышел.

— Разведчик говорил, что кто-то стрелял в него со стены, — тихо заметил Эпор. Айсдра кивнула, и я подняла голову. С обеих сторон стен чуть выше ворот располагались небольшие площадки, к которым вели деревянные лестницы.

— Я проверю, — сказал Эпор.

Я кивнула.

— Я могу...

— Нет, — резко оборвала меня Айсдра. — Вы останетесь здесь.

Лестницы были небольшие, всего в несколько ступеней. Эпор приподнял палицу и достал кинжал перед подъёмом. Он двигался быстро, выбрав правую площадку. Одно мгновение, и он был уже наверху. Эпор опустился на колени, исчезая из вида, но затем снова поднял голову.

— Здесь мужчина с луком, но я не могу его разбудить.

Я сделала шаг к лестнице, но Айсдра меня остановила:

— Нет, трофей. Эпор принесёт его нам.

Я прикусила губу от досады, но Эпор уже нёс лучника, перекинув через плечо. Он спустился и положил мужчину у моих ног. Я встала на колени и поставила рядом с собой свёртки и корзину. Мужчина был немолод, с загорелой обветренной кожей. Я проверила его лоб, он оказался холодным и влажным.

— Он заражён.

Эпор и Айсдра внимательно осмотрели площадь на признак любого движения.

— Значит всё-таки болезнь? — спросила Айсдра, не смотря на меня.

— Один больной человек ещё ничего не значит, — прорычал Эпор. — Давайте немного подождём, прежде чем принимать решение, а? Проверим деревню дальше.

— Тот дом, со ставнями. Он закрыт, но, кажется, это... — я подыскала правильное слово, — это дом военного командира.

Эпор фыркнул от выбора слова, но понял мысль.

— Идём.

— Но этот человек...

— Оставь его, — жёстко ответил Эпор, и я поняла, что он не позволит мне возразить. Мы пошли к дому осторожно, я ровно посередине от своих защитников. Айсдра постучала в дверь головкой эфеса, пока Эпор прикрывал нам тыл. Никто не ответил, и Айсдра выбила дверь.

— Айсдра... — возмутилась я.

— Прощу прощения, — пожала она плечами и вошла в широко распахнутую дверь. Я привстала на цыпочки и заглянула за её плечо. Это была гостиная: я различала очаг и кресла. Лестница на второй этаж и задняя дверь, скорее всего, ведущая на кухню. Айсдра прошла через комнату и скрылась в двери. Не последовало никакого окрика, ни ответа. Я сделала шаг, но Эпор остановил меня жестом.

Айсдра вернулась сразу же, с мрачным взглядом.

— Мёртвая женщина на полу. Ран нет.

Она двинулась к лестнице и скрылась. Я слышала её шаги на втором этаже. Айсдра спустилась через минуту.

— Мальчик в кровати, мёртв.

Эпор стиснул зубы.

— Болезнь, как вы и говорили, трофей.

Он принялся поправлять тряпичную затычку в носу.

— Лучше бы я ошиблась.

Он кивнул и вышел из дома обратно на площадь и, откинув голову, издал долгий клич. Это был сигнал: пусть Кир знает, что мы действительно столкнулись с эпидемией. Как только Эпор замолк, из-за стены раздался ответ.

Эпор повернулся ко мне.

— Он поняли. Жоден спрашивает, что именно это за болезнь.

Я покачала головой.

— Пока что не знаю.

Эпор снова закричал, а Айсдра подошла ко мне.

— Вы хотите осмотреть мёртвых? — поинтересовалась она.

— Утром. Я больше волнуюсь за живых.

Мы поспешили пересечь площадь. Эпор усадил больного, а мы с Айсдрой забрали свёртки.

— Мне нужно отнести его на кровать и осмотреть. — Я посмотрела на небо. — А вам — проверить все дома, пока есть ещё хоть какой-то свет.

Эпор нахмурился.

— Куда?

— За тем углом есть святилище Богини, Эпор. — Я встала и взяла вещи. — Я могу лечить там. То место вполне мне подойдёт.

— Мне не нравится идея оставить вас одну. Я пойду, а...

Айсдра насмешливо фыркнула.

— Больше времени уйдёт на пререкания, чем на поиски.

Эпор покачал головой, но встал и перекинул мужчину через плечо.

— Как скажете, трофей.

К счастью, в храме было пусто и тихо. Это был огромный дом Богини с мраморными скамьями, место поклонения и встреч. В дальней части располагалась небольшая спальная комната с очагом. Судя по вещам, в святилище не было ни одного жреца. Я приказала

Эпору положить больного на кровать и разложила свёртки рядом на столе. Быстро раздела больного и замерла. Такой сильный запах не мог скрыть даже имбирь. Достала ткань из носа и меня чуть не сбила с ног невыносимая вонь, идущая от тела больного. Я в замешательстве вернула затычки и продолжила работать. Такой симптом был мне не знаком. Что это? Потница? Отёчница?

Я едва слышала, как Эпор и Айсдра обыскивают храм, всё внимание было сосредоточено на пациенте. Он не реагировал на мои прикосновения: его кожа оставалась холодной и липкой, а дыхание хриплым и прерывистым.

— Трофей.

Никаких припухлостей на подмышке и шее. Я потянулась к паху, чтобы проверить...

— Трофей.

Пах тоже не опух, но и не хотел реагировать, когда я надавила пальцами. Ладно, начну с лекарства от лихорадки, а затем...

— Клянусь, здесь эхат может пробежать, а она и ухом не поведёт.

Голос Эпора вырвал меня из размышлений. Я подняла голову и увидела его, стоящего в дверях с ведром воды. Айсдра же разжигала небольшой огонь в очаге, улыбаясь шутке Эпора.

Эпор поставил ведро рядом с очагом.

— На заднем дворе всё тихо. Он окружён стенами, и там есть небольшой домик.

— Уборная, — поправила я и вернула внимание к пациенту.

Айсдра наклонилась взглянуть на больного.

— Вы определили, что это за болезнь, трофей?

— Нет. — Я встала поставить немного воды на огонь. — Ещё нет.

Эпор почесал бороду.

— Ну, раз враг невидимый, его сложно поймать. На двери нет задвижки, трофей. Айсдра останется с вами, а я проверю деревню.

— Двери храма не запирают, Эпор, — рассеянно ответила я, думая только о своём пациенте. Тут до меня дошёл смысл последних слов, и я резко обернулась. — Не глупи. Вдвоём вы управитесь быстрее.

Они оба прямо посмотрели на меня, и я встала.

— Хорошо. Я загорожу дверь скамьей. Если кто-нибудь войдёт, я закричу. Это вас устроит?

Эпор нахмурился, но Айсдра дала ответ:

— Помни урок Маркуса, трофей. Смерть приходит мгновенно.

На мгновение я вспомнила прикосновение лезвия к горлу и испытанный тогда страх. Маркус двигался так быстро. Страх был настоящим, но я не позволю себе отказать в помощи больному.

— Не спорю, но чем быстрее вы уйдёте, тем быстрее вернётесь.

Айсдра посмотрела на Эпора, и тот пожал плечами.

— Нужно сделать как можно больше, пока солнце окончательно не село.

— Помните фразы, которым я вас научила?

Я проводила их до двери.

— Не бойтесь, — медленно произнесла Айсдра на ксианском.

— Мы отведём вас к целителю, — пророкотал Эпор с ужасным акцентом. Но его всё равно поймут. Я закрыла за ними дверь.

— Я не уйду, пока не услышу, что вы поставили скамью, — раздался голос Айсдры. Я в раздражении перетащила скамью и опустила перед дверью.

— Сделано.

— Мы проверим ближайшие здания и вернёмся. Будьте бдительны, трофей.

Я уже забыла о них, спеша обратно к больному. Никаких отёков, ни фурункулов. Никаких признаков рвоты или флюса. Я обтёрла мужчину влажной тканью и попыталась заставить пить, но жидкость вся вылилась изо рта. Он так и не проснулся, пока я его ощупывала, и его странная вялость меня беспокоила. И всё же, судя по всему, я имею дело с Потницей. Он не кашлял, хотя дышал тяжело. Я слушала его дыхание, пока расставляла свёртки, молясь, что мне хватит запасов для всех.

Одеяла, нам нужны одеяла. И что-нибудь поесть, похлёбку, если смогу найти ингредиенты. Или кашу, если не найду ничего другого. Нужно сказать Айсдре, чтобы искала еду. В храме-то никакой еды нет. Попыталась расслабиться, перевести дыхание и ослабить напряжение в животе. Как только сельчане узнают, что прибыл целитель, то помогут.

Я подскочила от яростного стука в дверь. Пустила Айсдру. Она вошла с мрачным лицом и ворочающимся свёртком в руках.

— Я нашла её на кровати рядом с тхиэ.

Одеяло упало и раскрыло ребёнка, которому так и хотелось вылезти из тряпок. Айсдра прошла мимо меня.

— Загороди дверь, трофей.

— А разве Эпор не несёт её мать?

Я выглянула на площадь.

Тишина заставила меня обернуться и взглянуть на Айсдру. У неё был странный холодный взгляд в глазах.

— Нет.

Я прикусила губу и отвернулась закрыть дверь. Когда я вошла в спальню, Айсдра положила младенца у огня, удобно устроив на одеялах, и закопалась в седельных сумках. Малыш плакал и дрыгал ножками в воздухе.

— У меня есть гарт, — сказала Айсдра. — Мы можем размочить его в воде и покормить малыша. Она запачкалась, трофей. Её тхиэ мертва уже несколько часов.

Я встала на колени и улыбнулась крохе, проверяя её.

— Не вижу ни одного симптома лихорадки. Просто голодный и несчастливый младенец.

— Да будут благословлены Небеса. — Айсдра начал разворачивать одеяло. — Я захватила ещё пелёнок.

Она бросила вперёд несколько чистых пелёнок, и на пол упали стебельки лаванды. Девочка открыла глаза и посмотрела на нас красивыми карими глазами в обрамлении тёмных загнутых ресниц. Затем крошка скривила личико, и комнату огласил дикий плач.

— Что это за цветы? — спросила Айсдра, приступив к работе. — Красивые.

— Лаванда. Должно быть, мать так сохраняла приятный запах. — Я прочистила горло. — Не уверена, что гарт придётся ей по вкусу. Надеюсь, мы сможем найти кормилицу в деревне.

Продолжая пеленать ребёнка, Айсдра произнесла ледяным тоном:

— Сомневаюсь, что ещё кто-то выжил, Лара.

Она странно прищёлкнула языком. Малышка открыла глаза и уставилась на неё.

— Мы проверили половину домов, и это первый живой человек, которого мы нашли.

У меня сжало горло.

— Нет, — прохрипела я. — Пожалуйста, скажи мне, что это неправда.

Она держала голову опущенной, не сводя глаз с малышки, которая схватила конец её косы и орала, дрыгая ножками в воздухе.

— Мёртвые в кроватях, трофей. Мёртвые в коридорах и дверных проёмах. Некоторые просто рухнули замертво. Кто-то мёртв несколько дней, иные — всего пару часов.

Я сидела в оцепенении, глядя на малышку, которая дёргала за волосы, угрожая сорвать кожаную ленту. Дражайшая Богиня, вся деревня?

Айсдра слегка и осторожно повернула голову, чтобы не выдернуть косу из кулачка младенца.

— Нужно её покормить

Она взяла плачущую девочку и обхватила её плечико обеими руками. Казалось, Айсдра забубнила что-то под нос и стала нежно постукивать младенца по спинке. Ребёнок икнул и посмотрел на меня с широко раскрытыми глазами, с ресниц капали слёзы.

Я улыбнулась и потянулась за корзиной.

— У меня есть чашечка для кормления. Можем подсластить гарт.

— Доверься мне, Лара. Крошке всё равно. Пока еда тёплая и нежёсткая, она будет пить.

Айсдра продолжила пальцами и ладонями нежно бить малышку. Младенец зевнула и уронила головку на плечо Айсдры. Айсдра, с другой стороны, со скептическим взглядом окинула керамическую чашку с длинным носиком.

— Вы уверены, что это сработает?

— Да. — Я взяла воду и гарт. — А что вы используете на Равнинах?

— Высушенные соски животных. — Айсдра нахмурилась. — Они больше похожи на грудь, чем холодная посуда.

— Это сработает, поверь. — Я помяла гарт в тёплой воде. — Где ты этому научилась?

Я кивнула на её руки.

Она тихо засмеялась.

— Так мы успокаиваем детей. Чертим узоры на спине и тихо напеваем. Дети успокаиваются, мы замедляем узор, и они обычно засыпают. При необходимости мы используем узор, чтобы разбудить спящего ребёнка.

Айсдра была права: малышка без жалоб покушала гарт и заснула с узким носиком во рту. Айсдра улыбнулась задремавшей малышке на руках.

— Я должна идти. Эпору нужна помощь...

Наш хрупкий мир был нарушен стуком в дверь. Я направилась открывать Эпору, а Айсдра уложила ребёнка в одеяла, которые мы постелили у очага.

Эпор принёс седую женщину, завернутую в одеяло. Она была в сознании и обнимала его за шею. Эпор направился в дальнюю комнату.

— Дыхание не покинуло её тело, трофей. Я нашёл ещё одного выжившего, но без Айсдры мне его не словить.

Он опустил женщину на кресло.

Женщина поправила одеяла и, казалось, утонула в них.

— Словить? — переспросила я, положив руку на плечо женщины, чтобы успокоить. Она посмотрела на меня покрасневшими глазами, и я почувствовала, как она дрожит даже через одеяло. Даже с имбирём я учуяла вонь её пота.

Эпор усмехнулся.

— Он дал дёру точно цыплёнок, решив, что мы враги. — Он лукаво усмехнулся. — Конечно.

Его усмешку я встретила жёстким взглядом. Эпор тут же стал серьёзным.

— Я попытался произнести все фразы, которым вы меня научили, но всё бесполезно. Я хочу оградить его, ради его и нашей же безопасности.

Айсдра нахмурилась.

— Мне надо было пойти с тобой и помочь.

Эпор подарил ей улыбку.

— Ах, но у тебя младенец на руках. Я понял, что ты меня бросишь в тот момент, как ты слышала плач с постели. — Он повернулся ко мне и посмотрел на меня печальным-препечальным взглядом. — Трофей, эти тряпки в носу действительно так необходимы? Они не хотят держаться!

— Да, необходимы.

— А если сделать так? — Он взял полоску бинтов из моего запаса и завязал ей рот и нос. — Если окунуть её в масло? Пожалуйста?

Я не смогла не улыбнуться его умоляющему тону.

— Должно сработать.

— Эпор, ты мой герой.

Айсдра вздохнула с облегчением. Они быстро сделали себе маски и приготовились уйти.

Старуха выбралась из-под одеяла и вцепилась в меня тонкими пальцами. Её ладонь была холодной и липкой.

— Они идут за Кредом? Скажите им, пожалуйста, чтобы не делали ему больно. Кред бредит, он сошёл с ума от пота. Он не понимает, что делает.

— Они его не обижают, — уверила я женщину. Перевела взгляд на Эпора и заговорила на его языке: — Она говорит, что он болен.

Эпор кивнул, посмотрел на старушку и заговорил на ксианском с ужасным акцентом.

— Не бойтесь.

Она лишь уставилась на него. Он выпрямился и заговорил на своём языке:

— Айсдра вам сказала? О мёртвых?

Я кивнула.

— Мы продолжили искать и нашли сумасшедшего. Поставил три скамейки перед дверью, трофей, и кричал при любой попытке войти.

Я кивнула и проводила его до двери.

— Нам также нужны припасы.

— В моих седельных сумках есть кавадж. — Айсдра кивнула в сторону вещей. — Пригодился бы котелок.

— Ах, да, — согласился Эпор, и они ушли. — Это будет долгая ночь.

Я вернулась в спальню и нашла старушку у кровати; женщина смотрела на моего пациента. Она подняла голову, в её глазах читалось горе.

— Он умирает.

Я взяла её за руку и повела обратно к креслу.

— Конечно, он болен, конечно.

Она опустилась в кресло, дрожа от изнеможения.

— Но ещё слишком рано...

— Нет, — отрезала она. — Думаете, я не знаю? Когда они лежат вот так и прерывисто дышат, это конец, это....

Она замолкла, задрожала и обняла себя, всхлипывая и трясясь.

— Всё изменилось, — прошептала она. — Всё не так как было раньше.

Она смотрела мимо меня. Бисеринки пота усеивали её лоб. Жиденькие волосы слиплись.

— Все они, все...

Я поправила одеяло.

— Даю слова целителя, он точно ещё не умирает. При правильном уходе, он...

Старуха закрыла глаза, волосы упали на её лицо, пот а, может быть, слёзы потекли по щекам.

— Я целитель, и мы все умрём.

Она закрыла лицо руками и завывала от отчаяния.

* * *

Эпор и Айсдра вернулись уже в темноте.

— Сумасшедшего нигде не видно. Если кто-то ещё есть, то они прячутся.

Эпор сложил кипу одеял у очага.

— Солнце полностью село. Возобновим поиски утром.

Я провела пятернёй по волосам, откинув назад выбившиеся завитки. Эпор и Айсдра разбирались с вещами, а я пока ухаживала за нашими тремя пациентами. За последние несколько часов мы переделали довольно много дел.

Айсдра вошла с ведром воды и глиняным кувшином под мышкой.

— Малышка?

— Спит. — Я взяла у неё воду и поставила к остальным запасам. — Я снова её покормила, так что она должна немного поспать.

Айсдра рассеянно кивнула и подошла к ребёнку, который спал на подушке из одеял. Эпор и я обменялись удивлёнными взглядами, пока Айсдра проверяла малышку, не довольная моей уверенностью. Айсдра улыбнулась ребёнку, её угловатое лицо смягчилось в свете огня.

— Я нашла козье молоко.

Поставив кувшин, Айсдра встала и потянулась в своей обычной манере. Передавая Эпору кавадж, я заметила, как он смотрит на неё, и быстро отвела взгляд.

Айсдра тоже взяла каваджа и устроилась на полу, недалеко от ребёнка. Оружие она пристроила под бок, под рукой. Ребята «совершали набеги» на близлежащие дома и нашли еду, поэтому вместо запасов, которые мы привезли, на ужин у нас были два цыплёнка на вертеле, кипящий на очаге бульон, хлеб и сыр. Воду можно было набрать без проблем из колодца. На заднем дворе лежало множество дров. Постельного белья с одеялами хватало для всех. Эпор даже принёс ещё одну кровать из дома целительницы. Кровать оказалась жутко тесной, но сегодня ночью она сослужит нам хорошую службу. Того мужчину мы так и не смогли словить, поэтому Эпор с Айсдрой решили дежурить всю ночь.

Эпор сел у огня напротив Айсдры, тоже устраивая своё оружие под рукой. Он выглядел уставшим, и, должна признать, я сама измоталась. Эпор потянулся к воде умыться, как я поинтересовалась:

— Ты не кричал остальным, Эпор?

Он посмотрел на меня, вытаращив глаза, а затем рассмеялся.

— Мы говорим «подать сигнал», трофей. Да, я сообщил всем, что всё хорошо.

Эпор поставил пустое ведро между собой и Айсдрой, и налил нам воду, чтобы умыться.

— Кто ответил?

Я постаралась сделать вид, что меня не волнует ответ.

Но от этих двоих ничего не утаишь. Айсдра покосилась на Эпора, но он посмотрел на меня с проницательным взглядом.

— Жоден.

Я ничего не сказала, просто села вместе с ними. Мы умылись, и они стянули маски, чтобы поесть. Я убрала ткань изо рта, и Айсдра сняла цыплят с вертела. Эпор отломил ломоть хлеба и протянул мне.

— Остальные?

— Спят.

Я оглянулась на уснувших.

— Вы уже определили врага?

Айсдра поделила птицу, и часть отдала мне. Себе она взяла куриную ножку.

— Нет.

Я впилась зубами в тёплое мясо.

Старуха чуть не упала без чувств от слабости после признания, что она целительница. Мне удалось отвести её к постели и успокоить настолько, что она уснула. Я хотела бы оставить все вопросы на утро. Она говорила о Потнице, но о таких симптомах я никогда не слышала. Завтра пойду к ней домой: посмотрю, чем она лечила, и возьму все лекарства и ингредиенты, что смогу.

Я решила звать мужчину, которого мы нашли на стене, — Лучником. Он был так глубоко без сознания, что я не смогла заставить его проглотить ни капли жидкости. Мне удалось лишь намазать немного лекарства от лихорадки ему на нёбо, надеясь, что сколько-то попадёт в горло. Он дышал прерывисто, но без кашля, и жар, казалось, спал.

К счастью, младенец пыхала здоровьем. Во время ужина Айсдра то и дело улыбалась спящему ребёнку. Эпор передал мне ещё еды, упрасывая хорошо поесть. Мы молча ужинали, наслаждаясь тишиной момента.

После того, как мы обглодали косточки, Эпор откинулся назад и тихо рыгнул. Айсдра налила себе ещё каваджа. Я выпила горькую жидкость и заговорила:

— Завтра я хочу сходить в дом целительницы, Эпор. У неё есть лекарства, которые мне пригодятся.

— Нам стоит начать разбираться с мёртвыми, иначе нас затопит грязь этого места, — ответил Эпор.

Айсдра сморщила нос.

— Уже. Я увидела достаточно и твёрдо решила: никогда не буду жить в каменной палатке. На каждом углу только грязь и мышиный помёт. — Она махнула рукой для выразительности. — Палатку можно почистить, встряхнуть и свернуть. А как ты сохранишь «дом» в чистоте?

Эпор усмехнулся, но я возразила:

— Айсдра, эти люди болели. Может быть, у них не было сил на уборку.

Айсдра пожала плечами.

— Не надо, трофей.

— Трофей, вы предаёте своих мёртвых земле, да?

Я повернулась к Эпору.

— Да, мы хороним наших мёртвых. А какой у вас обычай?

— Мы отдаём себя обратно элементам, как и всё остальное. Огню, земле или воздуху. Реже всего воде, но и это бывает. Каждый выбирает сам.

— Воздуху?

Я попыталась представить подобные похороны и не смогла.

— Тело поднимается на платформу, покойный голым лежит под небом. Со временем платформа разрушается и падает на землю. Чаще всего её заносит снегом.

Айсдра бросила на меня взгляд, и я постаралась не показать своё отвращение.

— Чище, чем отдать земле. Но если земля — ваш обычай, мы его соблюдём.

— Может, вы и правы, — вежливо ответила я. — Эпор, вы с Айсдрой не сможете похоронить всех в одиночку. Судя из ваших слов, тел слишком много.

— Мы можем начать. Жаль, что мы не можем позволить армии копать за нас. Но у нас нет сообщения на такой случай.

— Мы не можем подвергнуть их опасности.

Эпор пожал плечами.

— Мы сделаем то, что должны. Если найдём большое чистое место, мы сможем использовать огонь и устроить погребальный костёр. Огонь — моё предпочтение. Мы закончим поиски завтра, а затем начнём хоронить мёртвых. — Эпор осушил кружку. — Вы останетесь здесь, с ними?

— Да. — Я тоже допила. — Я буду ухаживать за ними всю ночь и спать в свободную минуту.

— Тогда я дежурю первым. Айсдра...

— Нужно помыться. — Айсдра взяла оружие и встала. — У нас есть колодец и вёдра, я иду купаться.

Эпор тихонько рассмеялся.

— Как скажешь. — Он встал. — Я прослежу... чтобы тебя никто не обидел.

Айсдра ухмыльнулась и почесала пальчиком его бороду под подбородком.

— Как скажешь.

Эпор разыграл обиду:

— Я должен следить за сумасшедшим. Зачем ещё мне за тобой идти?

Я захихикала, даже Айсдра закатила глаза. Она поднялась, напоследок взглянула на младенца и направилась к двери. Но Эпор не двинулся. Я перевела на него любопытный взгляд. Он вздохнул и понизил голос.

— Лара, я хочу попросить твой символ.

Поражённая такими словами, я пошарила в кармане и достала камень. Эпор взял его с мрачной серьёзностью.

— Я озвучу истину, Лара.

— Я выслушаю твою истину, Эпор, и дам на неё ответ.

Он покачал головой.

— Ответ не требуется. Я озвучу правду о наших традициях, просто чтобы ты подумала, хорошо?

Я кивнула.

Он обратил всё внимание на меня, даже взгляда не отвёл.

— Узы — это не лёгкая вещь, Лара. Они требуют много работы, для пары, для поддержания связи. — Я снова кивнула, и он продолжил: — То, что точно нельзя делать, — так это лгать своему избраннику.

Я покраснела от смущения и отвернулась. Открыла рот, чтобы возразить, но Эпор коснулся моего колена и остановил такими словами:

— Мне не ведомы ваши традиции, знаю только, что ксиане образуют связь в раннем возрасте и на всю жизнь. Может быть, это путь вашего народа. Но Кир — равнинник, и для нас, на первом месте связь, наша пара, поняла?

Я кивнула, всё ещё пялясь на свои руки.

— Итак. — Эпор положил камень мне в ладонь. — Я спрашиваю, что ты думаешь о моей истине, Лара. — Он встал и потянулся, пока я судорожно убирала камень. — А теперь я пойду и посторожу Айсдру, хорошо?

Я снова кивнула. Он водрузил маску на место и забрал оружие, не сказав мне больше ни слова. Я подождала, пока он уйдёт, чтобы вытереть глаза. Я правильно сделала, что смолчала. Если бы я сказала Киру о сорока днях, он бы никогда не разрешил мне войти в эту деревню, никогда бы не остановился до самых Равнин. Я стала усиленно тереть некрасивое пятно на своей тунике, стараясь игнорировать тонюсенький голосок в голове, который говорил, что я даже не дала Киру шанса.

* * *

Проверив всех и присев передохнуть, я поняла, что нам нужно больше воды. С пустым ведром в руке я осторожно открыла дверь и проскользнула в главный зал.

В храмах Богини всегда делают небольшие высокие окна, чтобы её свет омывал её обитель. Луна была не полная, но мягкие лучи наполнили комнату серебряным свечением.

Двери на площадь были открыты. Я вышла на улицу и замерла.

Тот же самый серебристый свет освещал площадь, отбрасывая тусклые тени. Эпор сидел на краю колодца с палицей в руке. Под луной его волосы казались ещё ярче золота. Он снова опустил повязку, и я увидела, как сверкнула улыбка на его губах.

Айсдра была полностью обнажена, стройный серебристый силуэт. Её косы сияли в лунном свете. Она окатила себя ледяной водой. Я не могла разобрать, о чём они говорили, но глаза Эпора излучали свет, который не нуждался в объяснении.

Зачарованная этой картиной, я наблюдала, как Эпор встаёт, хватая Айсдру свободной рукой и притягивает к себе. Она ответила со всей страстью: распласталась мокрая на груди Эпора и потянула его голову вниз. Поцелуй вышел долгим, глубоким и...

Я отступила назад и спряталась за дверью от смущения. Меня охватила истома по сильному телу Кира, по вкусу его поцелуев. Я прикусила губу. Сделала шаг вглубь храма, мучимая невыносимым желанием, чтобы там в лунном свете стояли мы с Киром.

Тем не менее, здесь я одна и по собственному выбору. Так велел мой долг, и я сделала правильный выбор.

Эти люди больны, им нужна моя помощь. Я поступила правильно, в этом я не сомневалась.

Знак Богини блеснул на дальней стене — безмятежное лицо Леди, залитое светом. Я обратилась к ней в безмолвной молитве, упрашивая спасти жизнь своих пациентов и жителей этой деревеньки. Легенда гласит, что Богиня, Леди Луны обручена с Богом, Повелителем солнца. Их отношения яростны, полны бурь и грохота грома.

Он был так зол. Так рассердился на меня. Но, в конечном счёте, я поступила правильно. Здесь бушует болезнь, смертельная хворь, и про неё нельзя просто забыть. Мы поможем, кому сможем, похороним тех, кого спасти не смогли, получим нужные сведения, проведём в изоляции необходимый период времени и двинемся в путь. Всё будет как раньше. Кир простит меня. Правда ведь?

Я терзала губу, полная сомнений. То, что раньше казалось такой мелочью, теперь же...

Из другой комнаты раздался шум, и я поспешила к своим пациентам.

* **

— Эти варвары убьют нас во сне.

— Нет.

Я пыталась успокоить старуху, пока вытирала её лицо. Она проснулась в поту, жар и вонь волнами исходили от её тела. Я добавила розовое масло в воду, и, казалось, оно

побороло запах. Слабые глаза больной расширились от страха, и она вцепилась в меня со всем остатком своих сил, пока я омывала её лицо и грудь.

— Можете рассказать, что здесь случилось?

Она прищурилась и посмотрела на меня в замешательстве.

— Кто вы?

Я решила дать самый простой ответ.

— Лара, мастер-целитель, обучена Эльном из города Водопадов.

Неся ещё воды, вошла Айсдра с влажными волосами, но полностью одетая. Старуха напряглась, резко втягивая воздух сквозь зубы.

— Это огненные!

— Да, но она вас не тронет. Она мой друг.

Я попыталась заградить ей обзор своим телом.

— Кто вы? Что здесь произошло?

— Рахиль, целитель, обучена Трэйсом из Озёрного Края, — почти рассеянно ответила мне Рахиль, пытаясь рассмотреть, что делает Айсдра.

— Что здесь произошло, Рахиль? — повторила я вопрос.

Её глаза вернулись к моему лицу.

— Потница, она изменилась. Слишком быстро, слишком быстро!

— Расскажите.

— Три дня назад на главной дороге нашли двух чужестранцев, больных и истощённых.

Три дня назад? Эти люди заболели и умерли за три дня? У меня пересохло в горле.

Рахиль вцепилась в мои руки, не отрывая от меня глаз.

— Нас не предупредили, не было времени действовать. Некоторые уехали в город два дня назад, но всё, что мы смогли сделать, — это закрыть ворота и молиться Богине. Моя вина, я виновата, что они все погибли...

Её голос перешёл на крик, разбудив ребёнка, который тут же заплакал. Айсдра бросилась успокаивать малышку.

Крик младенца, казалось, вывел Рахиль из некоего тумана.

— Чей это ребёнок?

— Мы не знаем. Мы нашли её рядом с умершей матерью.

— Сколько ей?

Я прополоскала тряпку в прохладной воде.

— На вид шесть месяцев.

Рахиль откинулась на подушки и уставилась в потолок невидящим взором. Целительница долго и судорожно вздохнула.

— Детка Миры. Значит Мира мертва. — Её глаза наполнились слезами. — Я помогала ей появиться на свет вот этими самыми руками. Мои дети, все они мои дети. Я так старалась ради них.

Её голос потонул в рыданиях. Я нежно вытерла её слёзы.

— Расскажите мне о болезни, Рахиль. Я должна знать.

— Сначала пот, вода выходит из тела, точно реки текут. Затем сумасшествие, бред, которого я никогда не видела. Душа беснуется и кричит с незрячим взглядом, мучимая безудержным гневом.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, как будто повторяя урок, который заставила себя запомнить.

— Затем глубокий сон, и они больше ни на что не реагируют, ни на боль, ни на шум. Глубокий сон, очень глубокий, пока не остаётся никакой надежды или воли к жизни. А затем... — Она открыла глаза и вцепилась в мою руку. — Они все умерли. Я перепробовала всё, что знала, но они всё равно...

— Ш-ш-ш, теперь всё будет хорошо, — заверила я. — Хорошая миска бульона, сильная доза лекарства от жара, и вы...

— Дура, — выплюнула она. — Обучена Эльном? Ты не слышала, что я сказала? Я перепробовала ВСЁ. Нет ни лекарства, ни лечения, они просто пали замертво. Есть только холод, холод смерти. — Она залилась слезами, всхлипывая так, что казалось, у неё не выдержит сердце. — Я подвела их всех. Моих детей...

Её пальцы слабо вцепились в одеяла.

— Средство от жара...

— Пробовала.

— Бадьян.

— Пробовала.

— Мята.

— И это тоже. — Гнев исказил её лицо, но она слишком ослабла, чтобы злиться. — Идиотка, я перепробовала всё, но лечения нет, нет лекарства. Впереди только хлад смерти, да могила. — Она поднесла руку ко лбу. — Она пришла за мной, смерть, и я приму её. Все мои детки, их детки...

Она начала рыдать, выть от отчаяния.

Айсдра пыталась одновременно кормить и укачивать младенца. В дверном проёме показалась голова Эпора.

— Что случилось?

— Женщина проснулась, и её крики напугали младенца. Она думает, что вы собираетесь съесть её.

Рахиль перестала плакать и уставилась на Эпора с широко раскрытыми глазами. Эпор улыбнулся, обнажая зубы.

— Я бы не стал. Слишком тощая.

Я улыбнулась шутке, и Рахиль захотела узнать, что он сказал. Она смотрела на меня с подозрением, но, казалось, немного расслабилась, особенно, когда Эпор, облокотившись о дверной косяк, стал смотреть, как Айсдра ложится спать у очага и укладывает рядом с собой малышку. В наступившей тишине Рахиль закрыла глаза и что-то прошептала. Я наклонилась к ней.

— Что вы сказали?

Она открыла глаза.

— Свяжи меня.

— Не думаю, что эта лу...

— Свяжи меня, девочка

— Рахиль, вы не опасны.

— Лихорадка добирается и до меня. Свяжите меня сейчас же.

— Что она говорит? — поинтересовался Эпор.

Я объяснила, и он кивнул.

— Даже слабый человек опасен с ножом. Нужно обезопасить себя, трофей.

Рахиль, казалось, почувствовала его отношение.

— Он знает. Целители знают путь боли. То, что лечит, может при необходимости и ранить. Свяжи меня, говорю.

Я закатила глаза и, в конце концов, привязала её запястья к спинке кровати, но только после того, как заставила её выпить немного бульона. Она впала в беспокойный сон. Эпор ушёл на улицу дежурить. Айсдра завернулась в одеяла. Я приготовилась к долгой ночи.

* * *

К рассвету Рахиль не могла подняться с постели. Она лежала молчком, по-прежнему неподвижно, и не отвечала.

Я была истощена и огорчена из-за своей глупости. Нужно было выслушать её, заставить рассказать мне всё, пока она ещё была в сознании и разговаривала. Я вняла её предупреждениям, но всё равно не верила, что болезнь может убить так быстро.

Я встала на колени. Эпор спал, завёрнутый в одеяла, которые для него оставила Айсдра. Они дежурили всю ночь. Коснулась плеча Эпора, и он распахнул глаза. Спросонья понял, что это я, и тут же сел.

— Трофей?

— Нужно сходить к дому целительницы, Эпор. Мне нужно увидеть, что она пыталась сделать, прежде чем вы принесли её сюда.

Эпор посмотрел на кровать.

— Мужчина?

— Мёртв.

Я не хотела смотреть на тело. Я закрыла его лицо и, свою неудачу, одеялом. Эпор встал и собрал оружие. Его глаза уставились в угол, где отдыхала малышка.

— По крайней мере, она хотя бы не болеет? — хрипло спросил он.

— До сих пор.

Эпор пошёл вперёд, и я последовала за ним в главный зал. Айсдра сидела у самой двери на одной из скамеек так, чтобы видеть всю площадь. Мы подошли к ней, но Айсдра ничего не сказала, просто подняла бровь.

— Небольшая разведка, — мягко сказал Эпор, затягивая повязку. — Ничего?

— Всё тихо. — Айсдра встала. — Остальные?

— С малышкой всё в порядке. Женщина по-прежнему жива. Мужчина мёртв.

Я не хотела обсуждать детали. К счастью, Айсдру удовлетворил мой ответ.

— Мы вернёмся и закончим поиски. — Эпор оглядел площадь, которая становилась всё светлей. — Сумасшедшего не было видно?

— Нет.

— Подогреешь нам немного каваджа, а? Скоро будем.

Айсдра улыбнулась ему и кивнула.

— Я посижу с малышкой.

Эпор подошёл к двери, и я встала рядом с ним. Свет становился всё ярче, но стены дома отбрасывали глубокие тени по краям. Эпор положил руку мне на плечо.

— Никуда от меня не уходи и делай всё, что я говорю. Если я скажу бежать, ты вернёшься сюда, поняла?

— Поняла.

Он стал обходить площадь в довольно быстром темпе, оставаясь в тени, то и дело останавливаясь каждые несколько шагов и прислушиваясь. Я тоже хотела остановиться, но моё сердце билось так быстро, что я бы не услышала приближение армии. Меня пугала мысль, что Эпор считал такие меры необходимыми.

Клиника целительницы находилась на площади, в маленьком переулке. Эпор вошёл первым, призывая меня остановиться и вжаться в стену рядом с дверью. Это было небольшое жилище в две комнаты и мансардой, как во вчерашнем доме. Эпор быстро вернулся и жестом пригласил меня пройти в дальнюю комнату.

— Вот здесь, трофей. На верхнем этаже только кровати с мертвецами.

Это была её кладовая, полная знакомых ароматов и приторного запаха смерти. В комнате царил беспорядок, как если бы ею пользовались в спешке. На огне в котлах стояли горшки с лекарством от жара. Я нашла бадьян и мяту на столе. Целительница пробовала их, как и сказала.

Эпор стоял в дверях, переводя взгляд с меня на другую комнату и входную дверь. Он не скрывал своего нетерпения, но меня не торопил.

Старые школы целительства учили, что лучшие рецепты и открытия нужно приберегать для себя, называя их секретами торговли. Эльн придерживался другого подхода, уча нас, что все знания должны быть общими, чтобы мы стали лучшими целителями. Если Рахиль из старой школы, то где-то прячет свои заметки и рецепты. Оставалось лишь надеяться, что она не подошла к этому вопросу слишком усердно.

Пришлось немного поковыряться, но я нашла пачку записок в банке на верхней полке. Я положила их в сумку. Если повезло, она сделала несколько заметок об этой эпидемии.

Эпор откашлялся.

— Трофей...

— Последний момент, — я подошла к нему, — я хочу видеть тела наверху.

— Только быстро.

Я взлетела вверх по лестнице так быстро, как только смогла. Здесь было теплее, поэтому и воняло гораздо сильнее. Я была рада имбирной ткани в носу и во рту, но даже это не смогло отбить запах. Я подошла к ближайшей кровати и откинула одеяло. Никаких видимых ран на теле. Мужчина лежал на спине, как будто спал. В чашах и кувшинах на столе между кроватями лежало лекарство от жара и бадьян. Я посмотрела на другого мужчину и замерла: отчего-то мне показалось, что я видела его раньше. Я изучила его лицо, но смерть оставила на нём свой отпечаток, и я не была уверена где, если только...

— Трофей.

Я вернула одеяло на место и собралась уйти, как моё внимание привлекла груда одежды. Я быстро подняла верхний наряд и порылась в куче. Это были жреческие одеяния, которые носили жрецы Бога солнца. Что они здесь делали?

— Трофей.

На этот раз Эпор уже стоял у края лестницы, медлить было нельзя. Я повернулась уйти и сделала шаг, как позади меня раздался шум.

Под кроватью.

Я замерла, затаив дыхание. Внизу хмурился Эпор.

— Лара, мы должны...

— Кажется...

Я обернулась посмотреть, но была слишком медлительна. Из-под кровати выскочил мужчина и врезался в меня, отбросив в сторону. Я упала на пол, а мужчина с рычанием кинулся на Эпора.

— Эпор! — крикнула я, пытаюсь встать. Раздались звуки ожесточённой борьбы. Больной хрипел и выл. Я поспешила вниз и увидела, что они борются на полу.

— Эпор, не причиняй ему вреда!

Эпор бросил на меня недовольный взгляд, пытаюсь удержать мужчину. Тот яростно сопротивлялся, пуская в ход кулаки и зубы, лишь бы освободиться. Эпор пригвоздил его к полу, как вдруг мужчина вытянул шею и укусил Эпора в руку.

Эпор выплюнул проклятие. Мужчина освободился, поднялся на ноги и убежал в кладовую. Эпор бросился за ним. Я вздрогнула, услышав звуки разбиваемой посуды.

К тому времени как я добралась до двери, Эпор уже скрутил больного.

— Найди верёвку.

— Верёвку?

Я дико осмотрелась по сторонам.

Мужчина пытался подняться и сбросить с себя Эпора. Эпор тяжело дышал на пределе сил.

— Хоть что-нибудь!

Я потянулась за стопкой ткани и вручила ему бинты. Эпор пробормотал что-то себе под нос, повалил соперника и ударил в челюсть. Мужчина рухнул и застонал.

— Эпор.

— Прости. — Но в его глазах сверкнули огоньки, что он ни капельки не сожалел. — Он может быть и болен, Лара, но силен. Мне повезло, что он не воин.

Сжимая зубы, Эпор перекинул мужчину через плечо.

— Давай привяжем его к кровати, пока он не проснулся.

Пока мы пересекали площадь, из-за стены раздалась трель. Даже я поняла, что Жоден интересуется как мы. Эпор наклонил голову и что-то проворковал: наверное, уверение, что с нами всё в порядке. Он посмотрел на меня с вопросом в глазах, и я поняла, что должна принять решение.

— Скажи им отправить сообщение, что это Потница.

Даже когда он повысил голос, я молила, что сделала правильный выбор.

Мы без проблем связали больного: мужчина всё ещё был без сознания после удара Эпора. Укус оставил небольшой след руке, но я настояла на том, чтобы промыть и перевязать рану. Айсдра озвучила несколько ехидных замечаний о разнице между помощью и причинением вреда. Эпор отстаивал свою невиновность, интересуясь, заботится хоть кто-нибудь о его благополучии. Они немного поругались, пока уносили тело лучника.

Новый пациент всё ещё потел и вонял. В первый раз я задумалась, не дать ли пациенту снотворного. Если он уснёт от лотоса, возможно, я смогу напоить его и восполнить жидкость, которую он потерял. Нарушение баланса стихий в теле, как мне когда-то сказал Кир. Я покраснела при этом воспоминании. Но лотос также может вызвать очень глубокий сон, чего я пыталась избежать.

Уйдя в глубокие раздумья, я проверила Рахиль. Она по-прежнему ни на что не реагировала, но мне удалось заставить её проглотить бульон. Немного, но хоть что-то. Теща себя этой слабой надеждой, я вернулась обратно к мужчине. Может быть, небольшая доза поможет и ему.

Эпор и Айсдра вернулись. Без всяких сомнений, они помылись перед приходом.

Айсдра покачала головой.

— Он всё ещё без сознания?

— Да. — Они начали усаживаться у костра, и я нахмурилась. — Разве вы не собираетесь закончить с поисками?

— Я не хочу оставлять вас одну, — ответил Эпор.

— По словам Эпора, он может очнуться и разорвать верёвки, — пояснила Айсдра. — Лучше нам остаться.

— Нет, нам нужно завершить поиски. — Я пошарила в сумке в поисках лотоса. — Я закричу, если он попытается освободиться.

Эпор пожал плечами.

— Я слишком устал, чтобы пререкаться с тобой, Лара. Постараемся вернуться так быстро, как только сможем.

Айсдра встала.

— Раздобудем нам завтрак.

Я подняла глаза с виноватым взглядом, и Эпор рассмеялся.

— Видишь? Трофей даже не заботит мой пустой живот.

— Я не подумала, что...

— Не дай ему тебя дразнить, Лара. — Айсдра закатила глаза. — Как будто у него нет мешочка гарта на поясе?

— Распределяй еду трофей, я бы умер с голоду! — Эпор пошёл к выходу. — Одни только кожа да кости, представь?

Айсдра что-то ответила, но я не услышала что, но Эпор взорвался от хохота. Его смех вызвал у меня улыбку. Но она исчезла, стоило мне вернуться к своим пациентам.

* * *

Лотос помог, но не так сильно, как я надеялась. В конце концов, мужчина проснулся, но сознания не обрёл, продолжив кричать и плакать, как сумашедший. Он повоевал с путами, пока кожа на запястьях не натёрлась от усилий. Я не смогла дать ему ни лекарства, ни воды, потому что он всё выплёвывал. Я говорила с ним, пока не охрипла, но он только проклинал меня на чём свет стоит от страха и гнева, но по большей части его крики были совершенно непонятны.

Эпор и Айсдра вернулись с худшим. С ними никого не было, и по их лицам я поняла ужасную правду. Рахиль, малышка и этот мужчина были единственными, кто остался в некогда процветающей деревне. Я вернулась обратно к своей работе, но у меня слёзы наворачивались на глаза.

В течение нескольких часов мы работали вместе в тесной комнатке, пытаясь разбудить Рахиль и сбить жар у человека, которого она назвала Кредом. Несмотря на наши усилия, их жизни утекали сквозь мои пальцы, словно песок. Кред впал в апатию почти в то же время, как Рахиль испустила последний тихий вздох. Я натянула одеяло на её лицо и опустилась на пятки у постели. Всё её знание сгнуло, все эти люди сгнули. Я рискнула жизнью ради ничего. Усталая, я подняла руки, чтобы помассировать ноющие виски, прекрасно понимая, что подвела всех этих людей.

Именно в этот момент малышка заплакала, снова чем-то недовольная. Айсдра в один миг оказалась подле неё, но Эпор нахмурился.

— Ты что ли не можешь её заткнуть?

Раздражение в его голосе задело нас обеих, и мы перевели на него удивлённые взгляды, но Эпор уже поднял руку в извинении.

— Простите. Наверное, усталость сказывается.

Айсдра приняла его извинения и принялась утешать малышку. Но я лишь пристальнее взгляделась в лицо Эпора. На переносице засела складочка, шея стала какой-то негнущейся.

— Эпор?

Он выпрямился с пустыми вёдрами в руках и одарил меня слабой улыбкой. Я сделала шаг к нему и увидела пот на лбу.

Богиня, нет...

Глава 6

— Значит, я буду первым равнинником, который узрит этого врага.

Эпор неторопливо положил палицу на кровать. Затем начал возиться с пряжками на броне, но руки сильно тряслись. Айсдра подошла к Эпору и стала помогать. Он уже сильно потел, и я увидела страдание в его глазах, вызванное головной болью. Я постаралась как можно быстрее отмерить дозу лотоса. Айсдра с мрачным видом развязала все пряжки и помогла снять тяжёлую кожу. Эпор пальцем приподнял её подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

— Ты боишься.

Айсдра склонила голову набок.

— Я ничего не боюсь.

— Ты боишься, Айсдра, — мягко, но настойчиво произнёс Эпор.

Айсдра остановилась и взглянула на него.

— Я Айсдра из рода Лисиц, воительница Равнин, и я ничего не боюсь.

Эпор положил руки ей на бёдра и притянул к себе.

— Но ты боишься.

Айсдра вздохнула и замерла.

— Эпор...

Он нежно провёл пальцем по её нижней губе. Это был личный момент, но я не могла отвести взгляд. Наконец Айсдра медленно выдохнула.

— Я боюсь, — призналась она.

Эпор кивнул и устало сел на кровать.

— Неужели это было так трудно признать? — спокойно взглянул на неё Эпор. — Настоящий воин ведь смотрит своим страхам в лицо?

Айсдра зарычала. Эпор усадил её рядом и положил голову ей на грудь.

— Я смогу победить этого врага, и Жоден сложит песню в мою славу.

— Постарайся уж. Иначе Жоден споёт про наши смерти, что безмерно порадует Ифтена и навредит нашим племенам и военачальнику.

— Как так? — спросила я.

Айсдра колебалась лишь мгновение.

— Мы связаны, а это ценно среди племён. Мы говорили об этом раньше. Позор Киру, если он потеряет нас не в достойном бою.

— Правда. — Эпор свесил голову, как будто собираясь с силами, а затем посмотрел на Айсдру. — Но всё будет хорошо, огонь моего сердца.

— Заткнись и помоги мне тебя раздеть, — отрезала Айсдра.

Эпор усмехнулся.

— Эй, Лара. Хочешь услышать историю о силе моей избранницы?

Айсдра зарделась и опустилась на колени у его ног, чтобы расшнуровать сапоги.

От любопытства я даже оторвалась от приготовления лекарства.

— Расскажи, Эпор.

— Ну, в общем, она сказала мне, что мы связаны. Будучи мудрым человеком я согласился на её требования, не желая столкнуться с её гневом.

Эпор схватил низ туники, но не смог снять. Айсдра встала помочь ему.

— В общем, в день установления уз Айсдра села первой, чтобы ей вплели спираль в ухо. Собрались все, а моя Айсдра сидела, такая красивая и непоколебимая, не издавая ни звука.

Голос Эпора смолк, когда Айсдра потянула тунику через его голову. Ткань заглушила слова.

— Было больно, Эпор? Вплетать? — спросила я, размешивая лотос в воде.

— Прокалывать больно, потому что ухо сразу не заживает. Но после того как сделают прокол, всё не так уж и плохо. Но моя Айсдра не дрогнула и не заплакала, потому что она воительница Равнин, сильная, выносливая и гордая.

Айсдра опустилась на колени, чтобы всё-таки снять сапоги.

— Я хотела показать, что достойна тебя.

— И я никогда не забывал об этом.

Эпор сделал глубокий вдох, и я внимательно его осмотрела. Он страдал, я видела это. Я протянула ему чашу. Он взял её и быстро выпил, слегка морща нос от вкуса.

— А затем пришёл мой черёд, — продолжил он рассказ. — Я сидел перед ткачом, и при первом же прикосновении иглы... — он выдержал драматическую паузу, — заплакал, как ребёнок.

Я рассмеялась, представив эту картину.

— Правда?

— Ах, да, — Айсдра откинулась на пятки, — Он вынес ритуал, рыдая и стenea, сказав, что связь со мной стоит любой боли, любых страданий. Он довёл ткача, наблюдателей и свидетелей до слёз от смеха.

— Как же я могу высмеивать остальных, если не могу посмеяться над собой? — хрипло спросил Эпор.

— Я никому не позволю тебя высмеивать, мой храбрый воин, — голос Айсдры дрогнул, когда она встала, закончив раздевать Эпора. Его силы таяли прямо на глазах. Никогда раньше пациент не слабел так заметно, так быстро. Капли пота собрались на его лице. Я потеряла остальных, но его я не потеряю.

Айсдра сложила одежду в стороне, пока я помогла Эпору лечь на кровать. Айсдра хотела положить оружие ему под бок, но Эпор её остановил.

— Нет.

Она в изумлении уставилась на него, затем на меня. Я покачала головой.

— А вдруг он забредит...

Она резко кивнула и положила оружие — всё, в дальнем углу, у очага. Палицу она поставила последней, как если бы она охраняла остальных.

— Свяжи меня, — низко и хрипло произнёс Эпор.

— Я смогу...

— Нет. Не рискуй с этим врагом. Убери своё оружие, Айсдра. Ибо я опасный и умный противник.

Айсдра кивнула, не в силах ответить. У меня самой перехватило дыхание, пока мы привязывали его запястья к кровати, вниз по швам. Он настоял, чтобы мы связали и ноги. Только проверив силу пут, Эпор расслабился и закрыл глаза. Мы накрыли его одеялом.

Айсдра отошла убрать своё оружие, как было сказано. Я взяла необходимые флаконы и перетащила два ведра с водой поближе к кровати. Отжала тряпку и начала вытирать его лицо и грудь. Айсдра сделала тоже самое. Мы помолчали несколько мгновений, как вдруг Эпор резко открыл глаза. Взгляд был расплывчатый и отуманенный, а значит лотос начал действовать. Эпор сосредоточил внимание на Айсдре и улыбнулся.

— Ты моя суженая, огонь моего сердца, и я всецело твой, до самых снегов и дальше.

— Не говори о снегах, — прошептала Айсдра, вытирая его грудь.

— Пообещай мне... — Эпор откашлялся. — Пообещай мне оставаться рядом с трофеем так долго, как только она будет нуждаться в тебе.

Айсдра отвела глаза, встретилась со мной взглядом и уставилась на пол.

— Нет.

Эпор слегка потянул путы, и Айсдра бросилась накрыть его ладонь своей ладонью.

— Обещай мне.

Она наклонилась к нему и поднесла губы к самому уху.

— Борись, Эпор.

— Хорошо. — Он подарил ей слабую улыбку, тень былой усмешки. — Но ты должна обещать.

Айсдра закрыла глаза. Долгое время тишину нарушало лишь дыхание Эпора. А затем Айсдра распахнула свои серые глаза и медленно кивнула.

— Я обещаю.

Я должна была послушать старую целительницу, должна была внять её предупреждениям. Она была права. Болезнь течёт слишком быстро. Слишком быстро, чтобы лекарства подействовали. Слишком быстро, чтобы сбить жар. Слишком быстро, чтобы привести в баланс жизненные начала и восполнить жидкости.

Сначала всё было хорошо. Лотос, казалось, успокоил его. Но Потница — коварный враг, и так же быстро, как мы сбили жар, она снова вернулась опалять его кожу. Мы старались изо всех сил, меняли постельные принадлежности, использовали пресную воду и розовое масло, чтобы вытереть пот. Сначала Эпор отвечал нам обеим, послушно глотая лекарства. Но жар становился всё сильнее, и теперь Эпор открывал глаза только на голос Айсдры, но из взгляда исчезло понимание. Но со временем он перестал реагировать, и даже Айсдра больше не могла разбудить его.

Но худшее ждало нас впереди.

— Где Айсдра? — пробормотал Эпор, тяня путы.

Айсдра склонилась над ним.

— Я здесь, Эпор. — Он еле-еле приоткрыл глаза, но не увидел Айсдры. — Где моя избранница? Почему её здесь нет?

Айсдра втянула воздух, но я вышла вперёд ответить:

— Она прямо перед тобой, Эпор.

— Нет, нет, она ушла, моя суженая бросила меня, — Эпор начал яростно биться в путах, сотрясая кровать. — Куда она пропала?

Айсдра молчала, побелев и дрожа. Я тронула её руку.

— Это жар, Айсдра. Он бредит.

— Но у него открыты глаза... — посмотрела она на меня с сомнением.

— Он не видит. — Я потянулась за водой и тряпками.— Продолжай говорить с ним, Айсдра.

Она дёрнула головой в согласии, но боль не покидала её глаз. Мы всё время разговаривали, пытаясь убедить Эпора, что Айсдра рядом, что она никогда не покинет его. Но он не мог успокоиться. Он распалился, требуя, чтобы мы освободили его и он смог отправиться на поиски Айсдры. Боль в его голосе разбивала наши сердца.

Что ещё хуже, потом он впал в оцепенение, так и не поняв, что она рядом. Айсдра сдерживала слёзы, пока Эпор не уснул и не проснулся. Тем не менее, мы пытались влить в него жидкости, но без успеха. В итоге мы просто сидели в тишине, держа его за руку. Каждое дыхательное движение стало болезненным скрежетом, каждый вдох — победой, выдох — страхом.

В конце концов, Эпор открыл глаза в последний раз. Айсдра наклонилась погладить его голову. Он сосредоточился на её лице, одарил слабой улыбкой, закрыл глаза и выдохнул. Стук его сердца под моими пальцами остановился, дыхание оборвалось...

Айсдра уставилась на меня, медленно осознавая произошедшее, пока лицо не исказилось от боли, а глаза закрылись.

Я упала на пятки, ослабев от гнева и страха. Пот струился по моему лбу, в висках пульсировала боль. Что могло убить здорового человека за несколько часов? Что я сделала не так?

— Эпор, — с надломом произнесла Айсдра.

Словно зачарованная, я смотрела, как она взяла его за правую ладонь в ожидании отклика. Но ответа просто не могло быть, и она потянулась к его левой руке.

— Эпор, Барсук.

— Айсдра, он...

Я осеклась, так как она кивнула и встала взять его за левую ступню. Она снова назвала его по имени. Слёзы катились по её лицу. Тишина звенела. Айсдра схватила Эпора за правую лодыжку и глубоко втянула в себя воздух. Вздых оборвался всхлипом.

— Эпор, отрада моя, любимый, пожалуйста.

Мой плач стал её единственным ответом.

Она упала на колени, голова рухнула на грудь, и долго-долго молчала. Когда она наконец подняла голову, её лицо испещряли дорожки слёз. Айсдра поднялась с усилием, подошла к оружию и достала свой кинжал, острый и яркий. Она вернулась освободить

Эпора от пут, от бранных оков. Покончив с этим, она опустилась на колени у изголовья. Погладила его волосы и прижала губы к уху.

— Увидимся за снегами, огонь моего сердца.

Она откинулась на пятки и повернула ко мне заплаканное лицо. Я предложила платок, но она отказалась.

— Пусть их заберёт ветер, трофей.

Я вытерла платком свои слёзы, пытаюсь собраться с духом, а затем стала тереть ткань.

Возможно, мы могли сидеть так часами, утонув в своей скорби, но малышка заплакала и стала сучить ножками. Айсдра машинально подняла голову и встала проверить ребёнка. Я вспомнила про другого своего пациента и повернулась к кровати, только чтобы найти его бездыханное тело, забытое и оставленное без ухода. Я накрыла одеялом его лицо. Вина вызвала ещё больше слёз. Я ни разу не взглянула на него, после того как заболел Эпор. Какой из меня целитель! Все мои пациенты умерли на моих руках. Вся деревня мертва. Я опустила ноющую голову на ладони и зарыдала из-за потерь и моей глупости.

Я слышала, как Айсдра укачивает малышку, даже сквозь слёзы. Её низкий голос успокаивал, и мне удалось взять себя в руки. Голова болела слишком сильно, чтобы думать об ужасе последних часов. Но, в конце концов, я почувствовала прохладные пальцы на своей шее и позволила Айсдре отнести меня к очагу. Она опустила меня в кресло и вытерла лицо прохладной тканью. Дав мне напиток, она села на пятки и окинула серьёзным взглядом.

— Малышка? — прохрипела я.

— Здорова.

Айсдра продолжила молча меня изучать.

Я скользнула взглядом по телам на кроватях. Я чувствовала себя такой беспомощной. Сил не осталось, чтобы двигаться дальше. Я опустилась в кресло и закрыла глаза в отчаянии.

— Враг добрался до тебя, Лара.

Потребовалось немало времени, чтобы слова Айсдры дошли до моего сознания, и ещё больше, чтобы открыть глаза и признать правду. Я в онемении уставилась на Айсдру. Она вытерла моё лицо влажной тканью. Я пощупала лоб.

— Я больна?

Она кивнула. Во взгляде читалось смирение. Значит больна.

Я глубоко вдохнула и выпрямилась в кресле.

— Ты здорова? А малышка?

— Да.

— Забирай ребёнка и уходи. Омойтесь в уксусе. Держись подальше от остальных в течение сорока дней, Айсдра. Сорок дней. Если ты и малышка за это время не заболеете, то сможете безопасно вернуться к остальным после этого срока. Ты поняла?

Она склонила голову набок.

— А ты, Лара?

Я втянула воздух через нос и рукавом вытерла глаза.

— Ты уйдёшь и подожжёшь деревню. Так ты позаботишься о мёртвых, Айсдра. Сорок дней, поняла?

Она смотрела на меня, не повторяя вопроса, на который я не дала ответа.

Я рыдала. Боль в голове усиливалась.

— Айсдра, я прошу о милосердии. Убей меня.

— Это не твой путь, Лара.

Она нахмурилась, явно не принимая мою просьбу.

— Я поставлю под угрозу тебя, малышку или остальных. Даруй мне милость, Айсдра, сожги деревню и уходи. — Я набрала в грудь воздуха: — Я приказываю. Как военный трофей я прика...

Айсдра встала.

— Я сделаю то, что должна, трофей.

Она помогла мне встать. В голове начало стучать, и я уже больше не могла думать. Я с благодарностью опёрлась об Айсдру. Ноги еле волочились от боли.

Айсдра вывела меня на площадь и усадила у колодца. Камень приятно охлаждал спину. Я зажмурилась от солнечного света. Айсдра опустила на колени рядом со мной и убрала влажные волосы с моего лица.

— Ты должна быть уверена в своём решении, Лара.

— Айсдра, даруй мне милосердие. Убей меня, заberi младенца и беги. Но обещай мне, — я вцепилась в её руку, — Обещай мне, что не подойдёшь к людям. Сбереги Кира ради меня, Айсдра. Пожалуйста?

— Итак. — Она расправила плечи, как будто с облегчением, благодарная, что ей дали задачу. — Скоро ты сойдёшь с ума от лихорадки. Я привяжу тебя здесь, чтобы ты не ушла.

Она крепко обхватила мои запястья, и я стала наблюдать, как она на совесть связывает их бинтом. Как только дела было сделано, она подняла мои запястья к лебёдке и закрепила на толстой деревянной рукоятке. Я закрыла глаза, держа руки как можно выше, чтобы облегчить ей задачу.

Она снова опустилась на колени передо мной.

— Я должна подготовить деревню, Лара, а затем выполнить то, что должна. Понимаешь?

Я прикусила губу.

— Обещаешь?

Она кивнула.

— Я держу свои клятвы.

Я закрыла глаза и откинула голову на камни, слушая, как удаляются её шаги. Теперь тишину нарушало лишь моё прерывистое дыхание. Даже жаворонки не пели. Но в голове я слышала слова литании, молитвы за умирающих и мёртвых. Она раздавалась в ушах, как если бы я слышала, как слова эхом раздаются в храме во время заупокойной службы по моему отцу...

Милостивая Богиня, Леди Луны и Звёзд, будь со мной в час моей смерти...

Ох, я умру и никогда не увижу снова своего Кира, никогда не попрошу у него прощения и не испытаю единения наших тел. Слёзы навернулись на глаза. Я плакала от своей потери, потери своей любви, что могло бы произойти между нами, если бы он не разозлился, так разозлился...

Милостивая Богиня, Леди Луна и Звёзд, Всепрощающая, забудь мои обиды и пороки...

Я совершила так много ошибок. Гордыня заставила меня возомнить, что я смогу справиться с этой болезнью и вылечить этих людей, а теперь они мертвы, и всё по моей вине, по моей вине. Ох! Прости моё высокомерие и...

Раздался звук. Я открыла мутные глаза и увидела, что Айдсра ставит подле меня огромную корзину. Внутри, завернутая в дополнительные одеяла, спала малышка в обнимку с чашкой для кормления. Такая прекрасная девочка, чьё имя теперь утеряно, только потому что я не хотела признать, что могу потерпеть поражение. Я вытерла слёзы об рукав и уронила голову.

Милостивая Богиня, Леди Луна и Звёзд, Всепрощающая, узри моё покаяние...

... ибо я глубоко пожалела о своих ошибках. Не позволяй остальным страдать из-за моих действий, пожалуйста, спаси Маркуса и Кира, о, мой Кир, и Озара с Анной, спаси, и дражайшая Богиня, пожалуйста... мой народ и его народ... спаси...

Стук сердца становился всё хуже, моя одежда насквозь промокла от пота, но я всё равно горела. Я закрыла глаза, казалось на часы, но когда открыла их, то увидела, как Айдсра ходит из дома в дом, распахивая двери и разливая горячую жидкость.

Милостивая Богиня, Леди Луна и Звёзд, Сострадательная, приклони ухо Своё к молитве моей...

И Она пришла, ибо я увидела в сгущающихся сумерках первые мерцающие звёзды над горами. Но я не смогла удержать глаза открытыми, чтобы увидеть её дар, потому что пот застилал глаза и жёг. Я попыталась вытереть их о рукав, но на ткани не было и сухого клочочка.

Милостивая Богиня, Леди Луна и Звёзд, Блаженная, отведи меня в сад Свой и позволь познать успокоение.

Я понимала, что с успокоением возникнут сложности. Моя смерть создаст такие проблемы для Озара и королевства. Двоюродные братья попытаются претендовать на трон, и все пострадают. Но я не смогла найти в себе силы для волнения. Я буду в саду Богини с отцом, и мы будем жить там вместе в покое. И Кир, мой Кир, будет в безопасности, дикий и свободный на своих Равнинах. Я улыбнулась, представив, как он скачет под солнцем на своём чёрном коне, дикий, свободный и невредимый. О, Богиня, пожалуйста, пусть у него всё будет хорошо.

В какой-то момент я отключилась и, проснувшись, увидела, как Айсдра кладёт тело Эпора на погребальный костёр, который он соорудила из стола. Она положила его рядом с колодцем, на видное место. Пригладила его волосы и, похоже, что-то сказала, но я не была уверена до конца. Я разглядела лишь палицу Эпора у неё за спиной. У меня перехватило дыхание.

Наконец она подошла ко мне и встала на колени, чтобы предложить воды и вытереть лицо. Она тоже сделала большой глоток.

— Почти готово, Лара.

Она встала и, казалось, огляделась с удовлетворением.

— Достойные похороны для моего Эпора. — Она опустила взгляд. — Мне остаётся только зажечь костры, Лара. Будь готова.

— Ты... ты потеешь.

Страх клокотал в моей груди.

— От физического усилия, не более того.

Милостивая Богиня, Леди Луна и Звёзд, Блаженная, прими мою душу.

Я закрыла глаза, готовая к концу. Все мои родные и друзья будут невредимы, и Кир, мой возлюбленный Кир, тоже будет в безопасности. Слёзы текли по щекам. Я больше не могла сдерживать рыдания. Он был так зол...

Айсдра возвышалась передо мной, серебристая фигура в лунном свете. Стало темнее, и я не могла различить её лица. Но я видела смоляные факелы в её руке, и она стояла надо мной, освящаемая пламенем. А затем она побежала, и пламя оставило за собой след из

света и искр. Она бежала, бросая факелы в дома, и они один за другим становились жертвами огня. Языки пламени танцевали где-то по бокам.

Пот застилал мне глаза, но я изо всех сил старалась держать их открытыми. Айсдра стояла у погребального костра Эпора. Она откинула голову, и из её груди вырвался вопль, возможно, крик ястреба, а, может, это была песнь её скорби.

Айсдра бросила факел...

Костёр взорвался светом, и дым воскурился к небу, источая ароматы трав, которые она, должно быть, нашла в доме целительницы. Я закашлялась, когда дым до меня добрался, и закрыла глаза. Почти кончено. В безопасности, они в безопасности.

Милостивая Богиня, Леди Луна и Звёзд, Блаженная, прими мою душу.

— Трофей.

Я нашла в себе силы открыть глаза и увидела Айсдру на коленях рядом со мной. В её руке блестел кинжал Эпора. Мой взгляд не отрывался от ярких бликов, танцующих на лезвии.

— Я готова, Айсдра.

Она грустно улыбнулась и кивнула. Я закрыла глаза, почувствовав её ладонь на моей руке, и запрокинула голову, чтобы обнажить шею.

Милостивая Богиня, Леди Луна и Звёзд, Блаже...

Глава 7

Только вот у Айсдры были другие планы.

Лезвие скользнуло по бинтам, привязавшим меня к лебёдке. Айсдра перебросила меня через плечо и подхватила корзину с младенцем, прежде чем я поняла, что происходит.

Языки пламени танцевали вокруг нас, трещали сухие дрова, в небо прыгали искры. Дым наполнял воздух. Я задыхалась от дыма и осознания того, что я всё ещё жива, когда Айсдра развернулась на пятках и побежала к главным воротам.

— Айсдра, НЕТ! — закричала я, сопротивляясь изо всех сил, ударяя её по спине связанными руками.

Она не понимает всех рисков, она должна остановиться.

Айсдра лишь хмыкнула, но не сбавила темп.

Ворота, должно быть, были открыты, и она с лёгкостью вынесла меня за пределы деревни. Свет пламени сменила прохладная бархатистая тьма. Глаза не сразу привыкли к темноте, но мне и не надо было смотреть.

Там был Кир.

Сквозь размытое зрение я различала лишь землю и ноги Айсдры, но я чувствовала, что Кир там, ожидает за воротами. Я заморгала сквозь пот, когда он снял меня с плеча Айсдры и заключил в свои объятия. На счастливый момент я порадовалась теплу его тела и силе его рук. Радость наполнила меня при виде его лица, но лишь на короткое мгновение. А затем грянул ужас.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

Кир ничего не ответил, просто посмотрел на меня. Станный свет мерцал на его каменном лице.

— О, нет, нет, Кир, любимый, зачем?

Боль в моём сердце не имела никакого отношения к тому жару, что терзал мою плоть.

Свет шёл от факелов, которые держал Маркус, по одному в каждой руке. Айсдра поставила корзину на землю и бросила сухую траву к воротам. Кир отошёл на несколько шагов, а Маркус начал поджигать трут.

Малышка забеспокоилась, и Айсдра посмотрела на неё прежде, чем взяла второй факел у Маркуса и подожгла ещё больше травы, которую побросали по бокам от ворот. Даже в воспалённом состоянии я смогла различить, что трут был разложен вдоль всех стен.

Я отчаянно сопротивлялась в объятиях Кира, но он лишь крепче меня сжал. Его сильные руки не сдвинулись. Мне просто не хватало сил его побороть.

— Нет, Кир, не делай этого. — Я попытался оттолкнуть его. — Я хотела, чтобы вы были в безопасности, пожалуйста, пожалуйста...

— Ш-ш-ш. — Его голос был нежным, но твёрдым.

Он положил мою голову под свой подбородок. Я рухнула на его грудь, мгновение радуясь уюту. Но чувство вины и злость заставили меня возобновить борьбу. Он не понимал опасности, не знал, что делает.

— Ш-ш-ш, — тепло и твёрдо прошептал он мне на ухо. Его объятие не давало мне шевельнуться. — Береги силы, Лара. Сражайся с врагом, а не со мной.

Я обругала его, используя каждую фразу и слово, которое смогла только придумать.

— Что она говорит? — Вопрос Маркуса заставил меня осознать, что я кричала на ксианском. Я обвисла, все силы ушли просто на попытку дышать. Жар костра, Кира, нет, моего собственного тела стал сильнее. Я горела. Я положила голову обратно на грудь Кира, обессилив даже для слёз.

— Она злится, — сухо ответил Кир. — Айсдра, отчитайся.

Они продолжили говорить всю обратную дорогу. У меня не было сил вслушиваться. Все в деревне умерли, и теперь Кир приговорил к гибели себя и Маркуса.

Голос Айсдры раздавался то громче, то тише. Я чувствовала, как напряжены мышцы Кира, пока он сжимал меня в своих объятиях, преодолевая расстояние длинным шагом. Запах его кожи успокоил головную боль. Его голос отдался в ушах, когда он задал Айсдре вопрос, но я не смогла достаточно сосредоточиться, чтобы понять, о чём они говорят. Просто не хотела слышать пересказ событий и смертей. Я держала глаза закрытыми, чтобы не видеть лицо Кира, когда он узнал о моём провале.

А затем мы оказались в палатке, и меня опустили на кровать, и ощупали тёплые руки. Я открыла глаза и увидела Кира подле себя. Айсдра всё ещё говорила, повторяя часть о том, какие именно действия я предприняла, чтобы попытаться вылечить пациентов.

— Лотос? Ты уверена, что это был лотос?

Я дёрнулась на голос Ги́ла. Этого не могло быть, и всё же когда я медленно повернула голову, рыжеволосый Гил с нескладными руками никуда не исчез. С решительным видом на веснушчатом лице он расставлял лекарства.

— Нет... — прошептала я и повернулась к Киру, который снимал сапоги. — Ох, Кир, почему ты это сделал? Почему?

Кир поднял взгляд, его глаза блеснули.

— Я не потеряю тебя, Лара, — уверенно произнёс он.

— Борись, Лара. Борись ради меня. Ради нас, — добавила Айсдра, и я разделила её горе. Такие же слова она говорила Эпору всего несколько часов назад. Её глаза заволокло слезами и потом.

— Айсдра, почему? Почему ты это сделала?

— Мой военачальник приказал, и я повиновалась.

Я страдальчески уронила больную голову на грудь и зашлась плачем. Кир опустился на колени рядом со мной и разрезал путы на моих запястьях.

— Ох, Кир, ты должен был послушаться. Дурак.

Но Кир просто продолжил раздевать меня.

— Я слушал, Лара. Ифтен взял командование над армией, они примерно в миле отсюда. Мы останемся в стороне от них и будем ухаживать за тобой, пока ты достаточно не окрепнешь, чтобы продолжить путешествие на Равнины. Всё будет хорошо, огонь моего сердца.

— Выпейте.

Я взглянула в лицо Ги́ла. Он стоял с чашей, стараясь выглядеть уверенным и сведущим. Именно тогда я почувствовала, что впервые стала пациенткой. Я облизала пересохшие губы, посмотрела на чашу, а затем снова на юное лицо.

— Лотос, — сказал он и бросил самый строгий взгляд. — Пейте.

Я подняла дрожащую руку, но Кир взял чашу, сел рядом со мной и заставил меня выпить. Меня не потребовалось долго упрашивать. Я была лишь рада дремоте, вызванной действием лотоса. Как только чаша опустела, Кир закончил раздевать меня и ровно уложил под грубое одеяло.

— Она потеет, Гил.

— Я позабочусь о ней, — ответил Гил не в силах скрыть дрожь в голосе. — Нам потребуется больше воды.

— Ручей совсем рядом. Мы с лёгкостью принесём ещё, — ответил Маркус, собрав несколько вёдер. Он помолчал и посмотрел на меня с беспокойством. — Если Потница так ужасна, как вы говорите, может быть, нам отстричь ей волосы. Иначе они быстро загрязнятся и спутаются.

— Нет, — нежно ответил Кир, убирая волосы с моего лица. — В этом нет необходимости. Я заплету ей косу. Я не позволю их отстричь.

Маркус фыркнул и вышел из палатки. Айсдра пошла за ним, но я на мгновение увидела её лицо, на котором читалось беспросветное горе. Гил был занят, готовя полотенца. Я уставилась на Кира, который ловко управлялся с моими волосами, обхватив мою голову рукой. Его пальцы нежно массировали скальп, ещё больше умиряя боль. Или, быть может, это начал действовать лотос. Я будто немного парила, но не хотела говорить ему об этом. Печаль наполнила моё сердце, и из глаз хлынули слёзы. Я убила его, моего сильного красивого любовника, убила своей гордыней и высокомерием. Я потянулась вслепую и почувствовала его холодную ладонь. Сосредоточилась, изо всех сил попыталась сконцентрироваться.

Он опустил своё лицо ко мне.

— Лара?

— Это всё я виновата, — чётко прошептала я. — Мне так жаль, так жаль.

— Лара, — его голос был таким нежным и настойчивым, но лотос окончательно взял над мной верх.

"Папа? Папа!"

Так жарко, так темно. Где папа? Сад засох, солнце опалило мою кожу. Я бежала по тропе, пытаясь найти папу. Позади меня бежал Ксиманд, такой злой и сердитый. Он собирался убить меня. Он схватил меня, и я заплакала, стала вырываться. Папин голос прорезал пламя, но он говорил не со мной, не поддерживал меня. Что я такого натворила, что он рассердился на меня?

- Папа? Что такое «папа»?
- Имя для мужчины-тхиэ. Она думает, что ты её отец.
- Её тхиэ?
- Поговори с ней. Заставь её выпить хоть что-нибудь.

"Тише, Лара".

Папин голос звучал как-то странно, но глубоко и нежно. Его холодные руки коснулись моего лица.

"Всё хорошо. Я здесь, малыш".

О мои зубы ударился край чаши.

"Пей".

В рот потекла вода, и я проглотила её, сухость прошла. Я расслабилась в папиных объятиях, успокоилась. Я в безопасности, в надёжных руках. Ксиманд меня не обидит. Хотя пламя всё ещё могло причинить мне вред, но папа качал меня в своих объятиях.

Но когда он успел так сильно обгореть?

Я стояла у колодца на деревенской площади. Было тихо и темно. Я осмотрелась и увидела мёртвых жаворонков на земле. Их маленькие лапки застыли, песни смолкли. Стоило мне закрыть рот от ужаса, как двери домов распахнулись, и начали появляться мертвецы. Они двигались медленно, бормоча что-то под нос, спотыкаясь, но верно направляясь ко мне. Их глаза горели огнём.

Дверь в храм открылась, и вышел Эпор. Его нежное улыбающееся лицо прогнало мои страхи. Я окликнула его, и он пошёл ко мне. Но когда он приблизился к толпе, его лицо исказилось в рыке, и он присоединился к сельчанам в их песнопении.

"Ты убила нас. Ты убила нас".

Нет, нет, нет, о Богиня, прости меня, пожалуйста, прости меня, Эпор.

Я прижалась к колодцу, чувствуя, как лебёдка врежется мне в спину. Они всё наступали, давили, выкрикивая свои обвинения. Среди мертвецов была и Рахиль. Она подняла руки, проклиная меня, и её голос разрезал небеса.

Я повернулась и глянула в колодец, ища спасения. Но мёртвые были и в колодце. Они протягивали ко мне руки, как будто желя утянуть на глубину. Я опять закричала и в ужасе оглянулась. Эпор стоял передо мной, занеся палицу.

"Эпор, пожалуйста, не трогай меня!"

— Эпор никогда не навредит тебе, Лара.

— Она не слышит тебя, Айсдра.

В ужасе я искала дорогу к воротам. Но мёртвые лежали у моих ног, их разложившиеся сухие тела лежали на моих ступнях, точно дрова на похоронный костёр.

А затем появился Ксиманд. Безумие плясало в его глазах, подобно пылающему факелу, что он сжимал в руке.

"Умри, шлюха."

Он бросил факел мне под ноги.

Вспыхнуло пламя — я закричала...

Я горела.

В замке было темно, но камни охладили ноги. Я с радостью восприняла тишину и спокойствие. Но пока я ходила по залам, камни начали нагреваться, и на ногах выступили волдыри. Знакомые коридоры превратилась в лабиринт, и я потерялась в нём на веки вечные.

— Она перестала пить.

Я ввалилась в кухню. Анна лежала на полу, потя и стоная от боли. Озар сидел за столом с кружкой эля в руке. Я тронула его за плечо, и он рухнул на пол, словно сломанная кукла.

— У неё запали глаза, как у Эпора.

Я бежала, неслась, взывая к Богине о помощи. Ворвалась в церковь, но скамейки были полны мёртвых и умирающих, жертв Потницы.

Архиепископ Дризен и дьякон Бродус стояли перед статуей Леди. Их пропитавшиеся потом мантии волочились по полу. Двое алтарников, мужчин из дома Рахиль, помогали со службой.

— Может, ты вспомнишь, что ещё можно попробовать? Из её уроков?

Все они игнорировали мои мольбы и крики, расхаживая у ног мраморной статуи. Прохладный покой часовни наполнил меня, и я опустилась на колени. Богиня потянулась

ко мне, и с радостным сердцем я протянула руку, чтобы коснуться её, желая лишь покоя её садов, где буду пребывать вечно.

Но она отдёргнула руку прежде, чем коснуться меня, и лишь тогда я посмотрела на лик Леди и поняла, что и она потеет. Страдает, как и её народ. Треснул мрамор, и Леди подняла руки и призвала своего супруга, Священное солнце, и пламя обрушилось на мою кожу...

— У меня есть идея.

Я горела.

* * *

...смерть земли, рождение воды...

Я горела.

Жар охватил всё моё тело. Бежать было некуда. Он был в моей крови, в лёгких, в каждой конечности моего тела. Я попыталась облизать губы, чтобы найти драгоценную влагу во рту, но безуспешно. Мой язык высох и стал безжизненной плетью, а губы потрескались и жгли. Пот тёк по моим грудям и коленям, высыхая также быстро, как и проступая. Остался лишь жар. Я горела. Я попыталась открыть глаза и увидеть, что происходит, но мир расплылся в одни гигантские пятна. Не осталось никаких ощущений, кроме боли в висках и жара языков пламени, что лизали мою плоть. Я попыталась потянуться, но мои руки схватили лишь сухой воздух.

...смерть воды, рождение воздуха...

Я летела над полем размытых звёзд под ясным чёрным небом. Мои веки зудели, огрубев и высохнув, но я всё-таки уставилась на пятна света над головой. Вместе со мной двигались какие-то силуэты, тихо напевая. Я летела, но мои волосы висели тяжёлой плетью, едва касаясь высокой травы. Жар по-прежнему терзал меня, очаг находился в груди. Двинуться было невозможно. Вес давил вниз. Каждый вдох давался с трудом. Я могла лишь держать открытыми утомлённые глаза и смотреть.

...смерть воздуха, рождение огня...

Пение было приглушённым, мягким и невнятным, как и мой взор. Казалось, что каким-то образом меня сначала поднимали к небу, а затем опустили на землю.

Я закричала, когда что-то холодное укусило кожу, окружило, покрыло, забирая дыхание и тепло из тела. Огонь умер, и я открыла рот, жадно глотая воздух, устремляясь вверх к небесам...

...смерть огня, рождение земли...

Кир. Кир был рядом со мной, Маркус с другой стороны. Я заморгала, и по лицу пробежала вода. Я лежала в их руках. Меня опустили обратно в воду, холодную, как сама смерть. Кир позволил воде скатиться с ладони прямо на моё лицо. Я заморгала, когда капли ударили мне в глаза. Я почувствовала себя чистой. Чистой, холодной и живой.

...смерть земли, рождение воды...

Меня опустили в поток, и жар покинул моё тело вместе с водой. Я была завернута в одеяло, а Айсдра и кто-то ещё держали меня за ноги. Меня подняли, мокрая ткань прилипла к телу, а затем снова опустили.

...смерть воды, рождение воздуха...

Вода стекала с меня струями, не давая ни дышать, ни думать. Волосы оттянули голову вниз и полностью лежали в воде. Запёкшиеся губы смягчились, и я провела по ним языком, пытаюсь направить хоть каплю влаги в пересохшую глотку. Кир медленно залил воду мне в рот. Я вздрогнула с облегчением, когда холод проник в душу.

— Довольно.

Гил? Это был Гил? По какой-то причине это была важная мысль, по какой-то причине было неправильно слышать его голос. Но эти опасения были словно дымка, и я не смогла за них ухватиться. Они не шли мне в голову, даже когда меня поднимали из воды. Прежде чем я смогла собраться с мыслями, меня обтёрли и уложили под тёплые меха. Рука нежно давила мне на сердце. Мои глаза отказывались открываться. К губам поднесли чашу. Несколько глотков, и я провалилась в тёплую тьму.

* * *

Я открыла глаза и уставилась в темноту. Она почему-то показалась мне знакомой в палатке, где горел только свет от жаровен. Я слишком ослабла, чтобы шевельнуться или сделать нечто большее, чем просто дышать. Мне было хорошо, и я не сразу поняла, что моё состояние улучшилось. Я осталась совершенно без сил, но больше не потела, не горела в бреду. Моё дыхание медленно вырывалось из груди, и мне понравилось просто лежать в тихом тёплом шатре.

Тихий звук привлёк моё внимание. Я задумалась о нём, а затем медленно повернул голову в сторону шума.

Кир сидел на полу, облокотившись о кровать. Одной рукой он поддерживал голову, вторую протянул к моей руке. Он спал и храпел, чего раньше никогда не было. Он выглядел таким уставшим, осунувшимся. Волосы спутались, подбородок выглядел

грубым и небритым. Если он проспит в такой позе ещё дольше, у него заболит шея. С некоторым усилием мне удалось пошевелить рукой и коснуться кончиков его пальцев.

Кир резко поднял голову и широко раскрыл глаза.

Он разглядел меня в тусклом свете, и радость залила его лицо.

Он схватил меня за руку.

— Лара?

Я попыталась улыбнуться, но вместо этого зевнула.

— Огонь моего сердца, — нежно произнёс Кир, и я уставилась на него, — Ты как?

Любопытство заставило меня найти силы, чтобы задать один вопрос:

— Как долго?..

Он нежно погладил мою руку.

— Три дня.

Я уставилась на него, пытаюсь осознать образы и воспоминания. Всё так перемешалось.

В палатку кто-то зашёл, но я не смогла поднять головы. К кровати подошёл Маркус, а за ним Гил с тревожным взглядом. Когда он увидел, что я в сознании, его лицо расплылось в ухмылке.

— Как?.. — прошептала я.

Кир взглянул на остальных.

— Мы теряли тебя. Гилу пришла идея опустить тебя в воду и потушить пожар внутри.

— Вы... пели.

Кир кивнул.

— Ритуал. Мы хотели, чтобы ты была готова, если... — голос Кира надорвался, и он с трудом сглотнул.

Маркус откашлялся.

— К милосердию, Лара. Если бы поток не вернул тебя, мы были готовы предоставить тебе милосердие.

Я посмотрела в лицо Кира, такое усталое и полное боли.

— О мой Кир.

Он заполз на кровать и потянул меня в свои объятия. Его руки дрожали, даже когда он прижал меня к груди. Раздались голоса, но потребовалось слишком много усилий, чтобы попытаться их понять. Я закрыла глаза, опустила голову на грудь Кира и сосредоточилась на дыхании. Как же было приятно лежать в его объятиях и слушать быстрое биение его сердца.

В конце концов, Кир уложил меня на спину и, поддерживая голову и шею, поднёс чашку с холодной водой к губам. Я с благодарностью попила. Затем он поднёс миску, и я

узнала запах бульона, который получался у Маркуса просто отменно. Мне удалось выпить несколько глотков к всеобщей радости.

Затем мне положили в рот лекарство от жара, и я сморщила нос от горького вкуса, который распространился по горлу при глотании.

— Не нравится вкус собственного лекарства? — фыркнул Маркус

Кир усмехнулся, и я заставила себя открыть глаза, чтобы сосредоточиться на нём. Он всё ещё выглядел уставшим, но морщинки в уголках глаз уже вернулись. Я сделала глубокий вдох и поморщилась. Он наклонился ко мне.

— Что такое, Лара?

Мне пришлось сделать глубокий вдох и прохрипеть:

— Ты воняешь.

Из его груди вырвался смех. Он задрожал всем телом и притянул меня в свои крепкие объятия.

— Ах, моя Лара. — Он опустил меня на постель, и мне показалось, что его глаза засверкали от слёз. — Думаю, ты права.

— А теперь ей нужно поспать, — прорычал Маркус. — Мы с Гилом присмотрим за ней. Вам нужно позаботиться о себе. Как только помоешься, я накрою вам на стол.

Кир запротестовал, но я нахмурилась на него. Он сел на кровати и выдохнул:

— Хорошо.

Он погладил меня по щеке. Я закрыла глаза и на следующем вдохе провалилась в сон.

Жар отступил, но вялость крепко держала меня в своих тисках. На следующий день я лежала в палатке едва дыша.

Гил продолжал восполнять потерю жидкости, постоянно поя меня сладкой холодной водой или бульоном Маркуса. Сначала я была рада, так как горло ужасно пересохло от температуры. Но через какое-то время усилие выпить что-то и проглотить приносило всё больше усталости. Кир постоянно был рядом со мной, поддерживая меня за голову и поощряя пить как можно больше. Я спала чаще, чем бодрствовала, и к каждому пробуждению меня ждала чашка с водой или миска супа.

Чем сильнее я уставала, тем мрачнее становились лица окружающих. Они волновались: ведь без сил я не могла окончательно поправиться. С каждым мгновением жизнь, казалось, уходила от меня по крупицам.

— На выход.

Я открыла глаза и увидела, что Маркус прогоняет Кира и Айсдру из палатки. Кир попытался заспорить, но Маркус оборвал его:

— Ей станет лучше после купания. Мне нужна помощь малого, а не ваши любопытствующие носы.

— Мы поможем, — нахмурился Кир.

— Не в этом деле, — настоял Маркус. — Пойдите и сделайте что-нибудь полезное.

— Что, например?

Маркус вскинул руки.

— Наколите дров. Принесите воды. Наточите мечи. Только не мешайтесь под ногами.

Кир рыкнул, но покорно вышел с Айсдрой из палатки. Маркус и Гил немного похлопотали, и Гил отправился за ведром тёплой воды. Я оценила его усилия не задеть мою «робость», хотя не думаю, что теперь в этом был какой-то смысл. Все видели меня во всей красе в тот или иной момент. Но я даже не могла найти сил, чтобы засмущаться.

Маркус подошёл к кровати и откинул одеяла.

— Мы вымоем волосы, Лара. Тебе ведь станет лучше, да?

Идея была очаровательна, но у меня не было сил, чтобы выразить свой энтузиазм. Я вздохнула, и Маркус помог мне перекатиться к краю кровати. Должно быть, он понял меня, так как издал тот же успокаивающий звук, как и Айсдра с малышкой. Я слабо улыбнулась, и он даже нежно похлопал меня по спине, точно также как Айсдра.

Я закашлялась.

Боль охватила грудь, и я зашлась в судорожном кашле. Мучительный приступ оставил меня совершенно без дыхания, склонённую над краем кровати в отчаянной попытке прочистить горло. Маркус держал меня, отчаянно зовя Кира и Гила. Я уставилась на суету, что вызвала, и вдохнула воздух, пытаюсь осмыслить, что только что произошло.

Прибежали Кир и Гил, требуя объяснений. Маркус рассыпался в извинениях, словно он пытался толкнуть меня в спину. Но я не сомневалась, что только что произошло. Жидкость в груди. Она медленно накапливается в лёгких, вместо того чтобы выходить с потом, и убивает меня. Вялость маскирует процесс, но Маркус...

— Снова. Сделай это снова.

Мой голос прозвучал не громче скрежета, но остановил разговор. Кир тут же обнял меня. Маркус стоял белее снега.

— Что ты сделал? — резко спросил Кир.

— Я побарабанил по спине. Подумал, что это её успокоит...

— Снова. — Я боролась в руках Кира. — Сделай это снова.

— Но тебе больно, — возразил Маркус.

— Надо...

Я снова закашлялась. Гил опустился на колени у кровати.

— Она избавится от плохой воды, когда откашляется. Верно, трофей?

Я кивнула.

— Снова.

Маркус встал обратно за мою спину, но Кир не дал ему провести процедуру.

— Я сам.

Его тёплая рука осторожно постучала по моей спине.

Это сработало, хотя я чуть об этом не пожалела. Кашель вышел жёстким и грубым, грудь дико заболела. Гил хотел дать мне одно из моих средств, но все лекарства в моём распоряжении были созданы успокоить кашель, а не вызвать его.

Мы установили порядок, чтобы кто-то барабанил меня по спине каждый час. Это давало мне время достаточно восстановиться для следующего боя. С каждой процедурой я чувствовала себя лучше. Но приходилось проходить через агонию, и Кир подкупал меня «пряниками», чтобы заставить сотрудничать. Не то чтобы в нашем маленьком лагере можно было найти много «пряников». Но я получила огромное удовольствие, наблюдая, как он играет с младенцем, строя девочке забавные рожицы и издавая глупые звуки.

Странно, что из свирепого полководца может выйти такая милая нянька.

— Пришли письма из города Водопадов, — объявил Кир, стоя у входа в палатку. Казалось, он был доволен собою по какой-то причине. Позади него маячил Маркус.

— Их бросили нам, Лара. Никакого контакта, как я и обещал. Гил попытается прочесть, что написал для нас Симус. — Он подошёл ближе и откинул в сторону одеяла.

— Но сначала нужно откашляться.

— Я так устала, Кир.

— Я знаю. Но каждый раз, болит всё меньше, а значит осталось меньше воды. Ты идёшь на поправку.

Кир раскрыл свои объятия, и я послушалась. Он помог мне усесться, и я положила голову на его грудь, мгновение наслаждаясь его силой. Он выдержал паузу и прижал меня близко к сердцу.

— С тобой всё хорошо? — спросила я, волнуясь, что он свалится с хворью прямо у меня на глазах.

— У нас всё хорошо, Лара. — Кир провёл тёплой ладонью по кругу. — У Маркуса, Айсдры, малышки и Гила. У нас всё хорошо. Не изводи себя беспокойством.

А затем он начал барабанить по моей спине, и я закашлялась. Может, дело было в его тепле или нежных словах ободрения, но этот раз прошёл легче, чем остальные, и всё закончилось очень быстро. Маркус пришёл помочь устроить меня на кровати. Кир сел позади меня, а Маркус накрыл нас одеялами.

Как только я устроилась, Маркус принёс горячий кавадж. Вошла Айсдра с малышкой на руках. Малышка лопотала и пиналась, счастливая и довольная. Одно это вернуло улыбку на моё лицо. Но я нахмурилась. Как такое может быть, что ребёнок здоров?

Точнее, как ей удаётся оставаться здоровой? Она несколько часов пролежала возле покойной матери, а затем с нами в деревне и была со мной в этой палатке всё это время. И вот она, пухлая и румяная, никаких следов жара. По моему опыту, дети первыми поддавались болезни. Что теперь было по-другому?

Кир прервал мои размышления.

— Ну что, он готов? — спросил Кир.

Айсдра улыбнулась и отошла в сторону, чтобы сесть рядом с Маркусом на пне. Я вопросительно посмотрела на Кира, но он просто указал на вход в палатку.

К моему удивлению, полог резко откинули в сторону, и в палатку прыгнул Гил. Он встал в картинную позу, уперев руки в боки, широко расставив ноги и выпятив грудь колесом. Я улыбнулась, узнав излюбленную позу Симуса. Но если высокий мускулистый мужчина с чёрной кожей казался могущественным и грозным, то долговязый юнец в этой позе выглядел ужасно глупо.

— Приветствую тебя, маленький целитель, — пророкотал Гил, пытаясь изобразить как можно более мужественный голос. — Эти слова Симуса из рода Ястребов, и написаны они, как я их произнёс!

Я начала громко смеяться и посмотрела на Кира. Он пока ещё не улыбался, но в уголках глаз появились морщинки, и я знала, что в душе он помирает со смеха. Я откинулась на спину, наслаждаясь уютом его объятий.

Гил сменил позу, вытянув руку.

— В каменных шатрах города Водопадов всё хорошо. Не беспокойся за свой народ. Хотя твой совет слишком много болтает и отправил тебе много сухих слов на бумаге. Не читай их. Я всё время говорю, что их сенели только зря тратят воздух и солнечный свет. Озар всегда становится пунцовым от этих слов, а Уоррен только смеётся.

Гил начал чванливо вышагивать взад и вперёд перед кроватью. Я прикрыла рот, не желая ранить его чувства, но судя по косым взглядам, что он на меня бросал, я поняла, что он пытается меня рассмешить. Я так и сделала, громко и ясно, и он продолжил:

— Лишь один советник стоит своих слов, Мэйвис. Славная женщина. Без ума от меня.

Кир фыркнул.

— Наши люди устроились здесь без особых проблем. Хотя жить в каменных стенах нам неуютно. Было пару драк, но никаких смертей, как я знаю, хотя у Эльна-целителя при каждой нашей встрече находится несколько острых слов.

Озар хорошо правит. Анна вкусно готовит. Без ума от меня. Уоррен — сильный воин, мы скрестили клинки друг с другом. Эльн сказал, что Атира уверенно идёт на поправку. Я был вынужден поделиться с ней своим каваджем, она так жалобно меня просила. Моя нога хорошо заживает.

Я был на высшем дворе, и меня не впечатлило. Мы, равнинники, можем многому научить ваших людей касаясь сенелей и торжеств. Женщины одеваются в серые цвета и странно себя ведут. Они делают вид, что боятся такого воина, как я, но восхищаются моей силой и удалью. Они все без ума от меня.

Я так засмеялась, что начала кашлять, и Гил подождал, пока спазм не пройдёт.

— Отправь мне слова о своём житье-бытье. Отправь мне кавадж, иначе мне станет дурно. Я отправил слова для песни Жодена. Прочти их ему.

Гил встал в изножье кровати, уперев руки в бока и выпятив грудь.

— Скажи своему военачальнику, что всё хорошо, и он не мог найти лучшего голоса, чем я. До свидания, маленький целитель, Ксилара, дочь Кси, военный трофей и мой друг.

Гил поклонился. Я рассмеялась и снова посмотрела на Кира, чтобы поделиться своей радостью с ним. Он посмотрел на меня в ответ, и его взгляд смягчился.

К нам подошёл Гил со сверкающими глазами.

— Трофей, есть другие письма. Я смог прочитать только письмо Симуса. В остальных слишком сложные слова.

— Ты очень хорошо справился, Гил.

Я улыбнулась ему, и он покраснел.

— А теперь, — встал Маркус. — Мы с Айсдрой помоем вещи малютки, пока они не завоняли. — Он пристально посмотрел на Кира. — У вас вялый вид. Проведите спарринг с Гилом. Оставьте письма ей.

Гил побледнел, вытаращив глаза.

Кир поднял бровь на Маркуса, затем посмотрел на меня.

— Тебе что-нибудь нужно?

— С ней всё просто отлично. — Маркус начал выталкивать всех из палатки. — Мы разве не в пределах слышимости? Идите. Все дружно взбодритесь, хорошо?

— Ну, почему со мной? — жалобно спросил Гил, пока все выходили друг за другом.

Симус был прав. Официальные письма от моего совета были тусклыми и сухими. Все отправили их некоторое время назад, так что в них ничего не говорилось о эпидемии или её влиянии на город. Симус вложил ещё одно письмо для Жодена, его версию событий моего воссоединения с Киром. Я убрала это письмо подальше, чтобы прочесть только когда снова увижусь с Жоденом.

Пергамент с различными посланиями хрустел под моими пальцами. Озар включал в письмо короткое частное примечание, сообщая мне, что у него с Анной всё хорошо, а лорд Дерст всё ещё не оправился от ранения, которое нанёс ему Кир.

Будущие письма поведают мне, что случилось. Пришла ли эпидемия в город. Получил Эльн мои предостережения вовремя. Как бы сильно я ни ждала посланий, я их боялась. Эльн захочет узнать подробности, что произошло, и как мне удалось пережить болезнь, которая убила воина в расцвете сил и весь Вечный исток. Как Айсдра и младенец остались здоровы, когда все остальные умерли? У меня не было ответов на эти вопросы.

Снаружи палатки раздались звуки борьбы и плеск воды, наливаемой в вёдра. Наверное, Маркус и Айсдра принялись за стирку. Меня снова захлестнули муки совести, и глаза наполнились слезами. Вся деревня, мама малышки... имя девочки... мы потеряли всё. Травы и лекарства Рахиль, её тайные записи, всё исчезло в считанные дни. Что это за болезнь, что некоторые живут по несколько дней, а другие мучаются считанные часы, но умирают все? Все, кроме меня.

Конечно, у них не было Гила. Я улыбнулась, вытирая слёзы. Я не могла просить ученика лучше. Он был так увлечён своими новыми умениями. Взял старый седельный выюк и потратил свободное время, чтобы превратить его в подобие сумки, пришить широкий ремень и добавить карманы для «множества полезных вещей». Он предложил отдать его мне, но я сказала ему оставить этот себе, а мне сделать другой.

Моя улыбка слегка угасла. Гил нашёл способ сбить мой жар, после которого у меня осталось достаточно сил для борьбы с вялостью и жидкостями, накопившихся в лёгких. Но я сомневалась, что Эльн будет доволен новым лечением. Он бы хотел травяного лекарства, а я не могла ему ничего предложить.

У меня был лишь отчаянной способ сбить сильный жар и прикосновения, которые вызывали тело делать то, что оно должно было делать самостоятельно. С таким оружием невидимого соперника не победить.

Полог откинулся, и в палатку вошёл Кир. Всё его лицо было усеяно бисеринками пота. Он бросил на меня нежный взгляд, и я немного покраснела, осознав, что мы впервые остались наедине, с тех пор как у меня спал жар.

Он встал в изножье кровати.

— Всё хорошо?

Он кивнул в сторону писем.

— Да. — Я собрала бумаги. — Мне нужно отправить сообщение Эльну и рассказать ему, что произошло.

— Хорошо. Сделаем это до того, как отправиться на Равнины.

Я поражённая уставилась на него.

— Конечно, до того. Мы не можем уехать до окончания сорока дней.

Удивительно, как эти синие глаза могут измениться в одно мгновение. Они стали точно кремнь. Кир напрягся.

— Мы подождём ещё один день и убедимся, что ты достаточно окрепла для дороги. Отправляемся в Сердце Равнин послезавтра.

— Ты это не серьёзно. — Я уставилась на него в изумлении. — Кир, нам нельзя приближаться к людям сорок дней. Я ведь уже объяснила...

Мои слова потонули в его громком голосе:

— Милостью элементарей мы наверстаем упущенные дни. Мы воссоединимся с основной армией и оставим это место.

Я резко выпрямилась в постели, и письма полетели с одеяла.

— Эта болезнь убила целую деревню, не говоря уже об Эпоре. Ради любви к Богине, Кир, ты должен меня послушать!

Наши голоса привлекли всеобщее внимание. Маркус вошёл в шатёр, а за ним выглянул Гил, прячась за край полога. Позади них стояла Айсдра, внимательно изучая нас серьёзными глазами.

— Ты выжила. Айсдра и малышка выжили. Мы не заболели. — Кир запрокинул голову, его ноздри раздулись. — Ты же не можешь это отрицать, трофей.

Я изо всех сил пыталась выбраться из кровати, но запуталась в одеялах. Маркус двинулся ко мне, но я была так взволнована, что я отмахнулась от него. Впервые за много дней я разозлилась.

— Дурак. Зачем я здесь, если ты меня не слушаешь?

Это было ошибкой. Лицо Кира стало нечитаемым.

— Ты здесь потому, что принесла дар исцеления моему народу.

Я втянула воздух сквозь зубы, прикусила губу и набросилась на него:

— Но именно это ты и игнорируешь. Если сделаешь по своему, то накличешь на свой народ одну только смерть.

Кир сверкнул глазами.

— Отдыхай. Собирайся с силами. Завтра вечером я отдам приказ. Послезавтра мы отправимся в путь.

Он выбежал из шатра, практически оторвав лоскут от палатки.

Силы покинули меня, и я схватила Маркуса за руки, ища поддержки.

— Маркус, он же не серьезно? Ведь правда?

Маркус опустил меня на кровать.

— Вашество непреклонен, трофей.

Гил прокрался в шатёр, избегая моего взгляда. За ним вошла Айсдра, неся спящую малышку на руках. Она села на краю кровати и показала мне детку.

— У неё всё хорошо, Лара.

— Нужно время, чтобы понять, что болезнь ушла. — Как бы я не тревожилась, я всё равно улыбнулась, увидев сладко спящее лицо младенца. Айсдра положила ребёнка на кровать рядом со мной. — Она пышет здоровьем, это правда. Питая странную любовь к гарту.

Айсдра кивнула.

— Ей нужно скоро сделать метки.

— Татуировки? — в ужасе уставилась я.

Гил рассмеялся.

— Не в таком малом возрасте, трофей. Мы используем краску, чтобы обозначить принадлежность ребёнка к его племени.

— Тебе нужно придумать узор для своего племени, Лара. — Айсдра казалось неподдельно заинтересовалась изучением пола палатки. — Племя Кси. Старейшины потребуют его, прежде чем наша кровь потечёт в твоих детей. — Айсдра резко выпрямилась. — Мне ещё столько дел нужно переделать, трофей. Оставляю ребёнка на тебя.

Я улыбнулась:

— Конечно, Айсдра. С нами ничего не случится.

Она бросила на меня странный взгляд.

— Не сомневаюсь, Лара.

* * *

Стоит ли упоминать, что атмосфера в палатке накалилась, стоило нам с Киром заспорить. Гил по-умному избегал попадаться нам на глаза, особенно когда всё стало совсем плохо, и мы продолжили метать друг в друга молнии до конца вечера. Маркус просто на нас ворчал. Айсдра держалась подальше. Я не настолько ушла в ссору с Киром, чтобы не заметить отстранённое выражение на её лице. Мне показалось, что она думает о смерти Эпора и безрассудстве Кира, но как же я ошибалась...

На следующий день она зашла в палатку с таким грустным лицом, что я перепугалась. Она выглядела как-то по-другому, но лишь реакция окружающих заставила меня замереть. Кир слегка выпрямился, Маркус перестал заниматься своими делами. Гил оторвался от книги о травах, которую я заставила его изучить, и медленно её закрыл. Из-за их реакции я снова посмотрела на Айсдру. Она была облачена в простую тунику и штаны. Ни доспехов, ни оружия. Хотя и с палицей Эпора в руке, она показалась мне обнажённой, словно воин уступил место ранимой женщине. Она посмотрела на каждого из нас по очереди, а затем сосредоточила взгляд на Кире.

— Военачальник.

— Воин.

— Время, военачальник. Оно пришло. Я завершила наше задание, моё и Эпора.

Кир встал.

— И хавершила хорошо, Айсдра из рода Лисиц. Благодарю тебя за службу и желаю всего самого доброго.

Я недоуменно перевела взгляд с одного на другого.

— Что происходит? Ты уходишь, Айсдра?

Айсдра посмотрела на меня, а затем снова на Кира.

— Прошу передай это Престу, военачальник. Он будет носить её с честью.

Она протянула палицу Эпора.

Кир вышел вперёд и кивнув забрал у неё оружие.

У меня бешено заколотилось сердце.

— Айсдра?..

— Безопасного путешествия к снегам, Айсдра, — тихо произнёс Маркус, — и за их пределы.

И в его глазах отразилась та же безысходная печаль.

Поднялся и Гил, всем своим видом выражая стоическое презрение к боли.

— Нет! — закричала я, осознав теперь, что она намеревается делать. Я откинула одеяла с ног и попыталась встать. — Нет, Айсдра, так нельзя.

Я покачнулась, протягивая к ней дрожащую ладонь.

Айсдра сделала шаг и обхватила мои пальцы.

— Трофей, я доставила вас в целости и сохранности. Эпор ждёт меня, и я жду не дожусь нашего воссоединения. — Она крепко меня обняла. — Лара, это наш путь. Постарайся понять и принять.

Я оттолкнула её, но продолжила цепляться за её руки в качестве поддержки.

— Нет. Я не приму. Кир, скажи ей этого не делать. Прикажи ей...

— Лара.

Я обернулась через плечо и увидела, что Кир качает головой.

— Это дело уз. Я не могу здесь приказывать. — Его взгляд скользнул к Маркусу, затем снова ко мне. — Это её выбор и только её

Я повернулась обратно к Айсдре.

— Тогда выбери остаться. Ты нужна мне, Айсдра. — Тут наше внимание привлёк слабый писк из одеял. — Ты нужна малышке.

Айсдра терпеливо обхватила меня за предплечья и опустила на кровать.

— Лара, с тобой и с ребёнком всё будет хорошо.

— Я военный трофей, и я могу...

— Не можешь. — Айсдра встала. — Никто не имеет права вмешиваться в вопросы уз, Лара. Даже трофей.

Она сделала шаг назад и поклонилась Киру.

— Военачальник.

— Воин.

Айсдра повернулась уйти, но прежде чем я успела что-либо возразить, хлопнул полог палатки. В шатёр проник морозный воздух, и показался Жоден. Его широкое лицо было мрачнее тучи.

— Жоден? Что случилось? — спросил Кир.

— Эпидемия... в лагере.

Глава 8

Мой отец любил танцевать. Он мог неожиданно приказать музыкантам играть и пуститься в пляс с лордами и леди по тронному залу, не отдавая предпочтения ни торжественному променаду, ни бойкой джиге. Особенно ему нравился танец, где нужно

было занять стул, когда музыка внезапно останавливалась. Его обычно скучный двор начинал хихикать и хохотать, стараясь усидеть на месте. Из-за болезни отца и моего не самого стабильного положения во дворце при правлении брата этот танец не видели несколько лет. Но отчего-то он всплыл в моей памяти, когда все замерли от слов Жодена.

Первым в себя пришёл Кир, схватив мечи и поправив перевязь.

— Лошади?

— Снаружи. — Жоден прошёл в палатку. — Хватит всем.

— Едем.

Кир схватил одеяла со своего спального места и подошёл ко мне. Он расправил одеяло и обернул его вокруг моих плеч. Я уставилась на него, оцепенев от идеи, что мне придётся вот так ехать всю дорогу в лагерь, но Кир не дал мне шанса заспорить.

— Я соберу лекарства. — Гил принялся упаковывать вещи, а Маркус пошёл взять малышку.

Кир же устроил меня в своих объятиях, прежде чем я успела вымолвить хоть слово. Я обернула руки вокруг его шеи и потянулась посмотреть, что творится за его плечом.

— Айсдра?

Все снова замерли, как будто мой голос остановил музыку.

Безоружная Айсдра стояла в центре палатки, выглядя голой и уязвимой. Я никогда не видела такой боли, как на её лице в тот момент. Её словно разрывало надвое, и она страстно желала двинуться в оба направления. Она колебалась, облизывая губы, впервые за всё наше знакомство не зная что делать. Жоден озадаченно наблюдал за разворачивающейся сценой, пока беглый взгляд по палатке не ответил на его невысказанный вопрос. Он закрыл глаза от скорби, и потеря Эпора снова нанесла удар по моему сердцу.

В тот немой момент губы Кира коснулись моего уха, и он прошептал самым тишайшим шёпотом:

— Я не могу спросить, но ты можешь.

И он немного развернулся, чтобы я увидела Айсдру.

— Айсдра, — твёрдо произнесла я. — Ты нужна мне. Ты прошла через это и можешь рассказать остальным. Мне нужно, чтобы ты осталась. Пожалуйста.

Боль всё ещё оставалась в её глазах, но неуверенность исчезла.

— На данный момент, трофей.

Музыка как будто снова заиграла, и мы двинулись. Я сильнее сжала Кира, так как он направился на выход, Жоден следом за ним. Маркус и Гил поднялись уходить. Айсдра

тихо прошла в угол и взяла палицу Эпора. В этот момент упал полог палатки и скрыл её от моих глаз.

Снаружи ждало семь лошадей. Крупный чёрный жеребец радостно заржал и подошёл нас поприветствовать. Рядом с ним шла моя гнедая лошадка с травмированной грудью. Кир вручил меня Жодену, а сам сел на жеребца. Я хотела было сказать, что для меня готова отдельная лошадь и я могу ехать сама, но по одному взгляду на лицо Кира было ясно, что сейчас не время препираться.

Я использовала небольшую задержку в своих интересах.

— Жоден, сколько заболевших?

— Десять, трофей. Первый слёг полдня назад.

— Полдня? — прорычал Кир. — Почему не отправили гонца?

Он наклонился взять меня.

Жоден ничего не сказал, пока не убедился, что Кир меня усадил.

— Приказ Ифтена.

Жеребец ударил копытом, среагировав на внезапное напряжение своего хозяина. Кир двинулся в седле, успокаивая животное, и устроил меня в своих объятиях. Но его глаза продолжали гореть яростью.

Жоден стоял со спокойным лицом.

— Я хотел приехать не один, но никто не осмелился нарушить приказ.

— Кроме тебя? — спросила я.

— В положении певца есть свои преимущества. — Жоден сверкнул зубами, даря мне редкую улыбку. — Почти как у трофея.

— Где Ифтен? — процедил Кир сквозь сжатые губы. Но даже в ярости он всё равно нежно меня обнимал.

— В вашем шатре.

Лицо Жодена снова представляло собой вежливую маску, но я знала, что он тщательно подошёл к выбору слов.

Я задрожала, боясь реакции Кира. Но он удивил меня, когда фыркнул, скорее от удивления, чем от обиды. Он посмотрел на меня, и я мельком увидела смешинку в уголке его глаз.

— Маркус!

Маркус откинул полог палатки.

— Мы упаковываем вещи так быстро...

— Оставь. Я отправлю Айсдре и Гилу помощников. Ты мне нужен.

— Ась?

— Ифтен устроился в нашем командном шатре.

Чистый гнев затанцевал по лицу Маркуса. Он исчез в палатке, только чтобы чуть позже выскочить из неё, полностью завернутый в плащ, и направиться к лошади, бормоча что-то под нос. Жоден и Маркус сели по коням, как в этот момент выглянула Айсдра.

— Айсдра, я пошлю кого-нибудь свернуть этот лагерь. Вы же с Гилом отнесите малышку в мой шатёр с такой скоростью, с какой только сможете.

Если Айсдра что-то и ответила, то я не расслышала, так как чёрный жеребец пустился в галоп.

Лагерь располагался по берегам небольшого озера с кристально синей водой.

Ветер свистел вокруг нас, и я была рада одеялу и тёплым объятиям Кира. Но он был мрачен и тих. Жоден и Маркус скакали вслед за нами, и к моему удивлению, моя лошадь плелась позади, без всадника, но не отставая.

Как только мы въехали в лагерь, воины тут же приветствовали Кира и издали боевой клич. Кир не замедлил лошадь, но ответил на приветствия и выкрикнул имена, требуя вызвать военных командиров. Я мельком увидела, как люди сели по лошадям и разъехались выполнять его приказы.

Знакомый голос привлёк моё внимание и улыбку.

Рэйф ехал рядом с нами, чуть ли не гарцуя в седле.

— Приветствую, военачальник!

— Возвращайся к своим прежним обязанностям, Рэйф.

— Слушаюсь. — Рэйф оглянулся. — Нам с Престом дать Айсдре и Эпору немного отдохнуть?

— Эпор мёртв, — спокойно произнёс Кир, но Рэйф откинул голову от шока, тараща глаза. — Найди Йерса, Рэйф. Отведи его в мою палатку.

Рэйф развернул лошадь.

— Я найду и Преста, военачальник.

Мы поскакали дальше, палаток становилось всё больше и больше. Кир разделил армию, оставив приблизительно половину войск в городе Водопадов с Симусом, но у него всё ещё было множество воинов. Если эпидемия действительно накрыла лагерь, то все смерти в деревни покажутся просто цветочками. Я с трудом сглотнула ком в горле.

Жеребец остановился перед шатром. Ехавшие позади нас Жоден и Маркус спешили вместе с Киром. Он не позволил мне пройти и несколько шагов до палатки и снял с седла, даже не спросив разрешения. Я хотела заспорить, но он опередил меня фразой:

— Побереги силы на будущее.

Охранники у входа откинули полог. Кир прошёл в главную комнату шатра и направился прямо в спальню. Раздалось странное хрюканье, и тут у меня перехватило дыхание от вида, как, сверкая пятой точкой, Ифтен «вспахивал» женщину в нашей спальне.

На нашей кровати!

К счастью, видела я эту сцену недолго. Кир развернулся на пятках, унося меня в зал для собраний, в тот самый момент как с моих губ сорвалось восклицание. Маркус же, с другой стороны, прошёл прямо в спальню. Раздались разъярённые крики. Я посмотрела через плечо Кира и увидела, как из палатки убегает женщина в чём мать родила, неся одежду подмышкой.

Кир усадил меня на помост. Я вперила в него взгляд, но он загородил собой разворачивающуюся сцену и приложил палец к моим губам. В спальне, на пределе лёгких, орал Маркус. Несколько военных командиров вошли в палатку, послушали и ухмыльнулись. В глазах Кира виднелся гнев и смешинки. Я вопросительно посмотрела на него. Он наклонился немного ближе.

— Маркус своим языком добьётся большего, чем я — мечом.

Голос Маркуса был остёр как кинжал, и Ифтену оставалось только обороняться. Он пытался оправдать свои действия, но без особого успеха. Само собой, Маркус не давал ему спуска, ни шанса вставить хоть полслова.

Я тихонько усмехнулась, но затем вспомнила, в какой ситуации мы оказались.

Кир почувствовал перемену. Хотя я была обёрнута в одеяло, он снял с себя плащ и накинул мне на плечи. Плащ нежно накрыл меня, даря своё тепло. Я достала руку, чтобы свести края, но Кир опустил на колени и сделал это за меня. Его лицо оказалось рядом с моим, дыхание согрело щёку.

Я вцепилась в него.

— Кир, я... — страх, сжавший горло, не дал мне закончить.

Он взял мои оледеневшие руки в свои сильные тёплые ладони.

— Случившееся в деревне не повторится.

Я проглотила ком в горле и уставилась на него, не в силах говорить.

Кир зашептал мне:

— Ты выжила, Лара. Айсдра и ребёнок не заболели. Не теряй надежду.

Маркус ревел на пределе лёгких о том, что Ифтен трогал его горшки для варки. В зале для собраний появилось ещё больше командиров, очень удивлённых разворачивающейся сценой. Я использовала этот момент, чтобы прильнуть к Киру и обнять его в ответ. Он притянул меня в свои объятия, держа как драгоценность. Я сделала глубокий вздох и втянула аромат его доспехов и кожи, наслаждаясь умиротворением, перед тем как столкнуться с грозящими нам бедами.

Кир ждал с таким видом, будто готов просидеть вот так весь день, если понадобится. Но я отстранилась, и он отпустил меня.

— Столько всего, Кир. Мне нужно...

— Сначала самое важно. — Кир встал и громогласно прокричал: — Маркус. Достаточно.

Тогда Маркус произнёс:

— Одевайся. Трофей оскорбилась видом твоей голой задницы.

Всё ещё натягивая штаны и вкладывая меч в ножны, появился Ифтен с красным от гнева лицом. Но общее внимание было привлечено к Киру.

— Враг в лагере. Мы должны принять меры, прежде чем он унесёт жизни. — Кир стоял рядом со мной, положив руку на моё плечо. — Деревня мертва, выжил только один младенец. Эпор пал.

Воины в ответ тут же напряглись. Кир не стал делать паузу.

— Жоден. Где больные? — слегка повернулся он.

— В разных палатках по лагерю, — ответил Жоден.

— Мы соберём их здесь. Поставьте кладовую трофея и...

— Зачем? — встал Ифтен, краснота уже сошла с его лица. — Они заражены. Позволь им уползти куда подальше или лучше упокоиться с миром. Позволь нам покинуть это проклятое место и вернуться на Равнины.

Уэсрен встал рядом с ним и согласно кивнул.

— Они умрут без лечения, — заметила я.

— И что? — посмотрел на меня Ифтен, не скрывая искреннего удивления. — Это наш путь, трофей.

— Тогда мёртвые будут сочтены позади нас, как вода из протекающей кожи, — раздался голос у входа в палатку, и все увидели Айсдру и Гила с корзиной в руке и сумкой для целебных трав на бедре.

Судя по взгляду, Гил не знал о собрании. К его чести, он не долго колебался. Он прошёл мимо Айсдры и собравшихся и встал рядом со мной. Малышка в корзине дрыгала ножками и счастливо махала кулачками.

Меня удивила реакция военных командиров. Даже лицо Ифтена, казалось, смягчилось при виде лепечущей, дрыгающей ножками малышки.

— Это единственная выжившая? — тихо спросил Цор, вытянув шею для лучшего обзора.

— Да. — Кир улыбнулся малышке, когда Гил поставил корзину рядом со мной. — Малышка и Айсдра не заболели. Трофей слегла, но выжила.

Айсдра прошла за Гилом и тоже встала рядом со мной. Военные командиры молча уставились на неё. Дело в том, что она жила? Или из-за палицы Эпора, всё ещё привязанной к её спине?

Глаза Ифтена сузились.

— Почему ты не присоединилась к своей паре, Айсдра из рода Лисиц?

Глаза Айсдры были темны и холодны, и у меня сжалось сердце. Но она просто стояла прямо и неподвижно, лишь немного наклонив голову, чтобы посмотреть Ифтену прямо в глаза.

— Будь осторожен, военный командир, — ответила она низким тоном. — Ты не удержишь моего символа, и я могу оскорбиться.

Маркус выбрал этот момент, чтобы появиться из спальни, неся оружие и броню. Он подошёл к Ифтену и бросил всё ему прямо в ноги. Прежде чем блондин отреагировал, Маркус скрылся в спальне. Ифтен зарычал всем своим видом и пошёл разбираться с Маркусом, но Кир остановил его.

— Не сейчас, — громогласно произнёс Кир. — Это не сенель, и здесь не высказывают истины. Старые способы разбираться... — он немного заколебался, — разбираться с больными не подействуют, мы все беззащитны перед врагом. В одиночку мы все умрём. Вместе мы победим этого врага. Это битва, и все повинуются моим приказам.

Большинство военных командиров, даже Ифтен, нахмурились, некоторые выглядели неуверенными. Но все сосредоточились на приказах Кира.

— Всех больных нужно вынести на берег. Мы используем озеро, чтобы сбить жар. Ортис, созови разведчиков. Поставь охрану по всему лагерю, ни один воин не должен остаться без присмотра. Оставшуюся часть разведчиков отправь трофею, пусть они узнают признаки и способ лечения этой болезни. Они должны передать всему лагерю, как выявить этого врага.

— Еда, военачальник, — произнесла мрачная, обеспокоенная Сэл. — Как я могу отослать охотников, если они могут умереть в любой момент?

— В деревне были животные, — ответила Айсдра. — Мы освободили всех, кого нашли за стенами. На юге паслись стада. Коровы, овцы и козы.

— В лесах есть свиньи, — добавила я.

— Это решает проблему. — Сэл немного расслабилась. — Но я сохраню молочную козу для малышки, хорошо?

На этих словах некоторые слегка заулыбались. Но улыбки тут же погасли, и лица стали серьёзными, стоило Айсдре заговорить пустым и безжизненным тоном:

— Кто-то должен собрать древесину. Нам понадобятся костры.

После её слов никто не втянул воздух в тишине.

Айсдра продолжила, безжалостная в своей честности:

— Деревня всё ещё тлеет. Мы можем сжечь мёртвых там.

— Если они будут. — Кир смотрел на неё с пониманием, сохраняя спокойствие после её слов. — Мы начнём рассказывать всем, что Гил и трофей узнали об этой болезни. Поставьте палатку трофея как можно быстрее. До этого используйте этот зал. Пришлите посыльных, которые будут учиться у них и распространять слово.

Кир продолжил отдавать приказы, но я уже думала над тем, что нужно сделать. Только когда он взял мои холодные ладони в свои, я поняла, что он стоит на коленях передо мной, а в палатке нет никого, кроме нас и Маркуса.

Его глаза синего оттенка утреннего неба были ясны и серьёзны.

— Я должен идти, Лара. Возникнут проблемы. Люди должны увидеть и услышать меня, чтобы по лагерю не распространились ложные слухи.

— Езжайте к воинам. — Маркус положил руку на моё плечо. — Мы присмотрим за ней.

Кир обхватил моё лицо тёплой ладонью и нежно провёл большим пальцем по щеке. А затем, взметнув плащ, встал и ушёл.

Спустя какое-то время после ухода Кира воины переполнили палатку, чтобы послушать, как Гил и я будем объяснять как ухаживать за больными, за чем нужно следить и что ожидать. Мы разослали их по всему лагерю, чтобы разнести наши слова. Хвала Богине за их память. Это и строгое повиновение приказам Кира.

Когда посыльные ушли, палатку заполнило ещё больше воинов. Гил и я отправили их собирать кору ивы. К счастью, воины срубили много деревьев на лагерь. Я отослала их снять кору со всех дров, временных столов и стульев. Небольшая армия в моём распоряжении помешивала горшочки и горщища, готовя лекарства от жара. Нам нужна была каждая фляга, которую можно заполнить.

В палатке снова сталолюдно. Я выпила немного каваджа, который Маркус вручил мне силой, а затем вместе с Гилом начала давать уроки по травам. Я уже знала, что запасов лотоса не хватит на весь лагерь. Нам были нужны альтернативы, такие как сон-трава, древесное масло или окопник. Таким образом, эти воины стали собирателями. У нас были нужные травы, и мы показывали их им, чтобы они знали, что именно искать. Возможно, у Рахиль остался сад за стенами деревни, поэтому я отправила искать всё, что можно найти.

В сборе трав главное правило не срывать всё до конца. Нужно оставить достаточно, чтобы весна принесла новый рост. Но у меня не было подобной роскоши. Я сказала приносить мне всё, что они смогут найти. Если я снова окажусь в этих краях, то лично засею эту область, чтобы восстановить баланс. Но сейчас нам нужны травы и позарез.

За несколько часов больные исчислялись сотней. К концу дня число утроилось. Мужчины и женщины падали замертво, как пшеница перед косой. Недуг сопровождался потом, головной болью и зловонием, как и в деревне.

Хуже всего был жар. Только ледяные воды ручья и озера, казалось, сбивали его, но и то только если жар достигал своего пика. Поспешишь, и жар вернётся, продлевая болезнь и истощая пациента. Гил не щадил себя, помогая принять решение о том, когда пациент готов к погружению. Он столькому научился за короткий промежуток времени.

Берега озера заполнились людьми, которые с помощью холодных вод пытались побороть неистовый жар. Больные продолжали прибывать. Всё больше падало жертвой этой хвори. Однако я до сих пор не понимала причин её проявления. Некоторые могли болеть многие дни, а других она губила за считанные часы, но умереть от неё в равной степени могли и те, и другие. Но мы научились, Гил и я, что, если человек преодолет первый жар, его шансы на выживание становятся намного выше. А если вылечить потом и кашель, человек быстро пойдёт на поправку.

Я вот набралась достаточно сил, чтобы разбираться с лекарствами и обучать воинов ухаживать за больными. Таким образом, я отдавала приказы из кладовой, проверяя качество приготовленного лекарства от жара и используя собранные травы для изготовления альтернативы лотосу. Один из рецептов, на основе сон-травы, более умеренный, чем лотос, казалось, действовал лучше, поэтому я сосредоточилась на создании этой смеси. Знакомые ароматы и атмосфера моей кладовой приносили успокоение в те тёмные часы.

Бедный Гил фактически один ухаживал за больными, не щадя своего живота, удостоверяясь, что всем дают правильные дозы, жар спадает, и по спине больных бьют регулярно. На него ложилась самая тяжёлая задача, и поскольку именно он бежал повсюду, все обращались к нему либо за советом, либо когда пациенту становилось

совсем худо. Он часто возвращался в мою кладовую, чтобы задать вопросы и пополнить запасы, и снова убегал.

Бред казался меньшей проблемой, чем это было в деревне. Возможно, благодаря использованию озёрных вод для сбивания жара, возможно благодаря сонным лекарствам. Или возможно благодаря присутствию воинов у кроватей, которые в состоянии подчинить любого сведённого с ума лихорадкой. Однако я настояла, чтобы больные не спали с оружием. Этому решению сильно сопротивлялись, но никто не посмеет его ослушаться. Как будто я напала на их гордость, потребовав забрать оружие. Возникло разногласие относительно насколько далеко отложить мечи, но потребовалось всего два инцидента, чтобы мне начали повиноваться.

Во многих отношениях я чувствовала себя дезориентированной в те часы, так как я ограничила контакт с пациентами. Гил и Жоден регулярно докладывали мне, да другие воины появлялись с вопросами или просили лекарство.

Это было опрометчивое чувство: иметь такую власть, видеть, что моим командам повинуются — к такому я не привыкла. Я никогда не командовала многочисленным штатом и в действительности была королевой только несколько часов, прежде чем отправилась за Киром. Абсолютное повиновение было для меня новым опытом.

Всё же у такой власти были свои недостатки. Воины делали точно, что им говорили. Я отправила группу искать сорняк, и они принесли мне весь сорняк, который смогли найти. Но они не могли сказать мне, есть ли в регионе другие растения, которые я, возможно, тоже могла использовать. Поэтому мне пришлось описать им с десятков трав и растений, пытаюсь гарантировать, что я рассмотрела все варианты.

Кир отсутствовал все эти долгие часы, объезжая огромный лагерь, объясняя, отдавая приказы, отправляя нам сведения о состоянии воинов. Его присутствие гарантировало, что больным помогали, а лекарство распределяли при необходимости. Он был источником спокойствия в сердце бури и причиной, по которой воины не сели верхом на своих лошадей и не направились в Равнины. Но я боялась за него, выставленного перед любой напастью, неустанно работающего среди воинов. Я попыталась убедить его надеть имбирную маску, но он заметил, что мне и Эпору она не помогла. Но хуже всего, у меня не было достаточного количества имбиря на весь лагерь. Кир отказался от защиты, которая не была доступна для всех. Так как он постоянно отсутствовал, я спала в кладовой, чтобы помочь любому, кому смогу понадобиться.

Маркус был везде, помогая и как-то успевая нас всех кормить. Он и Айсдра поделили заботу о ребёнке, меняясь при необходимости. Меня поразила непринуждённость, с которой воины нянчились с малышкой. В добровольцах не испытывалось недостатка.

Редкие улыбки, которые я видела на их лицах, вызывали рожицы девочки, которая продолжала пинаться, лопотать и смеяться. Единственные звуки радости в лагере, переполненным отчаянием.

Это были крохи радости для наших сердец. Столь многие умирали, несмотря на заботу, которой мы их окружали, или лекарства, которые им скупо выделяли. Самые тёмные минуты настали, когда число больных превзошло число здоровых. Мы все выбились из сил. Каждый раз, когда я выходила из палатки, то старалась не смотреть на горизонт, где поднимался дым от костров. Вместо этого я старалась сосредоточиться на живых.

Богиня возлюби его, Маркус находил время убедиться, что я поела. Каким-то утром — все дни слились для меня в один — он уговаривал меня позавтракать, как вдруг в палатку вошёл мрачный Прест.

— Прест? — Я отложила еду и встала.

— Пожалуйста, приди, трофей.

— Кто заболел?

— Рэйф.

Прест поспешил вперёд, и я последовала за ним. Маркус пошёл за нами, неся корзину с лекарствами, отказавшись позволить мне нести что-либо. Я была против, но даже простая ходьба отнимала у меня все силы. Я ещё не до конца поправилась.

Несколько небольших палаток были умно закреплены вместе, чтобы образовать большое убежище. Прест придержал для меня полог, и я наклонилась войти. Палатка была заполнена людьми, но мой взгляд первым делом упал на Рэйфа.

Он лежал на соломенном тюфяке, весь в поту, тёмные волосы прилипли ко лбу. Его лицо очень сильно побледнело, и он смотрел на меня огромными блестящими глазами. Губы чуть шевельнулись, и я услышала слабое:

— Трофей.

Одно это словно привлекло внимание остальных, и все повернулись ко мне с широко раскрытыми глазами. Четыре девочки, ну, в общем, воительницы... но всё равно дети в моих глазах. Они не могли быть намного старше Гила. Их удивление длилось одно мгновение, а затем ближайшая к голове Рэйфа выжала ткань и положила на его лоб. Она бросила на меня недоверчивый взгляд из-под полуопущенных ресниц, ярко-зелёные глаза горели сквозь длинную тёмную чёлку.

Ближайшая ко мне девочка — шатенка с очень короткими вьющимися волосами в коричневой кожаной броне — наклонила голову.

— Трофей, я Ласа из рода Лошади. Мы ухаживаем за Рэйфом. — Она выпрямила спину, ясные карие глаза излучали уверенность. — Мы говорили с Гилом и знаем, что нужно делать.

— И сделаем это хорошо. — Медовая блондинка преклонила колено у плеча Рэйфа и яростно ударила копьём по земле. Однако когда она подняла голову, в её зелено-карих глазах читался страх.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась я, пытаюсь её заверить. — Но Рэйф — один из моих охранников, и я хотела бы лично его осмотреть. Это приемлемо?

Блондинка бросила взгляд на Ласу, но получила от той одобрение.

— Конечно, трофей. — Она встала на ноги. — Я Созр из рода Оленя.

Маркус вручил мне корзину, но остался снаружи с Престом. Девочки аккуратно отсели, дав мне опуститься на колени у головы Рэйфа. Он слабо улыбнулся, когда я положила руку на его лоб.

— Прости, трофей.

— Тебе не за что извиняться, Рэйф. — Лицо горело от жара. — Сколько времени ты болен?

Он заморгал, смотря на меня, потерянный и сомневающийся. Так он смотрел на меня при нашей первой встрече в палатке военнопленных в дворцовых садах. У него кровоточила голова, и он первым из заключённых позволил мне обработать свои раны. Он говорил со мной на языке торговцев, который знали оба наших народа. Постепенно я завоевала его доверие, и Рэйф попросил меня позаботиться о Симусе и заверил Жодена в моих навыках.

— Забудь мой вопрос. Спи, Рэйф.

Он закрыл глаза и расслабился. Шрам от старой раны выделялся тоненькой зазубренной полоской на коже.

Зеленоглазая девочка намочила ткань и начала омывать его лицо и грудь.

— Он болен несколько часов, трофей. — Она снова злобно зыркнула на меня. — Гил сказал нам всё, что мы должны знать.

— Фалин! — воскликнула Ласа. — Во имя земли, будь хоть немного повежливей!

Фалин склонила голову, пряча свой гордый взгляд.

— Простите меня, трофей, — угрюмо произнесла она. — Я Фалин из рода Змеи.

— А я Ксанд из рода Кошки, трофей. — Новая девочка, шатенка с косой, преклонила колени передо мной и протянула полунаполненную флягу с лекарством от жара на проверку. — Гил отмерил ему сон-траву и оставил нам это питьё.

— Мы убрали его оружие, как и наше. И готовы его связать, когда он начнёт бредить, — чуть ли не с нетерпением сказала Соэр. Я услышала фыркание у входа в палатку и поняла, что Прест подслушивает.

Я подавила улыбку.

— Тогда вы готовы к битве. Позвольте мне дать вам ещё одну флягу лекарства на всякий случай.

Я порылась в корзине. Кажется, друзья позаботятся о Рэйфе. Я хотела остаться, но знала, что у меня не хватит сил, да и я нужна в кладовой. Кроме того, я оскорбила бы честь этих маленьких женщин, если бы попыталась переложить часть их обязанностей на себя.

— Я знаю, что Рэйф в хороших руках, и вы будете за ним присматривать.

Я услышала хрюканье снаружи и поняла, что Маркус одобрил мои слова.

Девочки, казалось, остались довольны моим ответом, и даже Фалин смягчилась и заверила меня:

— Мы пошлём за Гилом, если у нас возникнут сомнения или вопросы, трофей.

Я кивнула и наклонилась убрать волосы со лба Рэйфа.

— Да пребудет с тобой Небеса, Рэйф.

Он открыл глаза и на этот раз посмотрел на меня ясным взглядом.

— Тебе нужен новый охранник, Лара.

Впечатленные девочки распахнули глаза и втянули воздух.

— Нет, Рэйф. Я в безопасности. Прест и Айсдра присмотрят за мной, пока ты не сможешь вернуться к своим обязанностям.

— Я вернусь, как только...

Он вздохнул, веки тяжело опустились.

— Выиграй это сражение, Рэйф.

Я встала и оставила палатку, прежде чем он увидел мои слёзы.

Маркус и Прест ждали меня у входа с мрачными лицами. Мы пошли обратно в тишине, пока я пыталась обуздать эмоции. Почувствовав, что справляюсь, я повернулась и посмотрела на Преста.

— Четыре девушки?

Прест улыбнулся.

Маркус сухо усмехнулся.

— Рэйф всегда был популярен. Настоящий чаровник. Соперник Симуса.

Я улыбнулась сравнению. Но моя улыбка была недолгой, так как я подняла голову и увидела чёрный дым с костров, которые горели на месте деревни.

— Рэйф был прав, нам нужен другой защитник, — произнёс Маркус за моей спиной.

Я устояла на земле, не сбавляя шаг, желая поскорее оказаться в безопасной, успокаивающей кладовой.

— Нет, Маркус, не тревожь Кира. У меня есть Прест и Айсдра. Этого достаточно. — Я почувствовала его неодобрение, но не дала возразить: — Здоровые заботятся о больных. Больные стараются поправиться. У кого есть время или силы нянчиться со мной?

Мы вернулись в кладовую в тишине.

На следующий день небольшой шум у палатки заставил меня выглянуть в откидную створку, и я увидела, что Маркус применяет свои привычные чары над ещё одним воином. На сей раз его жертвой стал Жоден, которому было недвусмысленно сказано сесть и поесть. Бедный Жоден выглядел полностью истощённым и тяжело упал на пень.

Маркус вернулся и пихнул обёрнутого в одеяльце громко пищущего ребёнка в руки Жодена.

— Будь полезен и присмотри за ней.

Поражённый Жоден взял извивающийся комочек, и Маркус ушёл. Малышка брыкалась и кричала, и Жоден начал издавать забавный звук, пытаясь её отвлечь. Но я увидела, как дёргаются её крошечные ножки, и поняла, что она не успокоится от подобной уловки.

Поэтому умный уставший мужчина терпеливо потянулся за мешочком и достал колокольчики уединения. Здоровые крошечные ручки вынырнули из одеяльца и сжали колокольчики изо всех силёнок. Суэта сменилась на счастливый смех; на лице Жодена расплылось счастье. Подобное счастье я видела и на лицах других, так что Маркус повторял эту уловку снова и снова, используя одного крошечного ребёнка, чтобы исцелить души этих воинов. Я вернулась к своим горшкам с более лёгким сердцем.

Когда Маркус вернулся с супом и каваджем, Жоден расслабился и тихо напевал малышке. Я вышла из палатки, и Жоден положил девочку в корзинку. Когда он потянулся за колокольчиком, она издала вопль и потянула на себя, беря кожаный ремень в рот и булькая от радости.

— Хватка воина, трофей. — Жоден взял еду у Маркуса. — Как её называли элементали?

Я убрала выбившийся локон за ухо.

— Её имя утеряно, Жоден. Мы нашли её рядом с мёртвой матерью. Её тхиэ.

Жоден выпил суп и внимательно посмотрел на ребёнка.

— Серьёзное дело — потерять имя. — Подошла Айсдра с вязанкой дров, и он продолжил: — Мы слушаем элементарей, чтобы найти имя ребёнка. Она молода, потеря не навредит ей. Но нужно провести церемонию.

Айсдра стряхнула грязь с ладоней.

— Она ксианка. Мы должны следовать обычаям Кси.

Жоден посмотрел на меня.

— Мы называем наших детей именами их предков или даём понравившееся имя. Рахиль говорила, что её мать звали Мира.

— Тогда назовём её в честь её тхиэ, — Жоден опустился на колено перед корзиной.

— Мира. — Жоден потянулся пощекотать шаловливую ножку. — Она должна быть отмечена. Покрыта рисунком.

Перед глазами внезапно встало лицо Анны, если бы она увидела ребёнка с татуировкой, независимо от того, что это временная метка.

— Сделаем это позже, — твёрдо заявила я.

Жоден вздохнул и взял кавадж.

— Хорошо, что мы дали ей имя.

Мира тряхнула колокольчиками и рассмеялась, вызывая у нас редкую улыбку.

Её смех напомнил мне кое о чём.

— Жоден, я забыла сказать, Симус прислал для тебя письмо. Он попросил меня прочитать его для тебя, чтобы ты смог добавить слова для своей песни.

Я ожидала согласия, но Жоден даже не посмотрел на меня. Вместо этого он уставился на малышку с мрачным лицом.

— Жоден?

— Не думаю, что смогу сложить ту песню, трофей.

Я озадаченно изучила его широкое лицо, пытаюсь понять, что он имел в виду.

— Конечно. Ты устал. Сейчас не время сочинять песню. Я сохраню письмо, Жоден. На другой раз.

Жоден проигнорировал меня и вместо этого обратился к Маркусу:

— Моя благодарность, Маркус. Теперь у меня есть силы продолжить выполнять свой долг.

— Не нужно благодарить, певец. — Маркус странно на него посмотрел, но не стал давить.

— Что ты делаешь, Жоден? — спросила я.

— Я вижу мёртвых, Лара. Кто-то должен петь для них, хоть кусочек песни. — Жоден выпрямил спину и встал. — Скажи мне доброе слово, которое я смогу нести в своём сердце.

— Болезнь замедляется, Жоден, — ответила я. — Число новых больных уменьшается.

Он глубоко вздохнул и кивнул.

— Это хорошее слово, трофей. Я заберу его с собой. — Он посмотрел на малышку, которая всё ещё трясла колокольчиками. — Военачальник был прав, задержав нас здесь. Я не могу вообразить весь этот ужас на Равнинах.

— Среди детей и тхиэ, — прошептал Маркус. — Болезнь уничтожила бы их.

— Уничтожило бы само будущее племён, — добавил Жоден холодным тоном. — Недуг горожан.

— Жоден?

Его тон озадачил меня.

Но Жоден лишь быстро кивнул мне, развернулся и ушёл.

Часы текли без реального чувства времени. Воины приходили, воины умерли, и фляги с лекарствами исчезали из моих рук. Я работала, спала, когда больше не могла держать глаза открытыми, и ела, когда Маркус ставил еду передо мной. На какой-то недолгий момент появился Кир. Он почти не отдыхал, стараясь поддерживать боевой дух воинов. Не знаю в какой день, час или миг, но вдруг у входа в кладовую появился белый как простыня Маркус с малышкой в руке.

— Лара? Она не ест.

— Возможно, она наконец заметила, насколько гарт плох на вкус, — пошутила я, подходя к нему.

— Я думал, она спит. Я регулярно проверял её, но она спала. Нужно было догадаться её тронуть.

Я положила руку на лоб малышки. Жар, исходящий от её кожи, обжёг кончики моих пальцев. Девочка не открыла глаза при моём прикосновении, лишь немного захныкала.

— Богиня. Озеро, Маркус. Немедленно.

Маркус повернулся и выбежал на солнечный свет.

Я схватила флягу с лекарством от жара и бросилась за ним, едва переводя дух. Ноги дрожали, но я заставляла их двигаться. Остальные поднимали голову от любопытства, когда мы пробегали мимо.

Маркус ни разу не остановился. Он вбежал прямо в озеро, до талии, погружаясь в воду вместе с малышкой. Он положил её на одну руку и, сняв с неё одеяла и пелёнки, бросил их в воду. Я подбежала к нему, холодная вода кусала ноги. Малышка не открыла глаз, когда её опустили в воду, не заплакала, только всхлипнула. Я с дрожью в руках намазала тёмно-коричневую пасту на пальцы и сунула в рот ребёнка.

Тёмные глаза открылись, и в моём сердце родилась надежда. Она выглядела такой грустной, но я задержала дыхание, дожидаясь её крика, когда она распробует вкус лекарства.

Вместо этого она раз икнула и закрыла глаза.

Как только люди узнали, что малышка заболела, на берегу собралась толпа. Маркус продолжал окунать её, лить воду на головку. Он держал её осторожно, не давал носу и глазам опуститься ниже воды.

Топот ног отвлёк моё внимание, и я увидела бегущую к нам Айсдру.

— Мира?.. — спросила она, добежав до нас.

— Она больна, — лишь эти два слова удалось мне выдать из себя. Малышка безжизненно лежала в руках Маркуса, всё её тело горело, как будто сожжённое солнцем. Тяжело дыша, Айсдра протянула холодные влажные руки к щекам Мира.

— Она горит.

— Лотос? — спросил Маркус.

Я покачал головой.

— Не для детей. Слишком опасно.

Я захватила с собой поильник, и Айсдра наполнила его водой, пытаясь заставить Миру пить. Но небольшие губки лишь увлажнились. Малышка не глотала.

— Позволь мне попробовать.

Маркус передал Миру Айсдре. Влажный кончик шнурка Айсдры, любимой игрушки Мира, задел её щёчку. Мира открыла глаза и посмотрела на Айсдру. Та напевала ей.

— С тобой всё будет хорошо, маленькая.

Мира закрыла глаза, икнула... и испустила дух.

Я знала, о Богиня, я знала. Такая маленькая, такая крошечная. Я схватила Маркуса за руку, когда он поднял поильник. Он в шоке поднял взгляд, пялясь на моё лицо, когда я покачала головой, неспособная произнести ни слова. Он знал, и боль разорвала его сердце.

— Небеса, нет!

Он поднял голову и освободил мучительный крик.

Айсдра тоже откинула голову назад, крича небесам.

С берега раздался ответный плач. Собравшаяся толпа заплакала как один, и сего скорбного крика мне не доводилось слышать прежде. Даже со столькими погибшими я не видела подобного горя. Но для крошечного ребёнка из деревни ксиан, эти закалённые воины завывали от горя, и из их глаз брызнули слёзы.

От одного только вида, как Маркус откинул голову назад, как туго натянулись мышцы на его шее, его дикая боль наполнила мою сердце гневом. Я выхватила Миру из рук Айсдры и перевернула, держа под грудью одной рукой.

— Нет, нет, нет.

Я отрицала произошедшее, ударяя её свободной рукой по крошечной спине. Этого не может произойти, я не позволю ей умереть. Богиня, Небеса, заклинаю.

Я била её снова и снова, повернувшись, только когда Маркус подошёл остановить меня, обращаясь к любым силам, что только могли меня услышать, умолая...

Мира задышала.

Я замерла, почувствовав движение в её груди, задержав собственное дыхание, ожидая большего, отворачиваясь от Айсдры, надеясь...

Мира сделала вдох, и моя боль вырвалась из сердца. Чудесный яростный крик устремился в небо.

Айсдра и Маркус тут же оказались подле меня и помогли подняться.

Мира лежала на моём плече, крича, кашляя и плюясь от негодования.

Радостные возгласы раздались с берега, и мы пошли к людям, поддерживая друг друга. Множество рук потянулось помочь нам, таща нас на берег, проявляя огромную заботу, чтобы не потревожить кричащую малышку в моих руках. Как один, мы упали на колени, и все вокруг нас тоже опустились на колени. Я в слезах преклонила голову на плечо Айсдры, Мира продолжала плакать, а люди толпиться вокруг нас.

Мира была разъярена. Её ресницы потяжелели и потемнели от слёз. Кто-то вручил нам сухую ткань, и Айсдра забрала обтереть малышку. Я взяла в руку её холодную ножку, пытаюсь согреть её прекрасные небольшие пальчики, никогда в жизни, так не радуясь детскому плачу. Положив руку на плечи Айсдры, я закрыла глаза, и мы нежно убаюкали ребёнка. Просто малышка, последняя из деревни, чьё имя я не сохранила. Аромат лаванды всё ещё держался на её коже. Так близко, так близко.

Как среди стольких мертвецов может теплиться крохотная жизнь? Все нависали над нами, радуясь спасению ребёнка, почти потерянного для нас. Я хрипло дышала, жалея, что не могу выразить голосом свою радость. Но я была так истощена, что могла лишь прислониться к Айсдре и попытаться задушить свои рыдания.

— Так вот что приносят за собой проклятые, — оборвал голос Ифтена моё горе. Он стоял вне круга скорбящих, положив руки на бёдра. — Грязь этой горожанки угрожает детям.

Маркус впивался в него взглядом.

— Мы не прокляты.

— Прикройся, калека. — Губы Ифтена изогнулись в презрительную ухмылку. — Ты осквернил Небеса и самые воды этого озера.

Я перестала дышать, ожидая вспышки ярости. Но Маркус лишь дёрнулся и осел на землю, прикрывая голову рукой.

— Мы не прокляты, — выплюнула Айсдра. — Это болезнь, как сказала трофей.

По толпе прошёлся шепоток, из ниоткуда бросили плащ. Маркус схватил его и укутался. Он ничего не говорил.

— Как сказала трофей, — передразнил Ифтен, указывая на дым на горизонте. — Сколько же утешения от её храбрых слов. На один труп меньше к её жертвам, а? Ещё один заболевший, чтобы она могла заявлять о своём исцелении?

Маркус вскочил на ноги, но я схватила его за руку, останавливая. Айсдра впилась в Ифтена взглядом, сжимая малышку на плече.

— Я попрошу элементарей защищать остатки этой армии. Вы же можете заниматься своими делами.

Ифтен повернулся и ушёл с гордым видом.

Маркус рухнул обратно на землю, и я наклонилась к нему. Он обернул руку вокруг меня, пряча под свой плащ. Мы долго сидели в тишине, толпа вокруг нас стихла, как будто в шоке.

Тёплые руки коснулись моих ладоней. Я повернула голову и увидела Ортиса на коленях рядом со мной, этого огромного неуклюжего мужчину с низким голосом. Его руки были такими тёплыми по сравнению с моими.

— Жодена здесь нет. Могу я оказать честь?

Я не поняла, о чём он, но Маркус и Айсдра кивнули, поэтому я последовала их примеру. Ортис откинулся на пятки и провозгласил:

— Огонь согревает вас.

Толпа ответила в столь едином унисоне, что у меня встали волосы дыбом.

— Мы благодарим элементарей.

— Земля поддерживает вас, — чуть громче и намного сильнее объявил Ортис.

— Мы благодарим элементарей.

— Вода подкрепляет вас.

— Мы благодарим элементарей, — с запинкой произнесла я.

— Воздух наполняет вас.

— Мы благодарим элементарей.

Ортис встал.

— Мы благодарим элементарей за жизнь этого ребёнка и силу трофея.

Толпа издала крик триумфа и благодарности. Люди встали и пошли к Айсдре, чтобы коснуться ноги или щёки ребенка в знак прощания. Никаких ясных улыбок, но лица многих были полны тихой радости и слезами. Многие также кивали и мне, хотя я слишком оцепенела, чтобы оценить этот жест. И лишь когда толпа рассеялась до нескольких человек, Ортис снова заговорил:

— Вы истощены, трофей. Позвольте нам позаботиться о ребёнке.

— Нужно всё время держать её вертикально, Ортис, иначе её лёгкие наполнятся жидкостью, — посмотрела я на него заплаканными глазами.

Крики Миры стихли, и её кашель сошёл до небольшой икоты. Айсдра держала её на плече, нежно похлопывая по спинке. Кто-то принёс тёплое одеяло, и Маркус тщательно укутал в него малышку. Я плакала, смотря на эту сцену, как Айсдра проверяет, что крошечные ножки Миры защищены от холода.

Мы встали, но когда я потянулась за малышкой, Маркус остановил меня.

— Нет, трофей.

— Вы больны. — Ортис использовал слово ксиан. — О ней есть кому позаботиться, трофей. Забота о ребёнке поднимет наш дух.

Айсдра посмотрела на меня, удерживая малышку в руках.

— Я удостоверюсь, что о ней хорошо заботятся, Лара.

Я кивнула, прикусывая губу, замечая тень боли на её лице. Когда она повернулась, мне удалось прохрипеть её имя, но мне было не в силах высказать свой истинный страх.

— Айсдра?

Она остановилась, но не сразу обернулась. Когда же она наконец повернула голову, то одарила меня мрачной улыбкой.

— Я дала слово, Лара.

Маркус встал и обхватил меня за плечи, а Айсдра и остальные унесли Миру.

Маркус приволок меня в кладовую.

— Раздевайся. Живо снимай мокрое.

Я настолько оцепенела, что могла только стоять столбом.

— Ты тоже промок.

Маркус недовольно пропыхтел:

— Я пошлю за одеждой для нас обоих.

Он высунулся из палатки и позвал кого-то. Я сумела поднять руки к воротнику туники, но остановилась, не в силах пошевелиться. Вошёл Маркус и без лишних слов снял с меня тунику.

— Ты нужна нам живой, трофеей. Больше, чем мёртвым. Возвращайся в командный шатёр. Я вычистил все следы того дурака.

— Я должна быть здесь, Маркус.

Мне была нужна привычная обстановка моих лекарств и трав, безусловно приносящих утешение. Я дрожала, и Маркус стянул одеяло с моей кровати и обернул вокруг меня. Грубая ткань быстро согрела кожу.

Маркус молча снял с меня штаны, а затем усадил на пень, чтобы разуть. Он не давал мне время на смущение, просто с лёгкостью снимал влажные вещи с моих ног.

— Кавадж. Кавадж, суп и сон. Лучшая вещь в вашем состоянии.

Я сильнее укуталась в одеяло, прекрасно понимая, что за хлопотами Маркус скрывает собственную усталость.

— Тебе тоже нужно отдохнуть, Маркус.

— Я не был болен. — Маркус стянул с меня ботинок. — И не планирую. Что подумает Вашество, если увидит вас в таком состоянии?

Слёзы наполнили мои глаза от одной только мысли об этом. Он бы обвинил меня за болезнь малышки, обвинил бы за все это и по справедливости.

— Мы должны послать гонца. Рассказать ему, что произошло, прежде чем кто-то ещё...

— Я уже всё сделал, трофеей, — нежно произнёс Маркус. — Ему расскажут.

У палатки раздался шум, и Маркус кинулся остановить входящего.

— Оставь вот здесь. Забыл про правила трофея о личном пространстве? Не входить без объявления?

Он вернулся со связкой одежды и горячим каваджем. Маркус налил для меня чашку и поставил миску супа. Убедился, что я сделала глоток. Я нахмурилась, глядя на него. Он до сих пор стоял в мокрых доспехах, прилипших к коже.

— Переоденься, Маркус.

— Здесь? — спросил он, странно колеблясь.

— «У вас нет ничего, чего бы я ни видел прежде», — процитировала я его слова.

Он закатил глаза и разделся до туники. Какая же у него бледная кожа. Так необычно, ведь все другие воины, включая Кира, загорели под солнцем. Маркус же был белоснежен, за исключением заживших ожогов, испещрявших кожу. Мышцы тугие, телосложение жилистое. И как много шрамов, больше, чем у Кира. Шрамы воина, который повидал множество битв.

Маркус снял штаны, и я опустила глаза. Я уставилась на кружку каваджа, стараясь не думать о чём-либо. Я видела лишь крошечные холодные кончики пальцев своей руки. Трудно поверить, что малышка выжила. Я закрыла глаза и снова зевнула до хруста в челюсти.

— Суп подождёт.

Маркус забрал у меня кавадж и уложил на соломенный тюфяк. Я так устала, так утомилась, что моему больному телу он показался самой мягкой кроватью на свете. Маркус тщательно укрыл меня одеялом.

Я моргнула и заспорила, но мышцы уже расслабились на тёплом матрасе.

— Я должна проверить лекарства от жара и Рэйфа. Убедиться, как он выздоравливает.

— Отдыхай, трофей. Я смогу присмотреть за парой горшков. И про Рэйфа узнаю.

Я моргнула. Глаза словно засыпало песком.

— Но ты тоже устал.

— Я посплю, как только Айсдра вернётся.

Он переставил пень, чтобы наблюдать за горшками через откидную створку. Я ещё немного поморгала и снова зевнула.

— Маркус?

Он почти развернулся, чтобы видеть меня.

— Что это означает? Когда вы говорите «уйти к снегам»?

Он долго на меня смотрел, а затем снова повернулся к горшкам. Я подумала, что он не ответит, но затем он сложил руки на груди.

— Мы, равнинники, верим, что наши мёртвые путешествуют с нами, скачут подле нас, невидимые и неведомые, но знающие и наблюдающие. Не... не тела, понимаешь? А их...

— Он использовал слово, которое я не поняла.

— Их личность? Душа? — уточнила я, используя слова ксиан.

Маркус заколебался, но кивнул.

— До самой долгой ночи зимой. Ты знаешь эту ночь?

— Зимнее солнцестояние. — Я укуталась сильнее в одеяла. — Самый короткий день, самая долгая ночь.

— Именно. Той ночью мы оплакиваем наших мёртвых, которые теперь свободны уйти к звёздам.

Я подумала об этом какое-то время. Для нас солнцестояние отмечает великую свадьбу Бога и Богини, господина Солнца и леди Луны и Звёзд. Долгая ночь яркого смеха и ликования. Наши люди так отличаются столькими традициями.

Я снова зевнула, что уши заложило. Маркус слегка поёрзал. Свет упал на его левую сторону, где было обожжено ухо.

— Маркус?

Он снова посмотрел на меня хмурясь.

— Ещё не спишь?

— Ты никого не оскорбляешь, знаешь.

На мгновение ему стало очень грустно, но он одарил меня небольшой улыбкой.

— Только в твоих глазах, Лара. Теперь спи.

Я кивнула и закрыла глаза.

— Пожалуйста, Маркус, пожалуйста, скажи мне, что утром всё закончится. Что всё будет в порядке?

Настала очень долгая пауза, и отчаяние сжало моё горло. Но затем раздался его голос, тихий и низкий:

— Наверняка я знаю только одно — солнце встанет вновь, трофей. Я не могу предложить ни больше ни меньше.

Достаточно странное, но это было утешение. Я втянула воздух и провалилась в мир снов.

Я проснулась на рассвете, когда появился усталый Гил, нуждаясь в новых дозах лекарства. Я заплела волосы, постоянно зевая, и отправила Преста принести нам кавадж и еду.

— Когда ты в последний раз ел?

Гил закрыл глаза и зевнул.

— Не знаю, трофей.

Он поставил свою сумку у ног.

Я усадила его на кровать.

— Ну, теперь хотя бы поешь. Скажи мне, как идут дела. Как Рэйф?

Он сделал глубокий вздох и начал говорить. Во-первых, добрые вести: Рэйф пошёл на поправку. Затем он доложил о остальных больных, умирающих и выздоравливающих. Я двигалась еле-еле, чтобы хоть немного занять себя, передвигая вещи на столах, просто слушая, как его голос становится всё медленнее и тише. Это не заняло много времени. К тому времени, как вернулся Прест, Гил крепко спал на моей кровати, забыв про мир вокруг него.

Вошёл Маркус вместе с Престом, который нёс еду. Он посмотрел на Гила и кивнул, расставляя кавадж.

— Ему не мешает отдохнуть.

Прест забрал еду с собой, но Маркус вручил мне кружку каваджа и миску супа и указал на пень. Я села и начала есть, смотря на сопящего во сне Гила. Он выглядел ещё моложе. Взъерошенные рыжие локоны падали на лицо. Мой взгляд стал бродить по палатке и остановился на большой корзине под одним из столов.

Корзина Миры.

Суп во рту тут же утратил вкус, и я с трудом проглотила его, вспомнив произошедшее. Как же я могла забыть?

Маркус последовал за моим взглядом и вздохнул, увидев корзину. Он наклонился и достал её.

— Я должен был сказать. Она в порядке, трофей.

— Ты просто вымотался, Маркус.

Он заворчал, вытаскивая одеяла из корзины.

— Поешьте немного, и мы пойдём её проверим, — угрюмо произнёс он, но я заметила, что он тихонько улыбнулся, сворачивая и разглаживая маленькие одеяла, которые достал из корзины. Несколько лепестков сушёной лаванды упали на землю. Я подняла цветочки и поднесла к носу. Аромат был слишком сладок, и я убрала их. Но можно использовать, чтобы освежить чистые пелёнки.

Раздался шум, мы с Маркусом оба посмотрели на вход. Вошёл Прест с мрачным лицом.

— Прест?

— Вы должны придти, трофей.

— Кто?..

— Военачальник.

Глава 9

— Кир?

С комом в горле я вошла в нашу спальню, пытаюсь привыкнуть к прохладному сумраку. Маркус шёл за мной и остановился позади, пытаюсь перевести дух.

Кир сидел на кровати, понутив голову, опустив руки на колени.

Я резко остановилась. Желудок свело судорогой. Кир поднял голову и слабо улыбнулся. На лбу и щёках блестели капли пота. Я заставила себя выровнять дыхание и спокойно подошла сесть рядом с ним на кровать. В нос ударила знакомая вонь. Я положила руку на лоб Кира.

— Как долго?

— Совсем недавно, — ответил Кир.

— Но только по вашему мнению. — Маркус опустился на колени и начал расшнуровывать сапог Кира. Он рывком стянул сапог, и нога Кира тяжело упала на пол. — Вы изводили себя целыми днями. Кто знает, сколько времени прошло?

Позади нас заговорил Прест

— Я разбужу Ги́ла.

— Нужно сообщить Ифтену, — резко сказал Кир. Я в ужасе посмотрела на него, но он хмуро посмотрел на меня. — После Симуса он второй. Он возьмёт командование на себя.

Прест кивнул и покинул шатёр.

— Стоило убить его, когда он бросил вам вызов, — проворчал Маркус, снимая второй сапог.

— Кто сказал, что это был бы лучший выход? — вздохнул Кир и закрыл глаза.

Я подвинулась к нему и положила руку на плечо. Он посмотрел на меня.

— Лара, я слышал. О малышке. — В уголках глаз появились небольшие морщинки. — Ты теперь воскрешаешь мёртвых?

Я покачала головой, глотая слёзы. Как он мог отшучиваться в такой момент...

Кир откашлялся, стараясь заговорить увереннее:

— Мы должны обсудить, что произойдёт в случае...

— Ничего с тобой не будет, — огрызнулась я, прерывая его речь. — Если Мира смогла это пережить, то и ты сможешь.

Кир усмехнулся, но мне было не до смеха. Я принялась расстёгивать его доспехи дрожащими пальцами.

— Лучший из планов военачальников для всех возможностей. — Он немного помолчал, собираясь с силами. — Я буду готовиться к худшему, да? Тогда этого не произойдёт.

Я стянула его тунику через голову. Тёмные волосы взъерошились и спутались. Я пригладила их пальцами, чувствуя тепло, исходящее от влажной кожи головы. Он схватил мою ладонь и поднёс к своей щеке.

— Если мне станет совсем плохо, я хочу, чтобы ты покинула этот лагерь, до того как я испущу последний вздох.

— Я не оставлю тебя, — прошептала я.

— Упрямая. Такая упрямая. — Он закрыл глаза на мгновение и провёл моей ладонью по щеке.

— У тебя болит голова.

Я наклонилась вперёд, видя боль в чертах его лица. Он тихо согласился.

— Мы уложим тебя в кровать и дадим сон-траву. Она снимет головную боль.

— Сначала я должен поговорить с Ифтенем и Айсдрой.

Кир попытался подняться, чтобы помочь Маркусу снять с него штаны, но его руки дрожали от напряжения. Маркус ничего не ответил, просто занимался своим делом. Когда всё было готово, я подняла одеяло. Кир откинулся на спинку кровати и потянулся положить оружие в пределах досягаемости.

Прежде чем я успела что-либо сказать, Маркус накрыл руку Кира своей ладонью. На лице Кира отразилась боль, когда он понял, что нужно сделать. Маркус что-то пробормотал, и Кир, казалось, успокоился, убрав руку подальше от мечей. Голубые глаза, заволочённые пеленой лихорадки, наблюдали, как Маркус покинул шатёр.

Кир поморщился.

— Свяжи меня.

Я села на край кровати и положила ладонь ему на лоб. Жар становился сильнее.

— Пока рано, Кир.

Кир вытащил голую руку из-под одеяла, обвинил меня и потянул к себе на грудь. Я не сопротивлялась, наслаждаясь его близостью.

— Итак. Ты проклят, — раздался самодовольный голос позади нас.

Я повернула голову и увидела Ифтена, а за ним Айсдру и Гила. Айсдра уставилась в затылок Ифтена, Гил тоже выглядел недовольным. Я медленно поднялась, тревожась, что подставила спину этому мужчине. Ифтен стоял и светился от ликования, даже не скрывая свой радости.

Кир сидел с закрытыми глазами, его волосы прилипли к голове. Он даже не потрудился открыть глаза.

— Ифтен. Пока я болею, командуешь ты.

— Но не в этой палатке, — зарычал Маркус, выбегая из своей половины с ведром холодной воды и полотенцами.

Ифтен выстрелил в него полный ненависти взгляд.

— Как будто мне нужна эта палатка, кале... — он осёкся и прицепил на лицо довольную усмешку. — Ничего не бойтесь, военачальник. Я призову военных командиров и сообщу им о вашем состоянии.

Он повернулся и оттолкнул Айсдру.

— Постой, Ифтен, — огрызнулась я.

Да как он смеет относиться к Киру подобным образом?!

Ифтен остановился и медленно повернулся.

— Да?

— Вы можете позвать их, но с ними буду говорить я.

В карих глазах Ифтена мелькнула ярость.

— Я второй.

Я выпрямила спину и смила его взглядом.

— Я трофеем, Ифтен.

Глаза Ифтена были полны ненависти, но он склонил голову, повернулся и вышел, расталкивая остальных.

— Да проклянут его элеменетали, — пробормотал Маркус.

Айсдра кивнула, вошла вместе с Гилом. Гил пошарил в сумке, доставая вещи, которые нам потребуются.

— Это не колдовство или проклятие, — мягко напомнила я. — Это болезнь.

Взяв холодную ткань, я снова села и начала вытирать брови Кира.

Кир повернул голову и открыл глаза посмотреть на меня.

— Певцы будут прославлять моего трофея тысячу лет вперёд, — сказал он, схватив меня за руку.

Его глаза блестели от жара. В моей груди зашевелилось чувство вины. Скорее всего, я буду известна как женщина, которая своим высокомерием и гордыней погубила целую деревню и армию.

— Нет. Не будут.

Гил протянул мне чашку с сон-травой, но Кир оттолкнул её и повернулся к Айсдре.

— Я не имею права просить тебя об этом, но попрошу. Не как военачальник, а как друг. Пожалуйста...

— Вам нет необходимости просить, — прервала его Айсдра, положив руку на рукоять меча. — Я отведу её в безопасное место, прежде чем отправлюсь к снегам.

— Как и я, — добавил Маркус.

— Как и я, — повторил Гил дрожащим голосом.

Кир странно на него посмотрел.

— Нет, военачальник, я понимаю. Лучше, чем вы думаете.

Кир кивнул.

— Моя благодарность.

Больше ничего не было сказано, и, забыв про замешательство, я протянула Киру чашку трясущимися руками. Я помогла ему, и он быстро выпил лекарство, сморщившись от его вкуса. Это пробудило давнее воспоминание.

Кир улыбнулся мне и сказал:

— Я смогу победить этого врага.

Желчь поднялась в горле, так как он повторил слова Эпора. Я резко подняла и увидела глаза Айсдры, в которых читался тот же ужас, что и в моих. Но другие ничего не знали, и мне удалось скрыть страх, прежде чем все бы увидели. Кир расслабился, отдавая себя во власть сон-травы.

— Трофей.

Я склонилась над ним.

— Кир?

— Как военачальник и повелитель Кси я приказываю повиноваться моей воле. Возвращайся в город Водопадов.

Я опустила губы к его уху.

— Огонь моего сердца, есть только один способ заставить меня повиноваться твоему приказу.

Он слегка повернул голову, его глаза затуманились. Но я увидела в них невысказанный вопрос.

— Живи.

Пьянящее чувство власти, что было у меня несколько дней, сменилось пронизывающим до костей ужасом. Военные командиры или их представители смотрели на меня в ожидании решения, которое повлияет на всю армию. Груз ответственности давил на меня, а ведь Кир носил его на своих плечах каждый день. Я попросила придти Жодена, надеясь, что его присутствие мне поможет. Но он стоял в стороне, уперев взгляд в землю перед собой.

Ветер дунул волосы мне в лицо, и я убрала их рукой. Мы стояли за пределами командной палатки, образовав свободный круг из стольких командиров, скольких смогли собрать. Ифтен держался в стороне. Прест стоял за мной, как и Айсдра. Я настояла, чтобы мы встретились здесь, потому что не хотела беспокоить Кира, но также, чтобы он не попробовал принять участие. Ему нужны все силы, чтобы бороться с болезнью. Маркус остался с Киром.

Я стояла, замерев от страха, перед ними. Зубы жевали нижнюю губу, но я остановила себя. Мне нужно быть уверенной и сильной перед этими командирами. Или, по крайней мере, так выглядеть. Почему я не спросила Маркуса кому можно доверять, не уделила этому больше внимания во время сенелей?

Я сумела убедить совет Кси, что статус военного трофея лучше для моей страны и меня лично. Но я понимала мотивы и желания членов совета и успела многое узнать достаточно быстро, чтобы привести сильный аргумент. Но я чувствовала себя потерянной в военной обстановке. Что я знаю о военной иерархии? Кто за что отвечает? Я проклинала себя за глупость и пообещала уделять подобному больше внимания в будущем.

Если оно только у меня есть.

Мне вручили кавадж. Всё было подано, и теперь взоры присутствующих обратились ко мне. Наступила тишина.

Благословенная Богиня, пожалуйста, помоги мне.

Я начала, как начал бы Кир.

— Военачальник заболел. — Никто не удивился, поэтому я сделала вдох и продолжила: — Мы должны изучить состояние армии и понять, что нужно сделать. Где Сэл?

Вперёд вышла женщина и склонила голову.

— Трофей, Сэл заболела, но уже идёт на поправку. Она передаёт свои извинения. Я Телси. Запасы ещё есть, но я боюсь, мы близко к полной зачистке района.

Она начала вдаваться в детали, и я благословила драгоценные моменты, которые она дала мне на размышление. Я как ни в чём не бывало окинула взглядом присутствующих, но совершенно не помнила ничего ни о ком. Меня охватила паника, но затем я увидела перед мысленным взором мастера Эльна в кладовой, помешивающего горшок.

— Если бы королевство заболело, что бы ты сделала?

— Что?..

— Если бы слабое и больное королевство каким-то образом занесло в клинику, что бы ты сделала первым делом?

Я бы изучила симптомы и поставила бы диагноз. Я заморгала, раздумывая над этим. Нужно определить степень и характер заболевания, чтобы его вылечить.

Я перевела взгляд в сторону, где стоял Ифтен с самодовольным выражением лица. Несомненно, из всех командиров он самый больной, его ненависть к Киру сочится, заполняя рану гноем. Уэсрен стоял рядом с ним, плечом к плечу. Он тоже болен, но не так сильно. Скорее Уэсрен просто согласится со всем, что скажет Ифтен, но не станет в открытую перечить Киру.

Что-то ослабло в моей груди. Я справлюсь.

Телси закончила доклад.

— Мы продержимся ещё несколько дней, но Сэл интересуется вашим советом, когда она сможет выслать охотничий отряд дальше.

— Спасибо, Телси, — сказала я, и она склонила голову с улыбкой. Я решила счесть это знаком поддержки и собрала силу.

Вперёд вышла Арет и склонила голову.

— Табуны здоровы, трофеев, у лошадей много корма и воды. Мы постоянно за ними наблюдаем. Нет ни единого знака, что их коснулась «болезнь».

Я улыбнулась ей, но она лишь наклонила голову и снова отступила назад. Я приняла это за нейтральную позицию. Я была рада услышать её доклад; мне и в голову не приходило беспокоиться о лошадях, но мне стало лучше, что вороная Кира и моя гнедая в безопасности.

Вышел Уэсрен и быстро заговорил, не глядя на меня.

— Лагерь держится, как мы и ожидали, но, боюсь, могут возникнуть проблемы, если мы задержимся дольше.

Он отступил назад и бросил взгляд на Ифтена, ища одобрения.

Ничего удивительного, он прочно завяз с ним.

Ортис вышел вперёд и склонил голову.

Он прогрохотал:

— Мои разведчики рассредоточены, как приказано, и дежурят по периметру. Никаких проблем, никаких появлений любого потенциального противника.

Я вспомнила его по церемонии Миры и понадеялась, что не вообразила поддержку на его лице, когда он отступил назад.

Встали Юзайна и Цор. Оба глянули на Ифтена, перед тем как вышел Цор и сказал:

— Особо нечего докладывать, трофеев, поскольку наши обязанности касаются армии на марше. — Цор посмотрела на Юзайну, которая пожала плечами. — Мы помогаем больным на берегу.

Я кивнула им обоим, и Цор отступил назад. Я не была уверена, но у меня сложилось впечатление, что они оба выжидают перед принятием решения. Зачем показывать поддержку Киру, если он умирает? Я с трудом проглотила ком в горле.

Затем вперёд вышел Йерс и склонив голову.

— Воины поддерживают дисциплину...

— Пока что, — прервал его Ифтен.

Йерс бросил на Ифтена яростный взгляд, но я заговорила первой:

— Тогда продолжим в том же духе. Кир поправится через несколько дней.

— А если нет? — спокойно спросил Ифтен.

Я проигнорировала его вопрос.

— Я позабочусь о Кире с помощью Маркуса. Гил позаботится об остальных. Приходите ко мне с любыми вопросами, но большую часть своего внимания я уделю Киру.

— Какой сюрприз, вы бросаете всех ради военачальника.

Я сосредоточилась на остальных в этот момент. По большей части, казалось, что я права в своём диагнозе. Телси, Йерс и Ортис глянули на Ифтена исподлобья, но Уэсрен, Юзайна и Цор определённо задумались над его словами. У Арет было странное выражение лица, как будто она пребывала в нерешительности.

Я захотела отвесить пощёчину по этому самодовольному лицу и заставить Ифтена забрать назад каждое его липкое уродливое слово. Хвала Богине, Маркус в палатке с Киром. Он бы погрузил кинжалы в грудь этого мужчины. Я еле сдержала свой нрав, прикусив щёку.

— Я никого не бросаю. Он — военачальник, а я его военный трофей. Моё место подле него.

— Ты трофей, только пока он жив, ксианка.

Все присутствующие застыли от обиды, но я проигнорировала его слова.

— Ты второй, Ифтен. Но я трофей.

Он склонил свою красивую светлую голову, не скрывая ухмылки.

— Как скажешь, ксианка. Но как второй, я должен вернуться в свою палатку и уберечь себя от заразы, которую ты принесла нам. Когда понадобится лидер, я буду готов.

Он развернулся и ушёл без лишних слов.

Наступила гробовая тишина. Военные командиры переглянулись, но я выучила одну вещь от Кира. Я не допустила ни единого комментария и распустила остальных.

— Спасибо всем за доклады. Я сообщу, когда Кир пойдёт на поправку.

Возникла пауза, и я задержала дыхание, но потом Арет вернула кружку и ушла. Остальные последовали её примеру, остался лишь Жоден и Йерс. Гил быстро выскочил из шатра. Наверное, он подслушивал.

Айсдра наблюдала, как Ифтен исчезает в своей палатке.

— Он слишком много себе позволяет, раз Кир не может его урезонить.

Гил сжал зубы.

— Он отказывается от военного трофея, а наверняка сам тайком пьёт её лекарства.

— Но разве неправда, что нам нужен здоровый лидер, готовый вести нас? — спросил Жоден. — Если Кир умрёт, нам понадобится человек, который будет руководить этой армией.

Йерс бросил на него испытующий взгляд.

— Ты встал на сторону Ифтена?

Жоден глубоко вздохнул.

— Я не питаю любви к Ифтену. Но не позволяйте вашей предвзятости не увидеть его действий. Возможно, он действует из мудрой предосторожности, учитывая то, как обстоят дела.

Как обстоят дела. Оттуда, где мы стояли, я ясно видела берег озера. Люди полностью погружались в воду в отчаянной попытке сбить жар. Я немного посмотрела на них, а затем задала вопрос, на которой в действительности не хотела получить ответа.

— Как дела? — спросила я, поворачивая голову, чтобы сосредоточиться на Гиле.

Гил нервно переступил с ноги на ногу, поправляя лямку сумки и смотря по сторонам, но только не на меня.

— Правду, Гил, — наредила я.

— Скажи ей, — приказал Йерс.

Гил тяжело вздохнул:

— Смерти продолжают. Примерно один убитый на каждые десять больных.

Я подняла глаза в направлении деревни, где в небо поднимался чёрный дым. Каждый десятый в многотысячной армии.

— Но, трофей, по-моему, в последние несколько часов стало меньше новых больных, — быстро заговорил Гил, стараясь меня утешить.

Йерс кивнул.

— Согласен. И все воины помогают больным. Будем бороться дальше, трофей.

— Жоден, — обратилась я к крупному мужчине с угрюмым и неулыбчивым широким лицом. — Ты продолжишь работу Кира? Сохранишь их дух и разум сосредоточенным, как это делал он?

Жоден помолчал мгновение, уставившись на береговую линию. Он заговорил, но не смотря мне в глаза:

— Я отказываюсь, трофей. Моё место среди мёртвых.

— Я возьму эту задачу на себя, трофей. — Йерса охватило неловкое молчание от его слов. — Она и так должна быть моей, раз я третий Кира.

Я кивнула, и оба ушли. Жоден так и не взглянул на меня.

— Никогда бы не подумал, что стану свидетелем подобного.

Голос Гила вырвал меня из раздумий.

— Такое бывает только раз в жизни, — ответила я.

— И одного раза достаточно, трофей, — глубоко вздохнул Гил и поправил лямки. Он тревожно смерил меня взглядом. — Не забывайте есть и отдыхать, трофей.

Прест фыркнул, и я засмеялась вслух над долговязым парнем с рыжими локонами, веснушками и таким серьёзным лицом, которое теперь выглядело обиженным. Казалось, он пытался походить на Маркуса. Мой ученик, он узнал так много и так быстро за столь короткое время, что мы были вместе. Он вырос на моих глазах, внезапно повзрослел и приобрёл уверенность, которой раньше у него не было.

— Конечно, Гил.

— Не забудьте, — насупился он.

— Обещаю.

А затем он усмехнулся, как ребёнок.

— Прест, я хочу, чтобы ты помог Гилу. Обязательно проверяйте Рэйфа.

Прест нахмурился.

— Ты сделаешь больше добра больным. Со мной останутся Айсдра и Маркус.

Прест лишь пожал плечами в ответ.

— Очень хорошо, трофей. Зовите, если понадобится помощь.

Все наши с Маркусом усилия пропадали даром. Жар Кира то рос, то спадал, но каждый раз становилось всё хуже. Мы прекрасно знали, что придёт время, когда его нужно будет связать, но оба откладывали этот момент, ради нас и ради него. Айсдра ничего не говорила, но я видела, что она готовит кожаные ремни, установив их вне взора Кира, но так, чтобы его можно было быстро обездвигить.

Пот катился с Кира градом. Я устала менять ему бельё, лишь обтирала, сосредоточившись на груди и конечностях, стараясь сбить жар, как только было возможно.

Вместо розового масла я использовала драгоценную ваниль. Больше для себя, чем для удобства Кира. Розовое масло вызывало слишком много воспоминаний о болезни отца и его смерти. Ваниль же успокаивала, и какой редкой она бы ни была, я не смогла придумать ей лучшего применения.

— Я впервые увидел тебя в саду, — прошептал он мне на ухо.

— Что?

Я вздрогнула и посмотрела в эти голубые глаза, ясные... в первый раз за несколько дней. Он уставился на меня на мгновение, а затем его веки опустились. Он попытался поднять руку с кровати, и я схватила её и прижалась к ней.

— Кир?

— В тот вечер, когда ты помогла Симусу.

Его слабый голос дрогнул, но глаза снова открылись. Я опустилась на колени рядом с кроватью, прижала его холодную ладонь к моей щеке. Он с усилием сосредоточился на моём лице.

— Я был в саду замка.

Я не знала смеяться мне или же плакать.

— Так это был ты? — Я села на край кровати. — Я думала, мы встретились на рынке.

Уголок его рта чуть изогнулся вверх. Даже несмотря на болезнь он был горд собой.

— Узнал, что Симус ранен. Пытался найти его.

Он повернул ладонь, чтобы провести пальцами по моей щеке.

— Ты взял на себя страшный риск.

— Небо благоволит смелым.

В его глазах зажёгся огонёк, взгляд маленького мальчика, которому шалость сошла с рук. Я ничего не смогла с собой поделать, но улыбнулась в ответ и запустила пальцы в волосы. Густые локоны слиплись от пота, и я убрала прилипшие пряди с его влажного лба.

Кир посмотрел на меня, глаза ярко блестели.

— Ты шла по дорожке с корзинкой и кувшином. А затем я увидел, как ты командуешь остальными и заботишься о Симусе.

Кир слегка усмехнулся, переводя дыхание. Я прижала пальцы к его губам, чтобы остановить его, но он отвернул голову.

— Я был рад, что ты предупредила охранников. Иначе я мог бы кинуться в палатку на крики Симуса. Казалось, его убивают.

Я улыбнулась при этом воспоминании.

— Потребовалось много мужчин, чтобы его удержать. — Я слегка нахмурилась. — Я тебя не видела.

Его лицо приняло такой самодовольный вид, что я рассмеялась вслух. Вошёл Маркус с широко раскрытыми глазами. Но Кир сосредоточился только на мне.

— Когда Жоден пригрозил тебе, то я решил тебя убить, когда ты выйдешь.

Я моргнула. Маркус разразился лающим смехом и поставил ведро с чистой водой рядом со мной. Кир не видел нас, его взгляд был сосредоточен на чём-то ином.

— Я пошёл за тобой по тропинке. — Он слегка шевельнул рукой и коснулся моих волос. — Ты остановилась у куста роз, точно дух воздуха, наполовину скрытая в тени, наполовину освещённая звёздным светом, и оглянулась по сторонам. И когда ты подняла руку и пригладила волосы... — пальцы Кира нежно потербели один из моих локонов, — Я захотел тебя прямо на месте.

Я посмотрела на него, и мои глаза наполнились слезами. Маркус ушёл, оставляя нам наедине. Я наклонилась и слегка поцеловала Кира. Он слабо улыбнулся и закрыл глаза.

— Устал.

— Спи, мой Кир.

Я положила его руку на его грудь и прополоскала ткань в свежей воде. Он слегка кивнул и вздохнул, когда я вновь принялась его обтирать.

— Айсдра?

Маркус ненадолго покинул нас, бормоча что-то о приготовление бульона. Кир спал, свернувшись в центре кровати. Айсдра и я дежурили в углу, разливая лекарство в небольшие баночки. Воины готовили его под пристальным взглядом Гила.

Айсдра приподняла бровь, ожидая моего вопроса. Я зашептала:

— Что значили те слова ранее? Когда Гил сказал, что понял больше, чем знает Кир.

Айсдра сосредоточила взгляд на лекарстве, как если бы было жизненно важно, чтобы её работа выполнялась по неким требовательным стандартам.

— Я поняла, что ты имела в виду, когда сказала, что хочешь отвести меня в безопасное место, прежде чем направившись к снегам. Но почему Маркус и Гил так ответили?

Я не верила, что она мне ответит, и она действительно долго молчала. Но я просто перемолчала её, дожидаясь ответа.

Наконец она вздохнула:

— Лара, если Кир умрёт, следующим будет Маркус.

Я немного посидела в тишине, зачерпывая густой жар лекарства.

— Из-за шрамов?

— В Равнинах калеку считают немощным и бесполезным. Неудобным элементариям. Обычно его лишают жизни.

Айсдра отставила полную банку в сторону и потянулась за другой. Мы больше не удосуживались их запечатывать.

— Он не бесполезен и никого не оскорбляет, — огрызнулась я. — Глупо думать иначе.

— До этой кампании я бы не согласилась с тобой, — ответила Айсдра. — Но узнав Маркуса, увидев его ценность, я...

Она пожала плечами.

— Но Гил-то здоров. Почему он?

— Гил публично объявил о своём желании учиться целительству, тем самым отвергнув наш образ жизни на глазах всех командиров, — напомнила мне Айсдра, внимательно смотря на меня. — Я не была уверена, что он понял, что сделал, но видимо он прекрасно всё понимал. Смелый ход, по-своему.

— Так он пострадает, если Кир... — я не смогла заставить себя закончить мысль.

Айсдра продолжила работать в тишине, но мне нужно было хоть о чём-то поговорить:

— Айсдра. А как Мира?

Она остановилась.

— Хорошо, трофей. — Её голос был спокойным, но ложка с лекарством вылилась на бок фляги. Айсдра посмотрела на Кира с болью в глазах. — У неё более чем достаточно тхиэ. Переживайте больше за своего военачальника.

Она потянулась за тряпкой.

— Я сама всё доделаю. Поспите, — хрипло добавила она.

— Последний сушёный эхат, — сказал Маркус. — Я хранил его до этого момента. Не использовал по пустякам.

Его голос был строг, но Маркус нежно придержал Кира и поднёс к его губам миску с бульоном, терпеливо ожидая, когда Кир начнёт пить небольшими глотками. Не быстро, но Кир смог выпить всю чашку.

В конце концов, Кир закрыл глаза и облизал губы.

— Это была хорошая охота.

— Одна из лучших, — мягко согласился Маркус.

— Ещё?

Кир покачал головой и поёжился. Маркус набросил одеяло на его плечи, а затем повернулся ко мне.

— Трофей? Могу я предложить и тебе чашку? Не могу же я расстраивать малого, а?

Я с толикой любопытства приняла угощение и сразу же узнала вкус. Тем же самым бульоном он кормил меня ночью, когда Кир унёс меня из тронного зала.

— Маркус, что это такое?

— Эхат.

— Что такое «эхат»? — спросила я, делая ещё глоток.

Кир слабо усмехнулся с постели. Маркус подарил мне небольшую улыбку.

— Животное Равнин, трофей. Яростное, с огромными рогами и сладким мясом. Выше крепкого мужчины и опасное для охоты. Вашество славится мастерством в планировании охоты на эхатов.

Дрожащий под одеялами Кир бросил на нас самодовольный взгляд, но тот быстро потух.

— Становится всё хуже.

Я села на кровать и погладила его лицо.

— Кир, ты...

— Нет. — Он покачал головой. — Каждый раз мне всё труднее... я бы умер, если бы причинил тебе боль.

Я запротестовала, но Маркус принял решение за меня.

— Я приведу Айсдру.

Он покинул шатёр.

— Лара, я... — Кир с трудом сглотнул, его глаза заволокло пеленой, взгляд стал потерянным.

— Я здесь, любимый. Ты не один, Кир.

Я повернулась, чтобы видеть вход в палатку, и притянула его к себе, чтобы он мог положить голову мне на колени. Он кивнул с закрытыми глазами. Вошли Айсдра и

Маркус. Айсдра достала спрятанные ремни. С мрачными выражениями лиц они принялись выполнять задание.

Кир был прав. Вскоре начался бред. Кир стал кричать и вырываться.

Маркус спал, а Айсдра носила воду, когда у меня заканчивались чистые тряпки. Кир находился без сознания, пот начал заново проступать, а запах стал таким ужасным... я воспользовалась моментом, чтобы выскользнуть в кладовую и вернуться с горсткой лаванды.

Я вошла в спальню и увидела Ифтена, стоящего над Киром с кинжалом в руке.

Глава 10

Я уронила вещи, забыв закричать от шока.

Кир лежал без движения, по-прежнему находясь без сознания, привязанный к кровати, беспомощный. Ифтен повернулся ко мне и засмеялся, пряча кинжал в ножны.

— Подумала, я решил стать главным, убив его?

Я кивнула.

Ифтен рассмеялся, резко и жестоко.

— Зачем совершать то, что элементали сделают за меня, а?

Я сделала шаг вперёд — гнев пересилил страх.

— Он не умрёт.

— Но ты не можешь знать наверняка, маленький целитель? — поиздевался он надо мной. — Ты претендуешь на власть исцелять всех.

— Я никогда ничего подобного не говорила, Ифтен.

Я подошла ближе к кровати, бросив косой взгляд на Кира и убедившись, что он не пострадал. Но я не могла надолго оторвать глаза от Ифтена. Ох, где же Айсдра?

Ифтен скрестил руки на груди.

— С его последним вздохом изменится твой статус, ксианка. Ты станешь ничем. Я же должен буду вернуть армию на Равнины и отчитаться о его неудачи. А с приходом весны я выиграю поединки и вернусь в эту долину в качестве военачальника и...

— Кир не умрёт. Оставь нас.

Я почти решилась кричать, чтобы привлечь внимание. Но что подумают о сжавшемся от страха трофее? Я стиснула зубы.

Ифтен раскрыл руки, как будто предлагая мир.

— Это ты должна нас оставить. Уезжай, возвращайся к своему народу. Всё будет, как было. — Его голос был ровным и уверенным, как будто он предлагал дружеский совет. — Незачем подвергать себя опасности. Незачем подвергаться нападениям, как на рынке. Незачем противостоять старейшинам и воинам-жрецам.

Его лицо изменилось, и мне пришлось приложить усилие, чтобы не попятиться.

— Уходи, ксианка. Предупреди свой народ об армии, которая придёт весной грабить и...

Что-то сломило страх в моей душе. Я подошла к Ифтену быстрыми шагами, яростно подняла кулак и закричала на пределе лёгких:

— Будь ты проклят, брэгнект. Да не примет небо твоё дыхание!

У Ифтена расширились глаза, и перехватило дыхание. Его рука легла на рукоять меча.

Я кинула на него свирепый взгляд, сделала ещё один шаг вперёд и стукнула кулаком по лицу.

— Да осядет земля под твоими ногами.

Снаружи кто-то ахнул, но это меня не остановило.

— Да не примет огонь твоё тепло, и иссохнет вода в твоей руке.

Ифтен не достал меч. Его лицо побледнело. Он быстро отступил назад и вывалился в общий зал, направляясь к главному выходу. Пока он отступал за полог, я шла прямо на него.

— Да отринут тебя элементали и саму твою суть!

Маркус и Жоден стояли снаружи с глазами как блюдца. Остальные же в пределах слышимости в ужасе повернули к нам лица. Я просто продолжила прожигать Ифтена глазами и сделала ещё один шаг, тыкая пальцем в его грудь.

— Да сгниют твои яйца, как фрукты на солнце, а мужское достоинство увянет на корню!

Я плюнула в землю перед ступнёй Ифтена и без лишних слов ушла обратно в палатку.

К тому времени как Маркус и Жоден вошли в палатку, я спокойно сидела возле Кира, обтирая его грудь водой, к которой добавила травы.

Первым тихо заговорил Маркус:

— Трофей? Откуда ты узнала такое проклятие?

— Услышала от кого-то? — предположил Жоден.

— Как? Когда? Никто бы не смог произнести подобного в её присутствии без моего ведома. И никто бы не смог так выругаться в этой армии, чтобы я про это не прознал.

— Я сама его придумала, — спокойно ответила я. — Он стоял такой напыщенный, пустословил об элементах и хвастался тем, что собирается сотворить со мной, что я просто вышла из себя.

— Сильное проклятие, трофей, — с ноткой гордости произнёс Маркус.

— Мне всё равно, главное, чтобы он держался подальше от меня и Кира.

— Этого не бойся, Лара, — сухо добавил Жоден.

— МАРКУС!

Дикий окрик вырвал меня из крепкого сна.

Кир сорвал один из ремней и свободной рукой сражался с человеком, которого сам же и звал. Я подошла и пощупала лоб Кира. Маркус рычал от усилия, делая всё возможное, чтобы удержать свободную руку Кира.

— Нам нужна помощь! — крикнула я.

— Помогите ему, уроды! Он горит, о Небо, он горит! — кричал Кир, натягивая мышцы шеи от напряжения.

— Они точно вас слышали, — пробормотал Маркус, придавливая руку Кира к кровати.

— Кир, это Лара. Всё в порядке...

Кир напряг ремень вокруг второго запястья. Он опять закричал, зовя невидимую помощь.

— Воды! Облейте его водой, несите вёдра... — Кир расслабился на минуту и застонал, как будто в печали. — Ухо, его ухо.

Я взглянула на Маркуса и поняла, какие события переживает сейчас Кир.

Голос Кира стих от утробного рыка:

— Будь ты вечно проклят в снегах, воин-жрец. Он будет жить, и я буду бороться с тобой до последнего вздоха, слышишь меня? — Он запрокинул голову на спинку кровати.

— Исцели его сейчас же, иначе я убью тебя.

— Вот значит, как всё было? — прошептала я.

— Не знаю, трофей. Я ничего не помню из того времени, — мрачно произнёс Маркус.

— Где эти дураки?

Он посмотрел на вход, потом обратно на меня и прорычал:

— Не заикливайся на этом. Он позвал меня из снегов. Я ответил. Больше нечего обсуждать.

— Бойся того дня, когда Кира из рода Кошек назовут повелителем войны, — провыл Кир.

Прест, Айсдра и, к моему удивлению, Рэйф ввалились в шатёр. Айсдра бросилась помогать Маркусу. На слове «повелитель войны» все дёрнулись от удивления, но лишь на мгновение. Маркус кинулся к Киру и прижал пальцы к его губам.

— Военачальник, враг рядом. Молчи.

Остальные обменялись обеспокоенными взглядами. Я открыла рот, чтобы расспросить их, но Маркус перехватил мой взгляд и покачал головой, прижимая палец к губам. Я с трудом подавила любопытство.

— Рэйф, ты достаточно оправился, чтобы быть на ногах? — спросила я.

— Достаточно, трофей, — слабо улыбнулся он. — Кажется, я не так сильно заболел, как остальные. Меня даже не понадобилось купать в озере.

Я нахмурилась, рассматривая его. Он потерял вес, под глазами появились мешки. Уверена, он слишком перетруждал себя, но сейчас мне нужно было побеспокоиться о другом.

Кир замолчал, всё ещё находясь в плену лихорадки. Остальные начали заново его привязывать к кровати, но я их остановила.

— Прест, зови Гила. Пора.

Я последовала за ними вниз к берегу. Луна освещала нам путь.

Гид, Прест, Маркус и Айсдра несли Кира, который вырывался из их рук. Маркус настоял связать Кира, чтобы отнести его к воде, и оказался прав. Они опустили его на берег, чтобы самим раздеться. Когда же они снова подняли его, я последовала за ними прямо в воду, стискивая зубы от холода.

Я поддерживала его голову, выливая воду на лоб. Его бронзовая кожа выглядела такой бледной, а волосы тёмными. Он не открыл глаза, но приоткрыл губы, и я влила воды в его рот, вспомнив, какой сладкой она казалась, когда я сама была в таком же положении. Остальные проводили тот же ритуал очищения, что я слышала тогда в бреду.

Я опустилась на колени и прошептала его имя на ухо. Лёгкий поворот головой, и я поняла, что привлекла его внимание.

— Борись, любимый. Помни, что ты мой военачальник, Кир из рода Кошек. Ты мой, и я твоя. Борись за нас, огонь моего сердца.

Кир моргнул, но не подал другого знака.

Его опускали и поднимали, позволяя воде и лёгкому ветерку сбить жар тела, доводя до состояния, когда он начал дрожать от холода. Затем мы отнесли его обратно в палатку. Рэйф уже поджидал нас, согрев кровать с помощью камней. Он разрезал кинжалом путы Кира, остальные собрали высохшую ткань.

Обтерев Кира, мы укрыли его тёплыми одеялами и напоили бульоном. Он выглядел таким бледным, таким неподвижным. Моё сердце было готово выскочить из груди, хотя его пульс уверенно бился под моими пальцами.

К моему удивлению, Кир открыл глаза, как только мы уложили его на кровать. Они были поддёрнуты пеленой из-за дрёмы. Он шевельнул пальцами, и я взяла его за руку. Она была такой холодной, что я села на кровать и постаралась её растереть.

— Снимите мокрую одежду и поспите хоть немного, — подошёл ко мне Маркус и положил руки на мои плечи. — Я отослал остальных отдыхать.

— Тебе сон нужен больше чем мне, Маркус. Я переоденусь и буду дежурить первой.

Маркус вздохнул, но не стал спорить.

Сон скольких больных я охраняла за всю свою жизнь? Больше, чем могу сосчитать или запомнить. Однако в этот раз всё было по-другому.

Эльн учил меня, что хороший целитель остаётся бесстрастным. Непредвзятым. Я старалась следовать его учению и вылечила большую часть своих пациентов.

Но с отцом всё было по-другому.

Как и с Киром.

Болезнь отца протекала долго и медленно, а смерть стала освобождением. Но Кир был сильным воином в расцвете сил, и мои эмоции сменялись от отчаяния к надежде и обратно. Я сделала всё, что знала, чтобы спасти его, и теперь его жизнь лежала в руках Богини. Я могла лишь сидеть и наблюдать за ним, чувствуя каждый его вдох, словно собственный. Прошли часы, Кир всё ещё спал, жар не возвращался. В палатке тускло горел свет, жаровни давали тепло.

Маркус свернулся калачиком на тюфяке в изножье кровати. Я постоянно проверяла, что он спокойно спит, а на его изрезанном шрамами лбу не выступил пот. Благодаря ему всё нужное было у меня под рукой, в том числе кувшин каваджа, густого точно тина. Оставалось только ждать и наблюдать.

Наблюдать и переживать.

Что произойдёт, если Кир умрёт?

Что будет со мной? Остальные пообещали вернуть меня домой, в безопасный замок в городе Водопадов. После угроз Ифтена я прекрасно понимала, что мечта Кира об объединении наших народов умрёт вместе с ним.

Но, Богиня, прости меня, я беспокоилась не о судьбе нашего народа. Смерть Кира разобьёт моё сердце. Оно исчахнет. Теперь я понимала боль Айсдры и освобождение, которое она искала.

Я покраснела, стыдясь своей прошлой просьбы. Жрецы Бога, Повелителя Солнца, осуждают самоубийство. Но моя собственная боль открыла мне истину: как только Кир испустит последний вдох, я смогу наложить на себя руки.

Прошёл ещё час, но Кир дышал ровно. Я возблагодарила Богиню за каждый его вдох.

Я пыталась вспомнить, что Кир рассказал мне о гармонии элементов в теле, в ночь, когда утешил меня после того, как Ксиманд сжёг мои книги. Кожа Кира всё ещё казалась холодной, но, возможно, мне это чудилось из-за страха. Я держала его правую руку в своих ладонях и начала гладить её, медленно двигаться по каждому пальцу, проводить кончиками ногтей по его ладони. Я попыталась вспомнить, что именно говорил мне тогда Кир.

— Дыхание сделано из воздуха и расположено в правой руке, — прошептала я, продолжая свои действия, пока тепло не вернулось в его руку.

Затем я взяла его за левую ладонь и повторила то же самое, пока кожа не стала тёплой и розовой.

— Душа сделана из огня и расположена в левой руке.

Кир, казалось, задышал легче. Я засунула его руки под одеяло и потянулась к изножью согреть кончики пальцев.

— Плоть сделана из земли и расположена в левой...

— Нет... неправильно.

Голос был слабый, но я подняла голову и увидела голубые глаза Кира, смотрящие на меня.

— Кир?

Я запрыгнула к нему на кровать и сжала его лицо в ладонях. Мои волосы рассыпались вокруг нас. Щетина защекотала пальцы, но не чувствовалась ни следа жара. Я улыбнулась и позвала:

— Кир?

Его губы изогнулись в едва заметную улыбку.

— Кир, — нежно прошептала я. Моё сердце было полно радости. Худшее позади. Мой военачальник выживет.

Кир слабо улыбнулся и, повернув голову, коснулся губами моей ладони. Тихо выдохнув, он провалился в сон.

На обе наши культуры распространяется универсальная истина, что из людей меча выходят худшие пациенты. Они, кажется, всегда ожидают, что их тело исцелится за секунду. Но всему нужно время, и спешкой тут только навредишь.

Грудь Кира была большой и мускулистой. Потребовалось больше сил и более длительные процедуры, чтобы очистить его лёгкие от воды. Только если крепкие воины били его по спине, он свешивался с края кровати и откашливался. У меня не хватило бы силёнок им помочь, но я была единственной, кто мог заставить Кира пройти через всё это. В какой-то момент процедур Кир крутанулся и уставился на Гила.

— Ты слишком сильно этим наслаждаешься.

— Кир, — прищипнула я, и он развернулся обратно, позволив Гилу продолжить.

— Я? Наслаждаюсь битьём своего военачальника и оказанием ему помощи? — жизнерадостно уточнил Гил, надавливая большими пальцами на спину Киру. — Я не осмелюсь, военачальник.

Кир закашлялся и прочистил горло.

— Повторишь перед Небесами?

— Похоже мы закончили на этот раз. — Гил с улыбкой попятился в сторону выхода. — Меня ещё ждёт много работы и забота о пациентах.

Он выскочил из палатки, схватив свою сумку за ремень.

Я фыркнула со смеха.

Кир приподнялся на локтях и одарил меня своим лучшим взглядом, но я покачала головой.

— О нет, мой военачальник. Кажется, кто-то просил, чтобы я никогда не скрывала своих чувств. Честность есть честность.

Кир был ужасным пациентом. Ноющим как ребёнок и капризным как старик: ему нужно было и то и это, и почему он сам не мог встать с кровати? Мы пытались отвлечь его заботой о Мире или поручить небольшие дела, к примеру, заточить мечи, но его сил не хватало даже на это. Разум Кира выздоровел, но тело ещё не восстановилось.

Когда же Маркус выбежал из палатки, угрожая задушить Кира во сне, я поняла, что пришло время для отчаянных мер. Я принялась читать длинные пассажи из «Эпопеи Ксайсона».

Эпопея описывала боевые сражения второго короля Кси и была самой унылой исторической книгой на свете. Но Кир свернулся под одеялом, слушая с глубоким вниманием, пока я бубнила о военных делах, манёврах и стратегиях.

— На рассвете король Ксайсон оседлал своего боевого жеребца Великое сердце и... — я осеклась, кое-что вспомнив. Лошадиные имена. Великое сердце.

— Вы даёте имена своим лошадям? — поразился Кир.

Я закатила глаза и продолжила чтение, но вскоре была готова рыдать от скуки. Больше чтения вслух я выдержать не могла.

Однако был ещё один способ занять военачальника.

— Это настольная игра.

— Шахматы?

— Да. — Я поставила перед ним доску и села на край кровати. Кир лежал на боку и с внимательным видом рассматривал игровое поле. Я взяла одну из фигурок и принялась объяснять: — Это король. Самая высокая фигура на доске. Он движется на одну клетку в любом направлении.

Кир изучил деревянную фигурку.

— Здесь два короля.

— Да. Твой и мой. — Я указала на их места на доске. — Они начинают отсюда.

— Всегда?

— Да.

Кир рыкнул:

— Значит война.

Я кивнула и потянулась за следующей фигуркой.

— Самые маленькие фигуры — пешки. Они размещаются здесь, образуя линию.

Кир потянулся помочь мне расставить маленькие чёрные и белые речные камушки, которые я собрала. Чёрные для него, белые для себя.

Я медленно показала ему все фигуры, назвала их названия, ходы и важность. Рассказала про доску и цвета. Проблема началась, когда мы добрались до епископа. Я постаралась объяснить его роль в церкви, но ответом мне стал лишь мрачный взгляд сомнения.

— Значит это воины-жрецы.

Я представила лицо архиепископа Дризена в татуировках и лишилась дара речи.

— Не совсем.

— Но ведь эти епископы защищают своего короля? Свой народ?

— Да, конечно. — Я прикусила губу, задумавшись, как бы сказать по-другому. — Ну некоторых больше волнует их статус, чем люди, но хорошие...

— Да, — кивнул Кир. — Один в один воины-жрецы.

Его голос был полон презрения, и он с силой сжал камень в ладони.

Я потянулась и коснулась его кулака, нежно забирая фигурку из пальцев.

— Ты их ненавидишь? Из-за Маркуса?

Он сжал челюсть и помолчал перед ответом:

— Дело не только в Маркусе, хотя одного его случая было бы достаточно. Я хочу увидеть их сломленных и уничтоженных.

— Кир. — Я столь многого не понимала. — Если они настолько могущественны, как ты говоришь...

Он натянуто улыбнулся и покачал головой.

— В другой день, Лара. А вот эта фигурка, замок. Замки ведь не ходят, — нахмурился Кир. — Почему же они ходят?

— Это ведь просто игра, — вздохнула я, смирившись со сменой темы.

— Тогда стоило назвать их как-то по-другому? — пристально посмотрел на меня Кир.

— Чья это игра, а? Давай ещё раз пройдемся по ходам.

С его памятью это не заняло много времени. Кир расставил фигуры и выжидающе посмотрел на меня.

— Практика — лучший учитель, — сказала я и передвинула одну из центральных пешек.

Кир внимательно посмотрел на доску, поднял бровь, и его глаза засияли впервые со времени болезни. Отец научил меня шахматам давным-давно, и мы разыграли множество партий, пока он болел. Я играла по-честному. Обычно выигрывал папа, так как он обладал феноменальной способностью удерживать в голове все возможные ходы. Я понимала, что как только Кир поймёт стратегию, мне его никогда не побить. Лучше наслаждаться, пока не поздно.

Кир осторожно сделал первый ход. Я передвинула другую фигурку и увидела, что Кир совершил классическую ошибку начинающего.

Через несколько шагов партия была окончена.

— Шах и мат.

— Что? — Кир нахмурил брови, рассматривая фигурки. — Где я ошибся?

Я встала.

— Когда поймёшь, крикни, и мы разыграем ещё одну партию.

Он забормотал что-то под нос, а я вышла из палатки.

Я была обречена.

Большую часть дня Кир потратил на изучение основ. Я уходила по делам в кладовую и возвращалась, когда меня звал Кир, делала ход, улыбалась и оставляла его созерцать доску. Бесконечность возможных ходов приводило его в расстройство. Но как только он научился избегать базовых ошибок, то начал с детским ликованием «съедать» мои фигуры и прятать их в смятую постель, посмеиваясь над моим ожидаемым поражением. Следующее утро я едва избегала сдачи короля. Мне ещё не объявили мат, но это стало лишь вопросом времени.

Кир собирался с силами, но всё равно оставался ещё слаб. Он смог дойти до уборной самостоятельно, но затем я уговорила его вернуться в кровать. Кир немного поспорил, а затем тяжело опёрся о Маркуса.

Но он шёл на поправку, и я согласилась, что он достаточно окреп для встречи с командирами. Им же не терпелось прийти и озвучить доклады своему военачальнику. Киру нужно было всё увидеть и услышать, а командирам нужно было подтверждение, что он жив.

Я почувствовала, как бремя командования покинуло моё плечи, когда как все набились в спальню, даже исхудавшая и ослабевшая, но готовая участвовать в собрании Сэл. Ифтен

занял место подле кровати Кира и постоянно бросал нервные взгляды в моём направлении.

Ни у кого не было сил на долгую беседу, поэтому все были кратки. Кир внимательно слушал, задавал вопросы, пару раз даже довольно фыркнул. Самый долгий доклад был у Йерса. Йерс заговорил, а взгляд Кира начал путешествовать по комнате, прежде чем снова остановился на Йерсе. Я заметила промелькнувшее в них удивление. Видимо, отсутствие Жодена было замечено.

Я воспряла духом, когда под испытывающим взглядом старших Гил уверенно сообщил, что число заболевших резко пошло на спад. Как сильно бы я ни гордилась Гилом, я всё же испытала чувство облегчения и вины. Облегчения, что все почти закончилось. Вины, что так много погибло, но у меня остался мой военачальник.

Доклад Гила вселил во всех надежду. Кир дал Сэл разрешение направить охотничьи отряды дальше в область и решил несколько других вопросов, прежде чем его силы стали ослабевать. Не только он, но и все остальные устали. Командиры быстро ушли с Ифтенем во главе.

Кир потянулся за шахматами, но я отняла у него доску.

— Спи, Кир.

Он театрально вздохнул, но вздох сменился на зевоту.

Маркус поставил передо мной поджаренный хлеб, гарт и кавадж. Как бы я ни устала от этих продуктов во время марша, сейчас они стали долгожданным разнообразием в череде одинаковых супов и тушёных блюд. Айсдра и Гил присоединились к нам в кладовой, и мы все поели в тишине.

Лишь после того как наелись досыта, заговорил Гил.

— Трофей, до меня дошли слухи, будто бы Ифтен утверждает, что ксианцы специально нас заразили.

Айсдра пробормотала что-то под нос, и Маркус бросил на неё предостерегающий взгляд.

— Осторожнее, воин. Ифтен второй, он отвоевал своё положение в поединках. В два раза больше тебя ростом и лучший воин.

Я напряглась, удивившись, что Маркус говорит подобное без символа, но Айсдра лишь пожала плечами. Маркус нахмурился и было открыл рот для колкого замечания, но на улице раздался шум. Айсдра воспользовалась моментом:

— Это Пислиа принесла Миру.

Она вышла из палатки.

Я посмотрела ей вслед, но Маркус покачал головой.

— Малой, ну ты хоть меня послушай?

Гил кивнул.

— Я буду держаться от него подальше. — Гил тоже встал, забирая свою сумку. — Возможно, нам и не понадобится столько лекарства от жара. Может быть, у Сэл найдётся воск, и мы запечатаем бутылки, трофей.

Я кивнула.

— Докладывай о новых заболевших, Гил. Мы должны переждать сорок дней.

Он кивнул с серьёзным видом.

— Я помню, трофей. Сорок дней.

Шум на улице стал громче. Сильнее всего слышался голос Айсдры, полный гнева. Мы все встали и вышли. Айсдра кричала на Пислиу, молоденькую девушку со светлой кожей и серьёзным взглядом.

— Айсдра, я всё правильно сделала. Она должна быть помечена!

— Ты не имела права принимать подобные решения без одобрения трофея! — возмущалась Айсдра, уперев руки в бока.

Между ними лежала Мира в корзинке и махала своими ручонками, играя с широкой лентой с колокольчиками. Я сделала шаг, наклонилась посмотреть и резко выдохнула.

Тату. Богиня дорогая, татуировка.

Маркус и Гил встали рядом, любуясь улыбающейся девочкой с двумя крошечными татуировками на предплечьях. Признаюсь, я сорвалась на крик:

— ВЫ КЛЕЙМИТЕ МЛАДЕНЦЕВ?!

Все уставились на меня в ужасе, но Пислиа ответила:

— Силы земные, нет! Трофей, я...

— Это краска. — Маркус опустил на колено и протянул палец, который Мила с радостью схватила. Он вытянул её ручку и показал, что две крошечные параллельные линии на розовой коже нарисованы. Теперь я вспомнила, что Айсдра про них рассказывала. Присмотревшись, я поняла, что линии похожи на тонкие листочки ивы.

— Рука мастера, — добавил Маркус, впечатленный работой.

Пислиа довольно улыбнулась.

— Спасибо.

Айсдра не унималась:

— Ты не имела права, воин. Трофей не выбирала узор.

Пислиа смутилась.

— Нет? Но я подумала... — Она указала на моё предплечье, и я поняла, что она по ошибке приняла мои шрамы за знак племени. — Я подумала, что это знак Кси.

Айсдра начала рассказывать Пислие, насколько та глупа, а я стояла в шоке. Я не могла обвинять эту девочку, я понимала её замешательство. Шрамы на руке остались у меня после нападения ксиан в лагере огненных. Как иронично, что теперь их считают символом моего племени.

Мира махала колокольчиками, булькая от смеха, а Айсдра и Пислиа никак не могли уняться.

Я прикрыла рот рукой, но плечи всё равно затряслись от смеха.

Все с тревогой посмотрели на меня, и Пислиа поспешила меня заверить:

— Трофей, простите. Краска сойдёт.

— Годков так через пять, — добавил Гил.

Это было последней каплей. Я так сильно расхохоталась, что кажется обмочила трусики.

После того как ребята забрали малышку, на меня накатил волна усталости. Это не избежало внимания Маркуса.

— В кровать. Вашество спит, и вы тоже поспите — Он окинул меня долгим взглядом.
— Вы же можете спать в главной палатке, да?

— Я не хочу беспокоить Кира, Маркус. — Я уставилась на кавадж. — Я посплю здесь.

Он нахмурился, собирая тарелки. Я пожала плечами и повертела край туники.

— Что-то не так, трофей?

Пришла моя очередь вздыхать.

— Мне совестно, Маркус. Почему я не додумалась, что у них вода в лёгких? Если бы я поняла это в деревне, то, возможно, они были бы живы и ничего бы этого не произошло.

— Неужели вы думаете, что Айсдра не корит себя за то, что не предложила Эпору подобную процедуру? Если бы она только постучала ему по спине, может, он бы не умер.

Никто не знает пути ветра, Лара. Ты только сойдёшь с ума, пытаясь предугадать будущее и обдумывая все «если бы».

Мне пришлось улыбнуться.

— Ты говоришь как Эльн.

— Мудрый человек.

Маркус усмехнулся и поднял гору грязных тарелок. Я понаблюдала за его действиями, но остановила, когда он направился на выход.

— Маркус? А Айсдра?..

Он вздохнул и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Она дала обещание, Лара, а Айсдра не из тех, кто бездумно отказывается от своих слов. — Он посмотрел на вход в шатёр. — Но разрушение уз очень болезненно.

— Так было с тобой?

Он повернулся ко мне, и тарелки в его руках задрожали.

— Откуда ты знаешь?

Я сделала шаг назад, испугавшись его неожиданного гнева.

— Один человек сказал...

— Не твоё дело или чьё-либо ещё. Никогда не заговаривай об этом при мне, — выплюнул Маркус и ушёл.

Я уставилась на вход, сбитая с толку неожиданной переменой. Внезапно на меня накатила такая усталость, что я обмякла. Нам всем сейчас не хватало терпения и сил.

Моё внимание привлёк чей-то голос, и я вышла из палатки, только чтобы услышать, как меня зовёт Кир. Богиня помощи, он должен оставаться в постели.

Я подошла к палатке и увидела Рэйфа и Преста, стоящих на страже. Кир снова прокричал моё имя. Я посмотрела на них и улыбнулась.

— Никто не желает научиться одной игре?

Конечно, я недооценила их феноменальную память. Точнее не совсем память. Мне и в голову не могло прийти, что они могут вести игру в уме, не имея доски перед глазами.

Рэйф и Прест обрадовались шахматам, как утка воде. Они живо научились ходам от Кира и приступили к игре. Это поможет Рэйфу не надорвать силы. Я беспокоилась, что он встал на стражу, не полностью выздоровев. Конечно, сидение и убивание времени за шахматами не так хорошо, как сон, но приходится мириться с чем есть.

К счастью, Маркус тоже заинтересовался игрой и начал задавать вопросы про ходы и фигуры. Я проверила, что они ходят правильно, и оставила их наедине. Я думала убить двух зайцев одним выстрелом, так как Киру было теперь с кем играть, и он вместе с Маркусом могли отдохнуть за игрой. Но Маркус называл свои ходы Киру, не отрываясь от работы.

Игра заняла их на большую часть дня. Я регулярно приходило проводить Кира, но всё было хорошо, за исключением терзавшего меня странного чувства. Казалось, Кир и Рэйф о чём-то беспокоились, но мне не говорили, хотя казалось, Рэйф вот-вот задаст мне вопрос, но отчего-то передумывает в последнюю минуту. Кира же просто что-то раздражало.

В конце концов, когда Рэйф посмотрел на меня странным взглядом где-то в десятый раз, я не выдержала:

— Рэйф, ты хочешь меня о чём-то спросить?

Рэйф выпрямился и бросил умоляющий взгляд на Преста. Тот лишь пожал плечами.

— Трофей, некоторые воины волнуются.

— Волнуются? — нахмурилась я.

Может, у них осложнения, о которых мне не сказали.

— Да, — кивнул Рэйф. — Особенно мужчины.

Мужчины? Я задумалась ненадолго, и тут до меня дошло. Ну конечно. Их мужчины не привыкли к болезням и их проявлениям. Я прикрыла рот ладонью, стараясь скрыть улыбку, думая о Рэйфе и его четырёх «няньках». Только взяв себя в руки, я заговорила серьёзным тоном:

— Рэйф.

— Трофей?

— Рэйф, иногда, при некоторых болезнях у мужчин могут возникать проблемы: затяжные эффекты, которые могут их беспокоить.

Рэйф был весь внимание.

— Проблемы?

Он чуть опустил взгляд, но затем снова посмотрел мне в глаза.

— Проблемы, — уверено сказала я. — Бывает их... тела... работают не так как в прошлом. Но это пройдёт, как только вернутся все силы.

— Во как. — Рэйф задумался. — Я могу об этом рассказать?

— Конечно.

Он встал уйти, и я подняла ладонь.

— И, пожалуйста, передай, что они могут обращаться ко мне с подобными... проблемами.

Он замер.

— Вы уверены? Вас сложно понять, трофей, у вас такие странные обычаи. Никто не желает смущать вас, чтобы не прогневать военачальника.

— Я стесняюсь своего тела, Рэйф. Но не тел своих пациентов. У меня есть символ. Я знаю, что это значит. Скажи им его использовать.

— Обязательно, трофей.

Я посмотрела, как он уходит поделиться со всеми вестями, а затем повернулась и окинула взглядом палатку. Кажется, мне надо перекинуться парой слов с одним очень капризным и очень обеспокоенным военачальником.

— Это называется ничьёй.

Кир и Прест уставились на меня. Я молча посмотрела на доску.

— Когда ни один из игроков не может объявить второму мат, это называется ничьёй. В игре нет победителя.

— Но победитель всегда есть, — объявил Кир.

— И проигравший, — согласился с ним Прест.

Я закатила глаза.

— Не всегда. Кир, ты вот не одержал чистую победу над Кси.

Он по-мальчишески улыбнулся.

— Но я получил свой трофей, разве нет?

Я покраснела. К счастью, Прест продолжил изучать доску.

— Здесь нет фигурки трофея, — пробурчал он.

Каким-то образом они определили всем фигурам пол. Им не понравилось, что королева единственная женская фигура на доске. Не знаю, как они распределили роли, но они остались довольны. Теперь оба пристально смотрели на оставшиеся фигуры. В конце концов, Кир откинул спину.

— Без военного трофея, предлагаю перегруппировать наши войска и встретиться в бою ещё раз.

Прест кивнул, и они принялись расставлять фигуры на исходные позиции.

Я хотела было заспорить, но захлопнула рот. Подозреваю, что к тому времени, как мы вернёмся в Кси, правила этой игры изменятся до неузнаваемости.

В шатёр вошёл Ортис, нагнув голову, чтобы не стукнуться о потолок.

— Бумаги из города Водопадов, военачальник.

Мы оба подняли взгляд и увидели кипу писем в его руке. Он вывалил их на кровать в ноги Кира.

— Обменялись ими на расстоянии, как было приказано.

Я подняла взгляд. Ортис улыбнулся и кивнул.

— Я отправлю ваши бумаги тем же способом, трофей.

— Спасибо, Ортис.

Прест встал, когда вошёл Ортис, убрал доску подальше с кровати и откланялся. Я начала перебирать письма, ища знакомый почерк. Большая часть была официальными посланиями от совета, но я нашла одно письмо от Эльна, Озара и ещё одно письмо от Симуса.

Я замерла, уставившись на восковую печать, чувствуя, как трещит плотная бумага в моих руках. Не знаю, хочу ли знать их содержание. Они могли принести мне весть о эпидемии и её последствиях. Я подняла голову и, увидев терпеливый взгляд Кира, сломала сургуч с письма Озара.

Лара,

Всё хорошо, дражайшая девочка. В письмах Эльна и совета ты узнаешь подробности, но эпидемия нас миновала. Благодаря твоему предупреждению мы заперли ворота и поместили заболевших в карантин. Эльн был поражён переменам в болезни, но уверен, большее ты сможешь узнать из его письма. Не знаю, погиб ли кто в дальних поместьях и деревнях, но у нас всё хорошо. Отправь весточку о себе так скоро, как только сможешь.

В замке всё хорошо. Увы, ты навязала мне одного Симуса из рода Ястребов.

Не будем брать во внимание, что он щеголяет из своих покоев до минеральных ванн голый, как ощипанная курица, улыбаясь и приветствуя всех кого не лень зазорной улыбкой.

Не будем брать во внимание, что он устраивает с Уорреном тренировки в большом зале, перепрыгивая со стола на стол с мечами в одной руке и кувшинами в другой, сражаясь, смеясь и проклиная друг друга, заставляя дам падать в обморок и оставляя следы обуви на столах.

Не будем брать во внимание, что половина лордов хочет его убить, а вторая подружиться. Все дамы, кажется, в восторге от него, включая мою жену, премного благодарен.

О нет, хуже всего то, что Симус закрутил роман с хозяйкой красилен Мэйвис, и теперь звуки их страсти слышны ночью на весь замок.

Согласно своей традиции Симус не делает ничего плохого, точнее именно это хозяйка красилен Мэйвис сообщила мне, Уоррену и архиепископу. А если мы побеспокоим её впредь, то она объяснила нам в недвусмысленных выражениях, что она взрослая особа, мастер над торговыми гильдиями, и её поведение не нашего ума дело. Также она добавила, что не только вы готовы идти на жертвы ради её гильдии. Архиепископ так и вцепился в священный символ.

Думаю, хозяйку красилен интересуют только тряпки, в которых Симус вышагивает, точно павлин. Я пытался объяснить ему, но он лишь улыбнулся своей фирменной улыбкой и заметил, что не против «быть использованным».

Весь двор и совет погряз в скандалах. Все ходят ко мне и жалуются, получая наивысшее удовольствие в размусоливании каждой пикантной подробности.

Дерст идёт на поправку и медленно набирается сил. Однако Эльн не уверен, что он когда-нибудь полностью поправится. Думаю, его здоровью больше вредит накопленная ненависть, которая гложет его изнутри, чем сама рана. Он объявил всех огненных ответственными за его рану и гибель сына. Так что Дерст прочно в стане тех, кто желает убить Симуса Ястреба и всех огненных, которых можно достать. И хотя он не встаёт с кровати, он провоцирует проблемы с другими феодалами. И хотя его предупреждали, он выходит из себя каждый раз, стоит ему услышать об огненных. Я бы отослал его в фамильное поместье, но предпочитаю держать перед глазами. В официальных письмах изложено больше подробностей, Лара. Отправь весточку о себе так скоро, как только можешь. Мы до смерти о тебе беспокоимся.

Твой наместник, Озар

Моя госпожа просит добавить две строчки. Она посылает тебе свою любовь и наилучшие пожелания и интересуется, не беременны ли ты. Напиши ей, как только сможешь.

О.

Я упала обратно на кровать, смеясь от восторга и представляя, как Симус сеет хаос при дворе Кси.

Я вернулась в кладовую, после того как прочла письмо Симуса Киру вместе с остальными письмами из города Водопадов. Эльн поделился своим беспокойством по поводу заболевания и его тяжести, но не придумал иных способов лечения. Я была рада, что уже отправила ему описание нашего лечения. Но больше всего меня успокоило, что Потница не дошла до города. Прошли бы месяцы, прежде чем мы узнали обо всех последствиях.

Доклады совета были сухие, но Кир выслушал их с интересом, поэтому я прочитала их вслух. Я ушла от него, взяв твёрдое обещание, что он обязательно поспит.

Пришло время убраться и переставить всё в кладовой. Гил уже давно не докладывал о новых больных, и я молилась, что болезнь ушла.

Набрав корзинку грязных банок и склянок, я вынесла их на улицу и села на бревно. Солнце ещё не до конца село, и я хотела воспользоваться этим преимуществом. Айсдра была неподалёку, следила за стиркой. Рэйф и Прест сидели у шатра и, кажется, играли в шахматы.

Я с головой ушла в своё рутинное занятие, выставляя чистые склянки сохнуть на куске ткани, как подошёл Гил и сел рядом со мной, уронив сумку на колени. Лямка упала с плеча. Я улыбнулась, заметив каким усталым он выглядел.

— У тебя такой усталый вид, Гил. Давай я принесу тебе каваджа.

Он тихонько вздохнул.

— Я уже пил, трофей. — Он повернул лицо и посмотрел на закат. — Я просто очень устал.

— Гил?

Не сказав больше ни слова, он уронил сумку и повалился на меня. Я прижала пальцы к его тёплому лбу и позвала на помощь.

Глава 11

В ответ на мои крики из палаток высыпали люди. Я вцепилась в Гила обеими руками, не давая ему упасть. Я пыталась найти хоть какую-то опору, и во все стороны покатались чистые бутылочки и склянки.

Первым подбежал Йерс, за ним Айсдра. Они забрали у меня Гила. Я вскочила на ноги, и у меня оборвалось сердце. Гил был также бледен и неподвижен, как и малышка, перед тем как...

Подошли остальные, даже Прест и Рэйф. Даже Кир прибрел, опираясь на плечо Маркуса.

Я стала ощупывать лоб Гила, пытаюсь определить силу жара. Он так себя вымотал, помогая остальным. Хватит ли ему сил победить Потницу?

Гил забился в конвульсиях: конечности задёргались в судорогах, голова запрокинулась, рот стал хватать воздух.

Йерс в ужасе пошатнулся, чуть не уронив Гила. Но Айсдра успела перенять на себя большую часть веса. Судороги прекратились также неожиданно, как и начались.

Я застыла, страх проел меня до костей. Конвульсии? Богиня, что с ним? Ни у кого же не было подобных синдромов...

Голос Айсдры ворвался в мои мысли:

— Трофей? Озеро?..

Я вышла из оцепенения и приложила руку ко лбу. Тёплый, но не горячий. Могла ли так его истощить работа?

— Гил? — позвала я. Он никак не отреагировал. Я приложила пальцы к его шее и нащупала медленный слабый пульс.

Возможно, он мог удариться головой или чем-то подавиться. Но на голове не было никаких ран, и в горле ничего не застряло. Никаких видимых повреждений, так что это должна была быть эпидемия, но запаха не было, даже потом не пахло. Однако головные боли, особенно сильные, могут вызвать подобное состояние. Меня охватил новый страх. Потница снова изменилась? Или же Гил настолько быстро заболел, что дело дошло до конвульсий? Я теряла драгоценное время, обдумывая каждую возможность, которая только приходила мне в голову, но не находила ответа. Гил дышал быстро и прерывисто. Возможно...

С помощью Йерса мы с Айсдрой уложили Гила, чтобы побить по его спине. Если я только смогу очистить лёгкие от жидкости...

Гил снова забился в спазме. Все в ужасе отшатнулись. Я ничем не могла их успокоить, и хуже всего, я не знала, сколько холодной воды нужно, чтобы исцелить эту болезнь. Его дыхание, как и сердцебиение, замедлялось. Я огляделась по сторонам и в конце концов сосредоточилась на лице Кира, прочитала немой вопрос в его глазах. По моим щекам потекли слёзы, и я покачала головой.

— Ты ничего не можешь сделать? — прохрипел Кир, дойдя до нас.

— Нет. — Я провела пятернёй по рыжим кудрям. Гил никак не отреагировал, и меня охватил отчаянный страх, что он умирает. — Теперь он в руках Богини. — Я отошла и приказала Йерсу: — Несите его в палатку.

— Даруй ему милосердие, — спокойно произнёс Кир.

— Что?! — Я в шоке и ужасе смотрела, как Йерс и Айсдра переносят Гила на густую траву у дороги. Йерс расшнуровал его куртку, Айсдра встала рядом со мной. Рэйф и Прест опустились на колени и сняли с Гила сапоги. Жоден взял Гила за левую руку и завёл её за голову. Маркус достал кинжал.

— Нет! — закричала я, рванувшись остановить их. Но Айсдра схватила меня за спину, прижала руки и повалила на землю.

— Мы не позволим ему страдать, Лара, — отрезал Кир. Его голубые глаза блестели под нависшими бровями.

— Огонь согревал тебя, — начал Жоден с дрожью в голосе.

Остальные ответили в унисон:

— Мы благодарим элементалей.

Он прижали Гила к земле, так как его снова забила дрожь. Казалось, он боролся с ними, также как я боролась с Айсдрой. Они не могут так поступить. Они не могут его убить!

— Земля поддерживала тебя, — голос Жодена стал увереннее.

— Мы благодарим элементалей.

Маркус подошёл ближе. Йерс поднял взгляд и что-то сказал. Маркус передал ему кинжал, и все заняли свои места.

— Вода подкрепляла тебя.

— Мы благодарим элементалей.

Я закричала, отвергая их благодарность, моля остановиться. Айсдра оттащила меня и крепче обхватила.

— Почему ты позволяешь ему страдать? — прошептала она мне на ухо. Желчь подкатила к горлу, и я снова закричала, пытаюсь отрицать, что я беспомощна, отвратить его смерть, от болезни или от кинжала

— Воздух наполнял тебя.

— Мы благодарим элементалей.

Йерс наклонился вперёд.

— Ступай, воин. За снега, к звёздам.

Он сунул кинжал между рёбер Гила, прямо в сердце.

Я завывала и рухнула в объятия Айсдры. Развернулась к ней, пряча лицо в плече. Её лицо тоже было влажным, и она убаюкала меня. Почему я не доглядела за собственным учеником? Как он смог так сильно заболеть на моих глазах?

— Это моя судьба? Петь погребальные песни и сокрушаться до скончания веков? — спросил Жоден. Лишь тишина была ему ответом. Он вздохнул, поднял голову и запел.

Я снова спрятала лицо, когда начали готовить тело, и подняла глаза только, когда Маркус опустил сумку Гила у моих ног. Я потянулась забрать его, рука дрожала от напряжения. Говорила ли я ему хоть раз, как им горжусь?

Я посмотрела на Маркуса.

— Я не смогла исцелить его. — Я сглотнула ком в горле. — Я подвела его.

Маркус опустился на колени и обнял нас с Айсдрой, ничего не говоря.

Жоден закончил петь. В тепле их рук я подняла глаза и увидела стоящего над нами Кира. Плотно сжав челюсть, он смотрел на место, где лежал Гил. Затем опустил голову и встретился с моим взглядом. Казалось, он хотел что-то сказать, но вдруг раздался злой презрительный голос.

— Это всё из-за ксиан.

Мы повернулись и увидели Ифтена с Уэсреном и Юзайной.

— Смерть лучших и ярчайших из-за их скверны.

Кир глухо зарычал:

— Ифтен...

— Нет, — прервал его тот. — Один раз я бросил тебе вызов, но отступил. Но не в этот раз. Я призываю сенель в свидетели, услышьте мой вызов и узрите ответ в клинке. Зовите командиров, зовите всех, кто ещё может ходить, пусть все услышат мои истины.

Ифтен развернулся и зашагал к главному шатру.

Айсдра помогла мне подняться. Маркус встал подле Кира.

— Если это вызов, он победит.

Кир кивнул со смиренным взглядом.

— Победит.

— Ты не можешь! — Я вытерла лицо от слёз. — Ты едва ходишь, куда тебе сражаться. Ифтен не может бросить тебе вызов. Симус сказал, что по правилам...

— При обычных обстоятельствах. — Кир подошёл ко мне и убрал выбившейся локон за ухо. — Но наша ситуация вряд ли обычная. Он использует это в свою пользу. — Кир немного выпрямился и поправил кожаные ремни на мечях. — Твоё обещание ещё в силе?

— Конечно, — ответил Маркус.

— Я сделаю то что должна, — ответила Айсдра, глядя в сторону Ифтена.

Кир долго на неё смотрел, но не стал расспрашивать.

— Мы обеспечим безопасность трофея, — тихо добавил Рэйф. Прест кивнул.

— Это неправильно. — Я посмотрела на Жодена, но он лишь отвернулся и ничего не сказал.

Кир притянул меня в свои объятия. С красными от слёз глазами я зарылась лицом в его шею, стараясь не заплакать. Лёгкое прикосновение его губ к моему уху заставило меня отчаянно желать о большем. Я обхватила его лицо и поцеловала.

Кир разорвал поцелуй и отошёл.

— Узрим же истины Ифтена.

— Гил.

Я повернулась и увидела, что его подняли с земли и держат на руках молодые воины.

— О нём позаботятся, трофей, — сказал Йерс.

Я подошла к ним, чтобы взглянуть на милое лицо в последний раз. Казалось, Гил спал и скоро проснётся, стоит только окликнуть его по имени. Я потрепала его кудри и тихонько помолилась Богине.

— Иди с ними, Лара, — настоял Кир. — Тебе не нужно присутствовать на этом сенеле.

Я сделала шаг назад и повернулась к Киру.

— Моё место подле моего военачальника. Они позаботятся о его теле. Гил теперь в руках Богини.

Я подошла и взяла Кира за руку.

Кир улыбнулся от гордости, и мы вместе пошли к толпе.

Командиры уже собрались к тому времени, как мы подошли, образовав круг возле командного шатра. Ифтен говорил, практически кричал толпе, держа в руке меч и щит.

— Мы прокляты элементами, и вина за это лежит на дуре-ксианке.

Многие кивнули, и я поёжилась. Кир встал перед нами, готовый действовать. Я встала рядом с ним, Прест и Айсдра заняли места с двух сторон от меня. Рэйф был на шаг позади, прикрывая нам спины. Маркус встал за Киром, и к моему удивлению и облегчению к нам присоединился Йерс.

— Её скверна поражает глубоко и оставляет за собой гниль. Даже дите её земли пало жертвой её порчи. А теперь в её чреве столь же проклятое дитя!

Это замечание было встречено хмурыми взглядами, что меня удивило. Ифтен также это заметил и поспешил говорить дальше:

— Кир из рода Кошек навлёк на нас эту погибель, привёл ксианку в наши ряды. Он виноват в том, что здесь произошло, и должен держать за это ответ! — с губ Ифтена слетела слюна.

Кир не обнажил меч, но я могла сказать, что он готов к бою, точно кошка, готовая схватить мышку. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Кир не откажется от этого вызова, но...

Ифтен указал мечом на меня, его лицо выражало одно только презрение.

— Гил получил новое знание о целительстве, и элементали убили его за это. Эпор был проклят...

Воинственный крик расколол воздух, замораживая кровь в жилах. С искажённым от гнева лицом Айсдра выпрыгнула из-за моего плеча, сжимая палицу Эпора в руках.

Ифтен тут же отскочил, удар пришёлся по мечу с щитом. Но Ифтен ждал нападения Кира, и поэтому ему пришлось слегка сдвинуться, чтобы отразить атаку Айсдры. Выигранные драгоценные секунды Айсдра терять не стала. Палица просвистела в её руке. Удар пришёлся на предплечье Ифтена. Мне показалось, что я услышала треск костей.

Все разбежались по сторонам, пытаясь дать бойцам пространство, образуя свободный круг. Он был огромен, показывая безграничное уважение к тому, насколько могут разойтись бойцы.

Айсдра не остановилась, не снизила темп, давя Ифтена серией ударов по щиту. Собранный и расчётливый она видела только свою цель.

Кир стоял не двигаясь, наблюдая за схваткой. Йерс стоял подле него с мечом в руке. Маркус был немного позади, его взгляд скользил по толпе, выискивая любую угрозу.

Рэйф вышел вперёд и встал немного сбоку, Прест остался позади меня. Они тоже были напряжены, но лишь положили руку на оружие и выжидали.

Я сжала плечо Рэйфа.

— Она же меньше...

Кир понимал.

— Он оскорбил её возлюбленного, — тихо ответил он.

Ифтен был крупнее, но его меч прочертил лишь отражающий удар, что меня поразило. Казалось, он не хотел использовать руку в полную силу. Айсдра парировала. Лезвие прошло по металлическим заклёпкам на верхней части палицы. Айсдра хорошо двигалась, но тяжело дышала. Ифтен, напротив, твёрдо стоял на ногах и орудовал своим оружием с лёгкостью. Его лицо светилось от триумфа. Он был совершенно уверен, что убьёт Айсдру.

Следующий удар Айсдры пришёлся на середину щита, и Ифтен закричал под силой удара. Он выжидал, нападая на Айсдру, только когда чувствовал, что она уязвима. Но каждый раз она отскакивала назад, подальше от его клинка.

Ифтен усмехнулся и опустил щит.

— Ты не Эпор, женщина.

Мрачное лицо Айсдры не дрогнуло. Она сделала шаг и нацелилась на колено.

Ифтен уклонился от удара. Но каким-то образом Айсдре удалось исхитриться, подойти ближе и ударить рукоятью палицы прямо по челюсти Ифтена.

Голова Ифтена запрокинулась. Он пошатнулся и уронил щит. Айсдра довольно закричала, целя второй удар в незащищённую голову.

Ифтен без сознания повалился на землю.

Айсдра занесла палицу над головой, намериваясь проломить Ифтену череп.

— За Эпора! — закричала она, занося дубину для удара.

— ОСТАНОВИСЬ! — закричал Жоден, выйдя вперёд.

Айсдра замерла на середине удара. Её глаза горели яростью, грудь тяжело вздымалась, взгляд прожигал неподвижное тело.

— Кто посмел?

— Не убивай его, Айсдра из рода Лисиц.

Жоден сделал ещё один шаг вперёд.

— Он оскорбил Эпора, моего суженого, который первым встретил врага и храбрейше принял смерть на поле боя, — выплюнула Айсдра, дрожа от ярости. — Он не держал моего символа. Это моё право, певец!

Толпа в тревоге забурилась. Я посмотрела на Кира, но всё его внимание ушло на разворачивающуюся перед нами драму.

— Небеса затянуты тучами, воин, и полны смятения. — Жоден сделал ещё шаг. — Я не знаю истины. Но я достаточно долго претендую на статус певца, чтобы объявить следующее: болезнь Кира есть по сути боевое ранение, пусть мы и не сталкивались с подобным противником раньше. — Жоден повернулся взглянуть на толпу, выискивая глазами командиров. — Поэтому его нельзя вызвать на поле боя. Он остаётся военачальником, пока мы не достигнем Равнин. Дальше будут решать старейшины.

Какое облегчение. Ни Ифтен и никто другой не сможет бросить вызов, по крайней мере, до тех пор, пока к Киру не вернуться все силы.

Айсдра зарычала от ярости:

— Как же мне ответить на оскорбление Эпора?

Жоден поднял руку.

— Если истина известна, то Ифтен должен озвучить свои слова, и я хотел бы, чтобы они дошли до старейшин.

— Ты ещё не певец, Жоден, — сказала Айсдра внезапно охрипшим голосом. — Это моё право как суженой Эпора.

— Это правда, Айсдра из рода Лисиц, и я отвечу на твою истину тем, что лишь прошу его помиловать. Я не могу и не буду тебе приказывать.

Наступила долгая пауза. Айсдра лишь стояла, тяжело дыша, и глядела на Жодена. Казалось, все затаили дыхание. Я рискнула двинуться, только чтобы посмотреть на Ифтена и понять, смогу ли я определить, насколько сильно он ранен. Он лежал, как сломанная кукла, явно без сознания, но дышал.

В конце концов, Айсдра опустила оружие.

— Эпор уважал твою мудрость, Жоден, и я не буду её оспаривать. — Айсдра сделала глубокий вдох — Но эта падаль ответит за оскорбление, как только передаст свои слова старейшинам.

— Ифтен должен держать ответ перед тобой, — признал Жоден.

Айсдра убрала палицу, повернулась и вышла из круга.

Заговорил Кир:

— Всё будет, как сказал певец. Сенель окончен.

Я воспользовалась моментом, оттолкнула Рэйфа и подошла к Ифтену. Осторожно перевернула его на живот.

Жоден поднял его меч.

— Он не скажет тебе спасибо, трофей.

— Я бы сделала тоже самое для Симуса. — Я не потрудилась поднять взгляд. — И сделаю тоже самое для него.

Я немного надавила пальцами на его челюсть. Она не оказалась сломанной, но выступили синяки. Я была уверена, что и рука у него будет вся в синяках. Я начала расшнуровать доспехи на предплечье.

— Маркус, передашь мне сумку?

Ответа не последовало. Я подняла глаза и увидела несколько очень недовольных взглядов. Я отплатила им не менее сердитым взглядом.

— Я поклялась, вы же знаете. Он нуждается в моей помощи. Я не откажу ему в этом.

Кир помрачнел, но кивнул.

— Мы помним, трофей, и уважаем твои клятвы исцелять всех нуждающихся.

Я прикусила губу, сознавая, что собрала вокруг себя кучу зрителей, и понимая, что Кир озвучил своё мнение. Но моё внимание в одно мгновение вернулось к пациенту, стоило Жодену опуститься на колени рядом со мной и потянуться расшнуровать наручи Ифтена. Его дыхание было ровным, и я не увидела ран у груди или рёбер, поэтому сосредоточилась на ранах на голове и ведущей руке. Стараясь его сильно не тревожить, я

подняла одно веко и заглянула ему в глаза. Взгляд был несфокусированным и пустым, ни малейшего признака сознания. Наверное, сейчас это к лучшему.

Жоден оголил руку. Предплечье уже начала чернеть и раздуваться, но кость не торчала. Я осторожно вытянула руку и надавила на каждый дюйм кожи. Вот, прямо по центру, где пришёлся удар. Верхняя кость сильно потрескалась, но не сломалась. Пожалуй, наручи спасли её от смещения, но всё равно ему нужна была перевязка.

Кто-то поставил сумку Гила подле меня. Я тут же повернулась к ней.

— Лубок. Гил, мне нужен...

Воцарилась тишина, и я закрыла глаза, снова переживая потерю Гила.

Тишина была гробовая. Я не подняла головы, только вытерла слёзы и откашлялась.

— Мне нужно два куска дерева, плоских и прямых, если возможно. Бинты и кусок кожи.

— Я поищу дерево, — пророкотал Маркус. — Поспеш к палатке, Рэйф, и принеси всё остальное.

Рэйф бросился выполнять приказ.

Ифтен застонал и слегка шевельнул головой. Вскоре его череп начнёт раскалываться от дикой боли. Я подумала дать ему дозу оставшегося лотоса, чтобы спокойно заняться костью, но не поддалась искушению. Кроме того, я была уверена, что только потрачу лекарство впустую.

— Сломано? — поинтересовался Жоден.

— Да. — Я поискала в сумке бинты. — Помоги его держать.

Жоден помог мне, и мы закрепили предплечье в правильном положении для перевязки. Я начала с основания большого пальца и стала разворачивать бинт. Маркус и Рэйф вернулись в одно время и помогли перевязать руку, закрепить лубки и обмотать их кожей.

Я закончила, когда Ифтен начал приходить в себя, что дало мне возможность перевернуть его на бок, прежде чем случилось бы неизбежное. Конечно, после недолгих стонов и кряхтения его вырвало в грязь.

— Не делай резких движений. У тебя головокружение от удара, — предупредила я.

Моим предупреждениям не внемли. Ифтен изо всех сил хотел подняться, пытался ползать на четвереньках. Мне удалось направить его прочь от рвоты, но он вскочил на колени, шипя от ярости, когда его рука соприкоснулась с землёй. Он стоял на коленях, схватившись за голову одной рукой и вытянув в сторону ведущую, и в удивлении смотря на неё.

— Что произошло?

Жоден положил руку на спину Ифтена.

— Я всё объясню в палатке.

В глазах Ифтена плясали звёздочки, но он пытался сфокусироваться на руке.

— Что это?

— Лубок. — Я встала и отряхнула колени. — У тебя сломана рука.

Ифтен моргнул и попытался сосредоточиться на толпе, которая глазела на него. Кир тоже наблюдал. И тут Ифтен всё вспомнил. У него расширились глаза. Он зарычал и попытался подняться на ноги. Жоден подхватил его, Уэсрен тоже бросился помочь.

Ифтен оттолкнул их и нетвёрдым шагом направился ко мне.

— Я не желаю твоей помощи, ксианка. — Он сдёрнул кожу и разорвал бинты. — Меня излечат элементарии или же схожу к воину-жрецу, когда мы доберёмся до Равнин.

Пришла моя очередь прожигать его взглядом.

— Не глупи. Кость...

Он снова покачнулся, срывая повязку и бросая её в грязь.

— Я буду веками бродить в снегах, если приму твою грязь, ксианка.

Я нахмурилась, обижаясь на его тупость, и открыла рот, чтобы возразить. Но Ифтен поковылял прочь от меня, пошатываясь точно пьяный. Жоден взял Ифтена за здоровую руку и повёл к своей палатке. Кир покачал головой. Я стояла посреди разбросанных бинтов и смотрела, как уходит этот дурак.

Гил был последним заболевшем.

У меня ушло почти два дня на это открытие, но после его смерти эпидемия больше не выбрала новых жертв. Как только я сказала Киру, что мы можем отсчитывать сорок дней, он созвал сенель. Жоден явился на собрание без приглашения. Он не присел, а всю встречу стоял подле Кира, как безмолвный страж собрания.

Командирам было неприятно и неудобно поначалу, но Кир вёл себя как обычно, и все расслабились.

Получив исчерпывающие ответы на свои вопросы, Кир объявил:

— Я чувствую, что мы должны очиститься после этой войны. Это земля Кси, но не ксиане, бросила нам вызов, с которым ни один воин Равнин не сталкивался сотни лет, а может быть и никогда. Мы приняли бой и погребли павших с честью. — Жоден захотел возразить, но Кир остановил его жестом. — Я понимаю, что окончательное решение относительно этого вопроса принимать старейшинам.

Жоден расслабился, довольный ответом.

— В десятидневный срок мы проведём обряды очищения. Не потому что я верю в проклятие или болезнь элементарей. Очищение успокоит наш дух и уравновесит элементарии в теле. Тем не менее, я запрещаю воинам спешить, опасаясь ослабления тех, кто только идёт на поправку.

Это было моё условие.

— После десяти дней к нам вернутся прежние силы. Тогда я проведу соревнование и выберу нового телохранителя для трофея. Эпор ушёл в снега, и я хотел бы почтить его память, проведя поединки за его должность. Однако я оставляю за собой право окончательного утверждения победителя. Все битвы будут до первой крови.

Командиры закивали, одобряя подобное решение. Я прикусила губу, но промолчала. Я сильно сопротивлялась этому решению, не желая видеть замены Эпору. Но Кир переспорил меня, и когда я повернулась к Айсдре за поддержкой, она согласилась с Киром. Трёх охранников недостаточно, и Айсдре нужен напарник.

Кир пообещал, что посоветуется с Айсдрой насчёт окончательного кандидата, удостоверится, что она сможет с ним поладить. Он отметил, что поединки и отсев пройдут в двадцать дней и займут воинов, как мы того ждали. Айсдра считала, что подобное соревнование — великое уважение к памяти Эпора. Мне пришлось с ней согласиться. Но мне будет непривычно видеть кого-то нового подле Айсдры.

— Далее я предлагаю провести то, что трофей называет шахматным турниром, чтобы определить сильнейшего в наших рядах. — Кир хулигански усмехнулся. — Участие могут принять все, как и в поединках.

Я постаралась не закатить глаза. Игра захватила весь лагерь, и, казалось, каждый воин мысленно играет хотя бы в одну партию за раз. Если Кир считал, что поединки поднимут боевой дух, то я была уверена, что шахматный турнир ещё лучше. После шахмат хотя бы лечить никого не нужно.

Ифтен выглядел угрюмым. Как я знаю, игре он учиться не стал, что неудивительно. Я также не удивилась, что он теперь держит ведущую руку под странным углом к груди, словно стремясь её защитить. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть, насколько сильно опухла рука. Ифтен это заметил и так на меня посмотрел, что у меня поджались бы пальцы, если бы меня только заботило его мнение.

Кир распустил сенель, и все разошлись. Ифтен и Уэсрен пошли поговорить с Юзайной. Остальные задержались переговорить с Киром, и я воспользовалась моментом, чтобы поболтать с Жоденом. Он бросил на меня мрачный взгляд, как только я подошла. Его широкое лицо излучало беспокойство.

— Я хочу поблагодарить тебя за...

Он прервал меня жестом.

— Не думаю, что что-то для тебя сделал, трофей.

— Но...

— Если бы Ифтен вызвал Кира на бой, я бы не вмешался. Не уверен, что имел право останавливать Айсдру. — Он отвёл взгляд. — Я лишь отложил все эти вопросы до старейшин.

— Но Кир сможет за себя постоять, и ты поддержишь его.

Жоден избегал моего взгляда.

— Жоден?

Внезапно я поняла, что в моём друге что-то переменялось.

Он посмотрел на меня, его привычное спокойствие исчезло.

— Я не поддержу Кира перед старейшинами, трофей. Я буду говорить против него.

— Против него? Против м-м-меня? — я едва смогла выдавить слова от удивления.

Его лицо потеплело.

— Нет, Лара, не против тебя. Но... — он осмотрелся, словно собираясь с мыслями, — Кажется, прошла целая жизнь с тех пор, как я опустился на корточки подле Симуса и увидел его рану. Традиция требовала, чтобы я даровал ему милость, избавил его от страданий и не допустил пленения.

— Но ты его не убил.

— Нет. — Он повернулся и посмотрел мне в глаза взглядом полным боли. — Я пытался перевязать его рану, как нас схватили.

— И это привело к исцелению Симуса и моей встречи с Киром, — улыбнулась я. — Мы должны благодарить тебя за это, Жоден.

— И за эти смерти ты меня тоже поблагодаришь?

Его вопрос выбил из меня весь воздух.

— Жоден...

— Ты спасла жизнь моего друга, — продолжил Жоден дрожащим голосом. — Ты стала трофеем, несущим дары своего знания. Но всё что я увидел в итоге — смерть. Уродливая позорная смерть.

— Ты винишь меня, — прошептала я.

Он заглянул в мои глаза затравленным взглядом.

— Ты нежная, заботливая душа, Ксилара. Я не могу винить тебя. — Его лицо помрачнело, ладони сжались в кулаки. — Я виню Кира за идею объединить наши народы и традиции. То, что произошло здесь, говорит мне об опасности его руководства.

Я с трудом сглотнула ком в горле.

То, что произошло здесь...

Я сморгнула слёзы.

— Что я могу тебе сказать, Лара? — Его прекрасный голос дрогнул. — Ты дала мне надежду, сохранив жизнь Симусу, но ещё больше веры ты вселила в меня, когда я понял, что ты готова пожертвовать собой ради своего народа. Но теперь мой народ мёртв, и дым с их погребальных костров поднимается в воздух. Потеряна драгоценная жизнь, и я не могу избавиться от мысли, что это наказание за то, что Кир пошёл против элементарей.

Жоден покачал головой.

— Кир попросил тебя стать равнинницей, а нас объявил ксианами. Из этого ничего хорошего не выходит и не выйдет. — Жоден сделал вдох. — Решение принято. Прости меня, тро... — Он осёкся. — Прости меня, Ксилара. Я должен сообщить военачальнику свои истины.

Голос Жодена был мягок, но он повернулся и оставил меня без лишних слов.

Я вернулась в кладовую и увидела Айсдру. Она перематывала кожу на рукояти палицы. Её руки касались гладкой кожи, точно она была драгоценной.

Свинцовым шагом я подошла перемешать угли в одной из маленьких жаровен, раздувая топливо, пытаясь отвлечься на разогреве каваджа. Я ничего не говорила, и Айсдра хранила молчание. Мы обе погрузились в воспоминания о золотоволосом мужчине, который всегда улыбался.

Я рухнула на пенёк и стала смотреть на котёл, онемевшая и усталая. Хотя бы несколько мгновений мне хотелось думать только о кавадже. Ни о болезни, вызовах, неудачах... смертях.

Айсдра закончила перевязывать и закрепила концы кожаной полоской. Она немного посидела, опустив руки на оружие, которое лежало на коленях.

Она тихонько заплакала.

Я опустилась на колени рядом с ней, положила голову ей на руку и предложила такое утешение, которое только смогла предложить.

Кипение в котелке вернуло меня обратно в реальность. Я разлила кавадж по кружкам. Айсдра вытерла лицо. Она взяла протянутую кружку, и мы попили кавадж в тишине.

Я нарушила молчание.

— Маркус сказал мне: «солнце встанет вновь. Я не могу предложить ни больше, ни меньше».

— Зачем ему вставать? — прошептала Айсдра, опутив взгляд в чашку. — Ему лучше скрыться в печали и скорби. — Она подняла голову и посмотрела на меня. — Моя жизнь сломана, но жизни других продолжаются. Словно ничего не произошло. Словно его никогда не существовало. — Она прерывисто задышала. — Никогда мне больше не услышать его голос, не почувствовать его прикосновений. Только если...

Я посмотрела на свои руки, внезапно устыдившись своих просьб.

— Айсдра, я не знаю, что сказать. Ты воительница, моя телохранительница и друг. — Голос дрожал, на глаза навернулись слёзы. — Я не хочу терять ещё и тебя.

Она молчала.

— Кроме того, — я постаралась выдавить из себя улыбку, — кто же вырастит Миру? Или малютку, который, надеюсь, у меня будет? Кто же научит их жизни Равнин, кроме тебя, Айсдра? — Я накрыла её ладонь своей ладонью. — Моя малютка будет ребёнком обоих миров, и ей понадобятся наставления обоих народов.

Я не думала об этом прежде, но это правда. Всем детям, которых я выношу, понадобится тхиэ. Я представила, как Анна и Айсдра спорят о вопросах воспитания в детской замка.

Ладонь Айсдры накрыла мою ладонь.

— Так оно и есть, Лара. — Её лицо потемнело. — И мой Эпор будет отомщён. — Она отвела глаза, взгляд стал далёким. — Но впереди ещё много закатов. Множество моментов... — Она осеклась и замерла, её лицо исказила печаль. — Я вынуждена уйти, трофей.

Я вскочила на ноги. Айсдра вышла из палатки и заняла позицию у одной из жаровен. Я вяло повернулась и села на пенёк напротив столов с различными бутылками и банками. Кавадж казался горьким на вкус. Боль в груди усиливалась до тех пор, пока меня не накрыло горе и чувство вины. Горячие слёзы быстро и тяжело закатали по коленям.

Я встала, захлопнула полог на входе и перевязала створки. Мне хватило здравого смысла, чтобы обернуть колокольчики на одном из узлов. Я не желала видеть гостей, здоровых или больных.

Спотыкаясь, я подошла к самому дальнему ко входу пню и села. Сквозь слёзы я потянулась за тканью и зарылась в неё лицом. Я не хотела никого видеть или слышать. Ткань заглушила мои всхлипы, и я отпустила себя, всю боль из своего сердца. Я согнулась, плечи затряслись, и я заплакала.

Я хотела увидеть Анну, дом и отца. Это была настоящая боль, из глубин сердца, тоска по дому. Мне не стоило покидать его безопасных стен, выходить на дорогу к Киру. Это я во всём виновата, во всём, и боль этой истины разрывала мне сердце и рвала горло.

Я убрала ткань от лица только чтобы сделать глубокий вдох, и закачалась из стороны в сторону. Боль и ужас от последнего вздоха Эпора никогда не сотрётся из моей памяти. Я снова прижала сырую ткань к лицу и застонала.

Почему я настояла пойти в ту деревню? Почему разрешила Эпору и Айсдре пойти со мной? Во всём виновата моё высокомерие, я виновата в его смерти и смерти остальных, сожжённых на пепелище деревни.

Всё казалось неправильным. Всё было подёрнуто в беспросветную тьму. Я не видела надежды. Одно отчаяние куда ни глянь. Мне ничего не решить. На самом деле мои действия приводят только к плохому.

Мира, милая кроха, перестала дышать в моих руках, я до сих пор чувствовала её холодные пальчики в своей ладони. Гил, о Гил, я когда-нибудь говорила, как горжусь им? Он упал к моим ногам, беспомощно бился в конвульсиях, и не в моих силах было спасти его. Ох, они были правы, даровав ему милосердие, и возможно, это было единственное лекарство от моей боли, ибо я не знала другого способа остановить печаль и горе.

Все мертвы, сгинули в огне разрушенной деревни, сотни мужчин и женщин. Всех забрала напасть, которую я была не в силах остановить, чтобы ни говорили о моих так называемых навыках исцеления.

Ифтен стал сильнее, намного наглее в своих действиях, и теперь у него новые союзники, включая Жодена.

Жоден потерял веру в меня, Кира и в самих элементарей.

Он больше никогда не назовёт меня трофеем.

Желудок связало узлом, и я проглотила ком в горле. Я жаловалась, что все обращаются ко мне по титулу, но Жоден был одним из первых, кто назвал меня трофеем после того, как Кир объявил меня своей. Его отказ от меня причинял нестерпимую боль. А ещё я высказывала все свои мелкие страхи и проблемы Жодену, обнажала перед ним душу. Как он это использует? Ранит Кира? Меня? И Кир...

Армия уничтожена, командиры повернулись против него, его планы на будущее обратились в прах, и я не буду винить Кира, если он в ярости отвернётся от меня. Уныние охватило меня, и я ещё сильнее прижала промокшую ткань и запричитала.

О Богиня, почему я ему солгала?

Он никогда меня не простит, никогда. Да как он может меня простить после всего зла, что я совершила его людям?

Нам?

Последствия, видимые и невидимые. Никакие мои действия не вернут моих друзей, не восполнят потерю. Я тряслась от рыданий, которые не могла остановить. Я солгала, и всё стало очень, очень плохо...

Мозолистая ладонь коснулась моей руки, нежно убрала ткань от лица, и я вернулась в реальность. Я знала, что это Кир, пусть он и стоял на коленях сбоку от меня. Я узнала его по прикосновению и пряному запаху кожи. Я не могла смотреть в его лицо, не могла поднять свои заплывшие глаза. Я знала, что увижу в его глазах, знала, чего заслуживаю. Злость, презрение — в конце концов он возненавидит меня за всё произошедшее.

Я села, трясась всем телом, стараясь остановить рыдания, смотря на колено, где его ладонь накрыла мою ладонь. Он ничего не говорил, и я постаралась выровнять дыхание, подготовиться увидеть отвращение в этих изумительных синих глазах. Если повезёт, он просто бросит меня, оставив бултыхаться в пучинах отчаяния.

Но его сильные пальцы шевельнулись и подняли мой подбородок. Я подняла глаза и увидела лицо моего военачальника...

Глава 12

В этих ясных синих глазах я увидела понимание и любовь.

Я снова расплакалась и бросилась в его объятия. Кир прижал меня к груди своими сильными руками и позволил вцепиться в него, точно ребёнку. Я плакала, а он убаюкивал меня и нежно гладил по спине, отчего мои рыдания становились лишь сильнее.

— Мне так жаль, так жаль... — Я засопела носом и попыталась ровно дышать, но смогла лишь еле выдавить из себя: — Это всё я виновата...

— Тсс.

Кир погладил меня по спине и накинул на нас одеяло. Тепло его тела окутало меня, и я обвисла в его сильных объятиях, продолжая плакать.

Кир ещё долго держал меня, но всё-таки отпустил и подошёл ко входу в палатку. Он снова перевязал его, добавив ещё больше колокольчиков уединения в ленту. Вернулся ко мне, усадил на соломенную постель и продолжил закутывать нас в одеяла, накрыв для начала плащом. Тихо и успокаивающе мурлыкая, он устроил меня точно в колыбели. Кровать начала нагреваться, и я наконец-то успокоилась. Кир вытер мои слёзы. Я лежала неподвижно, под его защитой, чувствуя как с души спадает камень и тело расслабляется.

Я дышала глубоко, вдыхая ароматы кладовой и пряный запах его кожи. Тепло его тела успокаивало, и я позволила Киру утешить меня, чувствуя, как таю под его прикосновениями. Он прошептал что-то об элементах, но это было не важно. Имело

значение лишь прикосновение, сила и любовь, что вливались в меня без единого слова. Одного стука его сердца под моим ухом и дыхания на коже было достаточно.

Его пальцы начали нежно распутывать мои спутанные волосы.

— Ты вошёл при колокольчиках.

Я зарыла лицо в одеяла, пока он продолжал гладить мои волосы.

— Вошёл.

— Разве это не грубо?

Дыхание вырвалось с трудом, я намотала одеяла на ладони.

— Да, — еле прошептал он. — Но я не позволю ничему встать между мной и моим военным трофеем.

Из горла вырвался очередной всхлип. Кир стал гладить меня по спине, успокаивать. Я лежала неподвижно, пытаюсь собраться с мыслями. Я слышала далёкие звуки лагеря, но меня это не заботило. Не хотело заботить. Я хотела забыть о них изо всех сил.

— Поговори со мной, Лара, — произнёс Кир глубоким успокаивающим голосом, и на мои глаза снова навернулись слёзы. Я не стала вытирать их ладонями, не стала подавлять свою грусть.

— Всё так ужасно, болезнь, столько смертей и Эпор, о Кир... — Я судорожно глотнула воздух и откинула голову, чтобы посмотреть в его глаза. — Айсдра так страдает. И Гил, он же был просто ребёнком, так старался и ... — Я не смогла закончить предложение. — Я видела его мучения, и кинжал... — Я застонала и зарыла лицо в его тунику. — Богиня помоги мне. Но хуже всего, что я солгала тебе, Кир, я не сказала...

Его пальцы накрыли мои губы, и я плакала, пока не осталось слёз и сил. Голова гудела, нос заложило, стало невозможно дышать. Кожаная броня тёрла щёку, залитая моими соплями и слезами. Киру было всё равно, но не мне. Я заставила себя поднять голову, попыталась отказаться от утешения, которого не заслужила.

— Это всё моя вина, Кир.

Он не выпустил меня из объятий. Он вытащил руку из нашего кокона, схватил чистый платок и протянул его мне.

— Высморкайся.

Я подчинилась и вытерла глаза и лицо. Он отложил платок в сторону и снова обнял. Его дыхание было сладким и тёплым. Боль в сердце немного улеглась.

— Итак, — нежно прошептал он. — Ты ответственна за всё? За болезни? За смерть?

Я закрыла глаза и кивнула.

— Как?

Я открыла глаза и заглянула в его ясные синие омуты.

— Я не должна была настаивать идти в деревню. Не должна была лгать тебе по поводу срока изоляции. — Я проглотила ком в горле и выдавила из себя правду: — Не должна была мнить себе, что смогу сама справиться с эпидемией.

Кир снова передвинулся и лёг полностью на спину, позволив мне обнять его за бок. Как только мы устроились, он тяжело вздохнул.

— Ты не единственный воин, кто взвалил на себя слишком много.

Я положила голову на его грудь.

— Может быть, ты права, Лара. А с другой стороны, враг мог уже находится среди нас, тихий и невидимый, пока мы спорили какие действия предпринять. Ветер дует, и никто не может ему помешать. Если бы я отверг тебя... если бы отослали гонцов и продолжили дальше путь, враг мог застать нас на Равнинах... кто знает?

— Мне так жаль.

— Такие нежные плечики не созданы для подобного горя. — Кир выдержал паузу. — Задумайся вот над чем. Чтобы произошло, если бы тебя здесь не было, если бы мы остались без предупреждения, не знали бы о болезни? Если бы Гил плохо слушал и не учился?

Я задумалась на мгновение и честно ответила:

— Не знаю.

— Это тяжелейшая истина, Лара. Нам неведомо что могло и как могло быть. Мы знаем только то, что произошло. — Он обнял меня чуть крепче. — Я говорю тебе эту истину: все наши действия, все до единого, привели нас в это место и некого за это винить.

— Жоден и Ифтен винят...

— Ифтен назовёт траву красной, если я скажу, что она зелёная. — Кир тяжело вздохнул. — Жоден подошёл ко мне честно и озвучил свои истины. Я его уважаю, а значит должен выслушать и тщательно обдумать его слова. Он тоже должен сделать собственный выбор и придти к самостоятельным выводам.

Я потёрла словно забитые песком глаза и положила голову ему на грудь.

— Я не понимаю, Кир. Как Жоден мог поддержать Ифтена?

Кир фыркнул.

— Жоден не поддерживает Ифтена. Жоден противостоит мне. Это совсем иное.

— Правда?

Кир стал медленно и долго гладить мои волосы.

— Ифтен пытается подорвать мой авторитет, строит козни в тени с целью отвернуть от меня моих командиров и армию. Он действует исподтишка и пытается спровоцировать

меня на глупость. Жоден выступает против меня честно и открыто, так чтобы это узрели Небеса.

Я втянула воздух носом.

— Ксиманд убил бы Ифтена.

Мой военачальник тихо рассмеялся.

— Твой брат слышал не умных советников, а только тех, кто спорил с ним. Роковая ошибка лидера. Мы, равнинники, не затыкаем рты нашим оппонентам, чтобы остаться сильными. Камень точит остриё меча. Хороший лидер не отмахивается от своих врагов; он выслушивает их слова и тщательно обдумывает. Иногда ведь они бывают правы? — Кир лёг поудобнее. — Жоден поделится своими истинами, и я выслушаю его.

— Кир...

— Я разочарован, что ты скрыла от меня правду, прежде чем войти в деревню.

Дыхание вырвалось приглушёнными рыданиями, вернулись слёзы. Я подняла голову, посмотрела в глаза Кира и попыталась заспорить. Но Кир покачал головой, останавливая меня.

— А также я разочарован в себе: ты не смогла мне довериться. Это моя вина.

Он подтянул меня и прижал мою голову к своему плечу.

— Ложь твоего брата чуть не уничтожила нас, но вместе мы одолели его. Мы будем всё преодолевать вместе. Но всё-таки признаю, я не думал, что ты будешь манипулировать людьми в таком духе.

Горло сжало от всхлипа, но мне удалось прошептать:

— Я думала, что сделала правильный выбор.

— Только если для наших людей. Но не для нас. Не для тех чувств, что мы друг к другу испытываем. — Кир вздохнул, крепче меня обнимая. — Маркус предупредил меня. Сказал, что узы сложнее, чем я это осознаю, и требуют больше усилий, чем «перекинуть женщину через плечо и объявить её своей».

Я кивнула.

— Эпор говорил тоже самое. Он сказал, что ты должен быть у меня на первом месте. Кир, — Я напрягла голос, пытаясь убедить его в искренности своего сердца, — Обещаю, я никогда больше...

— Нет, — покачал головой Кир. — Доверие не так легко завоевать. Оно требует усилий и работы обеих сторон, ведь так?

Я обняла его и кивнула. Печаль никуда не исчезла, но зародилась искорка надежды.

— Давай пообещаем верить друг в друга, — продолжил Кир. — И через всё пройдем вместе.

— О да, мой Кир. — Я нежно поцеловала его и ткнулась носом в его ухо. Он поднёс мою ладонь к губам и поцеловал. Завёрнутые в одеяла и полностью одетые, я ощущала этот момент более интимным, чем если бы мы были обнажены.

— Я могу остаться здесь навсегда, — прошептала я.

— Я тоже, — прошептал он в ответ. — Иногда я мечтаю взять двух лошадей и ускакать с тобой за горизонт.

Я удивлённо изучила его лицо. Он пристально посмотрел на меня в ответ.

— Мы можем сбежать, Лара. Далеко и быстро, стать свободными, как птицы, чтобы только небо осталось нашим свидетелем. Мы будем друг у друга. Никаких забот, помимо необходимых, никаких обязанностей, никакого...

— Ифтена?

— Никакого Ифтена, — прорычал он. — Идеальное будущее.

— Согласна.

Он сладко вздохнул, и мы немного полежали в тишине, пока я чуть не сместилась и сказала ему на ухо:

— Но это не в твоём духе, Кир из рода Кошек, военачальник Равнин.

Я почувствовала, как он кивнул.

— И не в твоём, Ксилара, дочь Кси и мастер-целитель.

Я кивнула, но продолжила хранить молчание.

— Маркус будет беспокоиться. — Кир грустно улыбнулся. — Если бы я только мог, то взял бы тебя на руки со всеми этими одеялами и понёс бы прямо в шатёр. Но боюсь, если попытаюсь, то просто упаду и уроню тебя.

Я улыбнулась сквозь слёзы.

— Тогда пошли вместе, поддерживая друг друга.

Что могу сказать, «очищение» для этих людей синоним «полного обновления». Всё в лагере было настолько тщательно вымыто и выдраено, что даже Анна бы осталась довольна. Палатки перенесли на новую землю, лошадей помыли. Что нельзя было помыть и прокипятить, почистили и отполировали, пока не засиял весь лагерь. Жаровни расставили по определённым местам и разожгли так называемую звёздную траву, чтобы очистить воздух и духов. Единственное, от этой травы мне жутко чихалось.

Уборка заняла много времени и сил. Сначала воины двигались медленно, ещё не до конца оправившись после болезни. Но прошли дни, силы вернулись, настроение

улучшилось. Кир уже мог свободно ходить по лагерю. Вскоре к нему вернётся прежняя уверенность.

Мира тоже сильно изменила лагерь.

Стоило любому воину увидеть её нежные карие глазки и тёмные ресницы, как он бросался поддержать её за пальчик. Я не часто её видела: малышку передавали от воина к воину, и каждый нянчился с ней хотя бы часть дня. Сначала я сильно беспокоилась, но каждый раз как я её проводывала, она всегда улыбалась и радостно махала ручками и ножками, лёжа в корзине. Она излучала жизнь, и её присутствие поднимало всеобщий дух.

После очищения почти все восстановили полные силы, а приближение запланированных соревнований заставило всех быстрее вернуть себе лучшую форму. Лагерь потонул в лязге мечей и криках сражающихся. Кир тоже ходил тренироваться, объявив, что ему это просто необходимо. Но насколько могу судить, он был в отличной форме. Мне нравилось наблюдать за его тренировками. Такой грациозной, не зря его прозвали Кошкой. Казалось, он наслаждался, что я наблюдала за ним в любую представленную возможность, но все же не все вернулось на круги своя. Хотя, казалось, он полностью поправился, Кир не предпринимал никаких действий, чтобы восстановить... наши физические отношения. Я не слишком волновалась, но все же...

А ещё по лагерю постоянно разносились крики воинов, объявляющие шахматные ходы друг другу. Каждый хотел поучаствовать в турнире и завоевать почётный титул чемпиона. Некоторые даже приходили ко мне в кладовую пожаловаться на «проблемы с желудком» и коварно выведать про шахматные стратегии. Я бодро отвечала на их расспросы, давала самое плохо пахнущее и ужасное на вкус лекарство от флюса и отпускала на все четыре стороны.

Мало кто возвращался повторно.

Из города Водопадов пришли ещё письма с заверением, что в городе всё нормально. Озар продолжал жаловаться на поведение Симуса, но теперь также упомянул дополнительные проблемы с лордами, включая некоторые пограничные споры, которые, по его мнению, не решатся без кровопролития. Значит в королевстве Кси всё как всегда.

Симус же в открытую требовал, чтобы мы писали более подробные ответы и прислали ему ещё больше каваджа. Он даже поделился содержательными подробностями своих амурных приключений. Я едва смогла сдержать смех, представив, что чувствовал в тот момент писец. Уверена, бедняга чуть не лишился чувств от подобной диктовки.

Из письма Эльна было приятно узнать, что Атира вылечила ногу и научила его барабанной технике. Он успешно использовал её на своих пациентах и остался доволен

результатом. Конечно, он продолжал искать травы от того, что он прозвал Свирепой Потницей, но ему не на ком было их испытывать. Я чувствовала его разочарование между строк, но поблагодарила Богиню, что никто не заболел. Озар и Эльн написали мне не возвращаться в город. Я ничего бы не смогла исправить, а совет хочет, чтобы я закрепила своё положение на Равнинах.

Кир созвал вечерний сенель с целью обсудить поединки и шахматный турнир. Это была очень приятная встреча, командиры были расслаблены. Даже опытные воины соблазнились шахматами, и я даже услышала, как при входе в шатёр кто-то продолжал обмениваться ходами. Глаза Ортиса так и сияли, словно он только что поставил кому-то мат.

Маркус потрудился на славу. Кавадж, поджаренный хлеб и тушёная баранина с гартom. Баранина была хороша, но я незаметно убрала расплавленный гарт в сторону.

После того как все набили животы и разлили по чашам ещё больше каваджа, Кир стал выслушивать предложения по поединкам. Отборочные матчи быстро согласовали и расписали так, что каждый смог увидеть хотя бы некоторые из них. Было неловко осознавать, что пост моего охранника для них столь вожделенная должность, но я видела, как это было важно для общего духа, и молча терпела.

Пришла Сэл. Она уверенно шла на поправку. Цор сильно похудел, буквально сторел от лихорадки. Маркус дал ему две порции баранины и больше гарта, которые тот живо уплёл за обе щёки.

Ифтен тоже пришёл, как того велели правила, но я заметила, что он ест только здоровой рукой. Он делал вид, что всё в порядке, но я-то видела. Он надел тунику с длинными рукавами и кожанами напульсниками на предплечьях. Он пытался избегать моего взгляда, но я заметила, как у него сильно опухли пальцы. Богиня знает, как сейчас выглядит его рука. Он держался довольно тихо и говорил, только когда Кир задавал ему прямой вопрос. Кир наставил Йерса по поводу судейства над матчами и бросил несколько косых взглядов на Ифтена, но никто ничего не сказал.

Я уставилась в тарелку. Что будет, если у Ифтена не заживёт рука? Я оглянулась на Маркуса, который наливал кавадж Киру. Раны Маркуса не так сильно его искалечили, как я это описывала, даже если потеря глаза означала, что он больше не боец. Он доказал свою ценность, когда спас меня от клинка моего сводного брата. Но он жив только

благодаря защите Кира. Если ведущая рука Ифтена онемееет, а пальцы превратятся в бесполезные клешни, что будет? Он покончит с собой?

Я откусила мяса и задумчиво прожевала.

Кир посмотрел на меня с улыбкой.

— Как только пройдут поединки, и мы выберем нового телохранителя, начнём шахматный турнир. Он тоже займёт несколько дней.

Поднялась Арет

— Военачальник, у меня есть предложение.

— Говори.

— Эти игры будет тяжело увидеть из-за большого скопления народа. Предлагаю сделать живую шахматную доску, чтобы воины играли роли разных фигур. Тогда все всё увидят и наслаждаются игрой, даже на расстоянии.

Многие заулыбались от подобного предложения, и Кир кивнул.

— Мне нравится твоя идея, Арет. Давайте, как только останется восемь игроков, перейдём к живым шахматам. Арет, это твоя мысль. Можешь организовать всё как пожелаешь.

Арет улыбнулась.

Кир сделал глубокий вдох.

— Наши мёртвые скачут вместе с живыми до самых снегов, но живые несут бремя боли и печали. Ближе к отъезду я устрою траурную церемонию, чтобы почтить память погибших. Жоден, я прошу тебя распланировать церемонию и спеть для мёртвых.

Жоден сидел, сложив руки на колени и склонив голову. Я с трудом сглотнула ком в горле.

Кир поддался вперёд.

— Жоден, это не имеет ни малейшего отношения к нам, только к памяти мёртвых.

Мы сидели в тишине чуть ли не целую вечность, пока Жоден сказал, не поднимая головы:

— Столь многим нужно спеть.

— Многим, — тихо, но уверенно произнёс Кир.

И снова воцарилась тишина. Жоден устался на свои стопы. Я заёрзала на пне.

— А узорные танцы будут?

Мне очень понравилось какие узоры они станцевали в прошлый раз. Но даже прежде чем слова слетели с моих губ, я поняла всю глупость своего вопроса. Узорные танцы полны радости, им не место на похоронах.

— Нет, трофей, — спокойно ответил Кир, подтверждая мои мысли. — Это траурная церемония.

— Кажется, теперь я знаю лишь погребальные песни. — Жоден вздохнул и кивнул. — Я спою. Мы оплачем мёртвых.

— Спасибо, певец.

Кир всех распустил и встал со мной, когда все ушли. Жоден тоже ушёл, ни разу не посмотрев на Кира. Я видела, что он разрывался между долгом и дружбой, и мне хотелось хоть как-то помочь. Кир сказал, что Жоден должен сам принять решение, но, может, я смогу поговорить с ним без свидетелей.

Я прикусила губу при этой мысли. Я верила Жодену как другу и делилась с ним всеми сомнениями и страхами. Подробности того разговора пронеслись в моей голове. Использует ли он эти сведения против меня? От этой одной этой мысли желудок связало узлом. Я так и представила, каким очаровательным тоном он описывает жалобы горожанки-трофея. Ненавязчиво я просунула ладонь в ладонь Кира. Он крепко сжал её и согрел.

Йерс задержался, и как только все разошлись, подошёл к нам.

— Трофей, я прошу твоего символа.

Поражённая, я полезла в сумку за склянкой.

— Вот мой символ, Йерс. Какие истины ты хочешь озвучить?

Йерс сжал банку обеими руками и потёр её большими пальцами. Он не смотрел мне в глаза.

— Трофей, я хочу убедиться, что вы не затаили злобы за то, что я даровал Гилу милосердие.

К горлу подкатил ком, слёзы ужалили глаза.

Маркус встал подле меня.

— Он не позволил мне самому задать этот вопрос, Лара. Боялся, что ты меня возненавидишь.

Кир сжал мою ладонь, и я достаточно успокоилась, чтобы произнести ритуальные слова.

— Я отвечу на твою истину.

Йерс протянул мне банку в знак доверия. Я забрала её и долго ставила в сумку, пользуясь возможностью, чтобы прочистить горло и мысли. Почувствовав, что смогу продолжить, я заглянула Йерсу в глаза.

— Йерс, ты поступил правильно. Как только у него начались конвульсии, я... — я прикусила губу и перевела дух, — я ничего не могла сделать, кроме как дожидаться конца.

Я слабо улыбнулась.

— Признаю, тогда я была зла и подавлена. Я не сдаюсь так легко. Но ты поступил правильно.

Йерс кивнул.

— Я рад слышать, трофей, что между нами не затаилось злобы. Благодарю тебя за твою истину.

Он кивнул Киру и ушёл.

— Хорошо сказано, трофей. — Маркус стал собирать пустые кружки и тарелки. — У меня ещё осталась баранина, наверное, отнесу её Цору. Его нужно откармливать. Заодно проверю Миру.

Кир вздохнул.

— Мне нужно пройти по лагерю.

Я слегка повернулась и покачала головой.

— Я так не думаю, военачальник. На эту ночь у меня для тебя другое задание.

Маркус фыркнул и ушёл.

Кир поднял бровь.

— О? И что это за задание, трофей?

— Оно потребует всё твоё внимание, военачальник.

Я подошла ближе, достаточно, чтобы почувствовать жар его тела. Достаточно, чтобы он почувствовал аромат ванили, которой я побрызгала шею. Я довольно понаблюдала, как у него раздуваются ноздри.

Он изогнул бровь, и я увидела смешинки в его глазах.

— Может, я могу поручить это задание кому-нибудь из моих воинов?

— Нет, мой военачальник.

Я взяла его за руку и переплела пальцы. Улыбнулась, пошла к спальне и потянула за собой.

— Ты уверена?

Кир притянул меня, и я прижалась спиной к его груди. Он обвил мою талию и обнял. Уткнулся носом мне в шею, и я чуть наклонила голову, чтобы он смог достать чувствительную точку, как раз под ухом. Он нежно рассмеялся.

— Может, приказать Престу...

Фыркнув с досады, я развернулась в его руках и потянула поцеловать. Я отстранилась и увидела, что смешинки никуда не делись, искорка так и горела в голубых глубинах, но погасла, уступив место эмоции, которые мгновенно узнала.

Замешательства из-за того, что мы живы.

Вины за то, что выжили.

Кир убрал мои волосы назад и обнял пальцами затылок. Я задрожала от его прикосновения. Он притянул меня ближе и снова поцеловал. Это был долгий медленный сладкий поцелуй. Я обхватила его как можно крепче и потянулась к его теплу.

Он прервал поцелуй и зарылся лицом в мои волосы, дразня губами мочку уха.

— Или, может быть, Рэйфа...

Я напряглась, даже если он и рассмеялся. Слегка повернула голову, нежно лизнула мочку, а потом прикусила.

Он дёрнулся, тяжело дыша.

— Наверное, всё-таки нет.

Я рассмеялась.

Кир улыбнулся и взял меня на руки.

— Кир, — запротестовала я, прекрасно понимая, что он не до конца поправился. Но он не послушал меня и отнёс в нашу спальню, положил на изножье кровати. Даже это потребовало усилий. Я почувствовала небольшое подёргивание в мышцах рук. Я остановила его.

— Позволь мне.

Он довольно вздохнул, а я начала расшнуровывать его кожаные доспехи. Кир настоял надеть броню на сенель, но только чёрную кожу. Я не спешила, медленно водя носом по лицу и шее, лаская пальцами кожу. Он весь словно соткан из противоположностей: жёсткие мускулы рук, мозоли на ладонях, мягкая кожа на животе. И множество шрамов, но они такая же часть его, как и всё остальное, и я изучила их все пальцами и губами.

Он остановил меня со стоном и раздел за пару быстрых движений.

— Кир, — я не закончила, а он ещё только наполовину разделся, но уже напал на мой рот и начал собственное путешествие, исследуя руками каждый дюйм моей кожи. Я почувствовала его желание и отчаянность и попросила большего.

Я вскрикнула, когда он отодвинулся, но Кир только встал снять штаны и вернулся в мои объятия. Я думала, мы будем занимать любовью долго и медленно, но огонь между нами вспыхнул ярко и дико. Он вошёл в меня, твёрдый и горячий, и мы не остановились, уводя друг друга всё дальше и дальше, достигая вместе пика, пока оба не закричали, разлетаясь на тысячи ярких осколков удовольствия.

Кир перевернулся на бок, забирая меня с собой, удерживая наши тела плотно прижатыми. Мы лежали неподвижно, пока не выровнялось дыхание. Всё моё тело трепетало, горело в местах, где его кожа касалась моей кожи, и покрывалось мурашками там, где её ласкал охлаждённый воздух.

Кир погладил мою спину, и настала моя очередь вздыхать от удовольствия, когда он уткнулся носом мне в ухо. Его руки прошли по моей спине, слегка коснулись рёбер.

— Ты похудела.

— Ты тоже, — прошептала я и провела руками по его рёбрам. — Всё вернётся, как только мы излечимся. — Я посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы. — Хотя некоторые идут на поправку быстрее остальных.

Кир хитро улыбнулся.

— Я берегу силы для самого важного.

Я рассмеялась, задыхаясь от восторга.

— Ты словно светишься изнутри, когда смеёшься, Лара. — Он погладил моё лицо, и я покраснела. — Я скучал по твоему смеху.

— В последнее время было так мало поводов для радости.

Он кивнул и притянул меня ближе.

— Истина, Лара.

— Мы потеряли так много, — мой голос дрогнул, когда я вспомнила обо всём, что произошло.

— Но мы выиграли, — возразил Кир. — Мы научились многому друг от друга и от наших людей. Мы стали сильнее.

— Но какой ценой.

Ки накрыл меня своим телом.

— Её всегда приходится платить.

— Я просто, — я сглотнула, — Так много умерло, а мы...

— Живы.

Кир смахнул слёзы с моих щёк и осыпал лицо нежными поцелуями. Я прижалась к нему, радуясь его прикосновению.

Мы нежно и мягко ласкали друг друга, шепча слова любви и утешения, даря друг другу удовольствие. Боль в сердце ослабла, и я забыла про свой страх и чувство вины. За этой палаткой свирепствует боль, проблемы и смерть. Но здесь, в объятиях Кира, сила, любовь и поддержка. И это чудо подтверждалось каждым соприкосновением наших губ.

Но ещё более дивным было то, что он, казалось, получал то же самое от меня, выражая свою любовь сердцем и телом. И это делает меня настоящим партнёром, трофеем своего

военачальника, женщиной своего мужчины. Кто мог знать, что за сокровище я найду в объятиях завоевателя?

На этот раз наше обоюдное удовольствие растянулось. Менее неистовое, чем в прошлый раз, но от этого не менее сладкое. Кир уткнулся носом в мою грудь, дразня руками и губами. Я не была столь аппетитной, как воительницы Равнин, но Кир, казалось, был доволен. Богиня знает, как я стонала от его прикосновений, отвечая на каждую ласку.

Когда он взял мой сосок в рот, я резко выдохнула, зарыв ногти ему в спину. Он усмехнулся, радуясь моей реакции. Но я уже много научилась и опустила руки, чтобы подразнить волосы внизу спины. К моему удовлетворению, он утробно прорычал.

На этот раз мы не разлетелись вдребезги, а скорее медленно растворились в блаженстве. Кир лежал с полужакрытыми глазами, тяжело дыша, а я накинула одеяла на наши охлаждённые тела. Кир привлёк меня к себе, и мы вместе заснули.

Мы проснулись, сплётённые в темноте, под мягким светом жаровен. Это был рай: лежать в его объятиях, наслаждаться запахом его кожи и смотреть ему в глаза. Мы просто лежали и наслаждались.

Кир двинулся первым и убрал влажные волосы с моего лба.

— Я не знал, что это значит.

Я моргнула и сосредоточилась на его голубых глазах, тёплых и насыщенных. Возможно, они отражали моё счастье. Я провела пальцами по мягкой коже и волосам на его груди.

— Чего не знал?

— Не знал, что значит «навсегда».

Я застыла, неуверенная и испуганная. Я помнила тот момент так чётко. Это было, когда Кир объявил меня своей во второй раз. Ветер в волосах, боль в босых ногах, страх, что он не позволит мне остаться с ним и радость, когда он прошептал мне на ухо «навсегда». Он пожалел о своих словах?

Он улыбнулся и погладил меня, снимая часть напряжения.

— Нет, нет, огонь моего сердца, ты меня неправильно поняла. — Кир перешёл на ксианский: — Когда я сказал то слово, то дал тебе обещание, но я не до конца понимал его смысл.

Он слегка сместился, притянув меня ниже.

— Это не просто многие года до конца наших жизней. Или как мы говорим до снегов и после.

— О?

Я до сих пор не понимала, какую мысль он пытается до меня донести.

— «Навсегда» означает каждый день, каждый вдох. Несмотря на ошибки, которые мы совершили, несмотря на любовь, которой мы поделились своими телами, в болезни, радости, печали и горе. Вот что это значит, Лара.

Я растаяла, внимательно слушая, впитывая каждое слово.

— Все наши общие моменты, хорошие и плохие, прекрасные и уродливые.

Я приподнялась на локте и заглянула ему в глаза.

— Кир...

Он прижал палец к моим губам.

— Я пытаюсь сказать, что теперь, когда я понял значение этого слова, оно стало для меня в стократ важнее.

Я улыбнулась и погладила его щёку.

Он выдохнул от расстройства.

— Я воин, — он поморщился, — Варвар в глазах твоего народа. Мои слова слетают нелегко, на любом языке. — Он накрыл мою ладонь своей ладонью. — Поэтому я сообщаю тебе эту истину, Лара, Ксилара, дочь Кси, королева Кси, целитель, военный трофей и моя любимая, я твой суженый. Навсегда.

Я поцеловала его, хотя на глазах выступили слёзы.

Кир неуверенно на меня посмотрел.

— Надеюсь, это слёзы радости.

Я кивнула, смеясь.

— Конечно же, мой Кир.

— Так что? Не хочешь мне ничего сказать?

— Кто, я?

Я выгнула бровь, стараясь не расплыться в улыбке.

Он зарычал и прижал меня к кровати, накрывая своим телом. Я громко рассмеялась и зарыла руки в его волосы.

— Кир из рода Кошек, воин Равнин, военачальник Равнин, повелитель Кси, я сообщаю тебе эту истину. Я твоя суженая. — Я выдержала паузу и приняла более серьёзный вид. — Навсегда. Чтобы ни уготовали нам боги и элементарии.

Он поцеловал меня и переплёл наши пальцы.

— Огонь моего сердца.

Он усмехнулся, белые зубы сверкнули в полумраке, а затем снова перевернул нас, чтобы я оказалась наверху. Его пальцы обхватили мои бёдра.

Я села, позволив одеялу слететь с плеч. Его глаза заблестели, и я приподняла бровь.

— Что ты?..

Он выгнулся подо мной, и я ахнула.

Его улыбка стала шире.

— Как насчёт урока верховой езды?

Я выгнула спину и застонала от удовольствия.

Несколько дней спустя, ранним утром, когда Кир ушёл судить поединки, я воспользовалась его отсутствием, чтобы заняться неприятной задачей. Когда я рассказала Рэйфу и Престу, что хочу сделать, Рэйф побледнел и посмотрел на Преста, ища поддержки.

— Я не уверен, что это мудро.

Прест пожал плечами.

Рэйф насупился.

— От тебя никакой помощи.

Я встала.

— Я поговорю с ним, с вами или без вас.

Рэйф преувеличенно вздохнул и последовал за нами из палатки.

Последние несколько дней в воздухе висел тяжёлый туман, и сегодня утром на траву и деревья лёг толстый слой инея. Первые сильные заморозки, предвещающие начало зимы, мы называли кружевом Богини. Вскоре, через несколько недель, пойдёт снег. Интересно, какая она, зима на Равнинах?

Почти все пошли смотреть на поединки, за исключением тех, кто стоял на карауле. Прест и Рэйф шли за мной, когда я бесцеремонно вошла в палатку Ифтена.

Он сидел на пне и поедал гарт левой рукою. Правую же руку он практически прижимал к груди. Я прошла достаточно далеко, чтобы в палатку вошёл Прест, но остановилась, так как по лицу Ифтена было件нятно, что мне здесь не рады.

— Ифтен.

— Ксианка.

Я напряглась. По его тону и выбору обращения не оставалось сомнения, что меня только что оскорбили. Прест положил руку на эфес меча. У Ифтена блеснули глаза, но отвёл взгляд и нехотя произнёс:

— Трофей.

Прест опустил ладонь.

Я откашлялась.

— Ифтен, я хочу поговорить о твоём ранении.

— Мне ничего от вас не нужно, трофей. Ни ваше лечение, ни ваши слова.

— Если ты отказываешься от моей заботы, я не могу никак на тебя повлиять. Ты свободен делать любой выбор. Но по моей клятве я должна предупредить тебя о последствиях твоего выбора. Поэтому я скажу. Слушать или нет, решать тебе.

— Я не буду...

— Ветер научит, если мы только прислушаемся, — перебил его Прест.

Я удивлённо повернулась к нему. Было так непривычно слышать подобное от Преста. Словно он произнёс какое-то высказывание. Но лицо Преста было равнодушным и невозмутимым.

Ифтен опешил. Он посмотрел на Преста, а потом отвернул голову, словно стыдясь чего-то.

— Я выслушаю.

— Твоя рука ужасно опухла, а кожа стала бледной. Ладонь и пальцы онемели, так что каждое движения отзывается болью. Из руки ушла сила.

Ифтен выпучил на меня глаза, но ничего не сказал.

— Если ты не позволишь мне закрепить руку, то можешь исцелиться, но не до конца. Ладонь может перестать тебя слушаться. Возможно, ты никогда не вернёшь полную силу.

— Я выдержала паузу. — Это твоя ведущая рука.

В ответ он прожёл меня взглядом.

— Если позволишь позаботиться о себе, то велики шансы, что ты полностью поправишься. Если будешь дожидаться встречи с воином-жрецом, то возможно уже будет нельзя ничего исправить.

— Ты наложишь своё заклинание, трофей, — с издёвкой произнёс он.

— Я не пользуюсь магией, Ифтен. У меня есть только навыки и знания моего ремесла. Всё остальное в руках Богини... или элементарей.

Воцарилась долгая тишина, и на мгновения я посмела надеяться, что он согласится. Но его лицо потемнело, а в глазах вспыхнул гнев. Я проиграла.

— Я выслушал тебя, и ветер ничего мне не принёс, — выплюнул он в ярости. — А теперь уходи.

— Дурак, — ответил на это Прест.

Ифтен не думая потянулся за оружием, но боль настигла его быстрее, чем он шевельнул рукой. Он зашипел и прижал руку обратно к груди.

Я развернулась и ушла, не добавив ни слова. Когда мы вышли и направились к палатке Кира, я поинтересовалась у Преста:

— Что это было?

Он улыбнулся, ветер развеял его косы.

— Инструмент воспитания.

— Для детей. — Рэйф покачал головой. — Для тихони ты прекрасно умеешь заставить человека изойти пеной.

Прест усмехнулся.

Рэйф повернулся ко мне.

— Оно звучит примерно так, трофей.

Ветер научит, если мы только будем слушать.

Звёзды выведут, если мы только будем смотреть.

Воды охладят, если мы только будем искать.

Огонь согреет, если мы только будем осмотрительны.

Помни об этом, дитя Равнин.

Я кивнула и перевела взгляд на Преста.

— Ты оскорбил его.

Прест покачал плечами, но не улыбнулся.

— Как долго, трофей?

— До того как рука перестанет двигаться?

Он кивнул.

— Зависит от припухлости. Но урон будет необратим, если он не получит в течение следующей недели или около того. И даже тогда я могу повторно сломать ему кость.

Прест хмыкнул. Он выглядел по-странным довольным.

Поединки были одновременно тревожными и волнительными.

Тревожными, потому что войны бились ожесточённо, голыми и с мрачными лицами. Я привыкла наблюдать за тренировками, но была не готова к обнажённым поединкам. Да, они шли до первой крови, но всё равно были смертельно серьёзны. Каждому бою назначался судья: обычно один из командиров или сам Кир.

Волнительными, потому что у каждого поединка были зрители, которые кричали, критиковали и поддерживали. Скорее участники, чем наблюдатели. Первые боя два я сидела в страхе, думая, что они друг друга поубивают. Но Айсдра отметила уровень мастерства воинов, а Йерс объяснил, что убийство противника в подобном поединке воспринимается как бесчестие. Так что я постепенно начала расслабляться. Шум оглушал, но возбуждение было заразительным, и вскоре я уже орала, как и все остальные. Кир посмеялся над моим энтузиазмом, но напомнил, что лучше мне не выбирать любимчиков. Но было тяжело просто смотреть и не участвовать, поэтому я большую часть времени провела в кладовой. Бои ведь заканчивались не только определением победителя: воинам нужна была моя помощь. Последний за сегодня пришёл ко мне, держа правую руку в левой ладони.

— На вид рана глубокая.

Я потянулась к его руке, чтобы лучше всё рассмотреть. Кровь сочилась через кожаную броню. Слава Богини, грязь не попала, и я подняла голову, чтобы успокоить воина.

Сквозь длинные каштановые волосы на меня угрюмо уставились огромные карие глаза.

— Я продержался четыре раунда, трофей, но удар Андера пробил доспех.

Если ему двадцать, я не поверю. Разочарование воина было очевидным. Я осторожно перевернула руку внимательно и посмотрела поближе.

— Неприятный порез. Садись, посмотрим, что можно сделать.

Юноша перемялся с ноги на ногу и медленно сел. Я позвала Рэйфа, который стоял на страже у входа в палатку, и повернулась обратно к своему пациенту.

— Как тебя зовут?

— Кедер, трофей.

С помощью Рэйфа я сняла с юноши доспехи. Рэйф присвистнул, увидев дыру в броне:

— С кем сражался?

— С Андером.

— Он сильный малый, — кивнул Рэйф. — Сколько боёв ты уже провёл?

Юноша поднял взгляд.

— Четыре, воин.

— Тогда ты хорошо постарался, раз прошёл так далеко.

Рэйф кивнул мне и вернулся на свой пост.

Юноша выпрямился при последних словах Рэйфа. Я начала промывать его руку, хотя на ней не было особой грязи.

— Вы кровавой мох приложите?

Я удивлённо уставилась на него.

— Что? Да, наверное.

Он кивнул.

— Девчонки мне сказали. Мол, рану нужно прочистить. — Он осмотрел её критичным взглядом. — Выглядит чисто.

— Ты знал Ги́ла?

Он кивнул, здоровой рукой развязал мешочек на поясе и достал маленькую пригоршню кровавого мха, бережного завёрнутого в чистую ткань.

— Я дружил с Ги́лом, трофеем. — Его лицо не дрогнуло, но я услышала боль в его голосе. — Я хотел бы занять его место и стать вашим защитником.

— Ги́л не был моим защитником, Ке́дер. Он был моим учеником, — с запинкой ответила я.

— Он защищал ваше знание, — тихо ответил Ке́дер.

Я потянулась за высушенными листьями и сморгнула слёзы. Ке́дер понаблюдал в тишине, как я аккуратно зафиксировала руку и плотно прижала к ране мох. Знакомый заплесневелый запах ударил в ноздри. Как только мох сменил цвет, я убрала его и увидела затянувшуюся розовую кожу.

— Побереги сегодня руку, Ке́дер.

— Хорошо. — Он заёрзал на месте и сам надел тунику. — Трофей, Ги́л рассказал мне множество интересных вещей, и я хочу узнать больше. Только я не знаю, хочу ли оставить путь воина...

Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Прекрасно, если хочешь узнать больше. Приходи, когда будет время, и я научу тебя кое-чему полезному.

Ке́дер кивнул, собрал части брони и повернулся уйти. Но тут я вспомнила об одних словах Ги́ла.

— Ке́дер?

Он повернулся с вопрошающим взглядом.

— Это не у тебя вскочил чирей?

Он колебался, но кивнул.

— Я пытался справиться сам, трофей. Подумал, вы рассердитесь. Но оно вернулось, больше и болючее.

— Снимай штаны, юноша.

Я потянулась за ланцетом с тихой радостью в сердце. Хотя что-то я могу вылечить.

— Давай решим твою проблему. Я расскажу тебе всё про чирей.

Кедер вздохнул и подчинился.

Решив проблему Кедера, я вернулась в командный шатёр. Кира до сих пор не было, но Маркус пообещал подготовить четыре ведра горячей воды, выдав мне мыло и сухую ткань. Люди Кира может и спокойно купаются вместе голышом в речке, но не я. В то время как о горячей ванне не могло быть и речи, не могло быть ничего лучше, чем обмыться тёплой водой, уйдя в «укромный уголок». Рэйф и Прест остались охранять вход в шатёр.

Маркус ждал внутри.

— Всё готово, трофей. Если понадобится помощь с водой — зови.

— Обязательно. — Я повернулась и зыркнула на свою стражу. — И чтобы никто не входил.

— Даже военачальник? — поинтересовался Прест с лукавой усмешкой.

— Ему можно. — Точнее я даже надеялась, что он именно так и сделает. Я не видела его большую часть дня. — Но остальным нельзя, даже больным.

— Как прикажет трофей.

Прест поклонился, и Рэйф с Маркусом прыснули со смеха.

Зайдя в уборную, я проверила температуру воды, положила сумку на скамью и принялась раздеваться. Ох, как же мне не доставала источников под замком Водопадов. Какая же это роскошь окунуться с головой в горячую воду, а я ещё воспринимала её как должное. Но учитывая условия проживания в лагере нужно быть благодарной за то, что есть. До сих пор трясусь от воспоминания о ледяных глубинах озера.

Я не спешила, надеясь, что появится Кир. Стянула тунику, распустила косу, сняла штаны. Стоило наклониться, как мне показалось, что я немного раздалась в талии. Конечно, Маркус кормит меня на убой, но все же...

Я замерла и задумалась. А когда у меня в последний раз был цикл?

Последний день, как помню, пришёлся на наш с Киром пикник у озера. Я покраснела при воспоминании о нашем любовном свидании. Солнце, вода и уединение. Тогда я не взяла это в голову, и вот, несколько недель спустя, никаких признаков крови. Правда, болезнь могла вызвать задержку, но...

Я беременна?

Я села и уставилась на стену палатки, задумавшись над этой возможностью, пытаюсь решить, что именно чувствую. Я не чувствовала себя беременной, но был ли у меня опыт. Но я прекрасно знала признаки беременности, как и любой другой целитель, и ничего подобного не испытывала. Ни отёка нижних конечностей, ни тошноты.

Я подумала о том, как Кир играл с маленькой Мирой, как другие нежничались с ней, как любой ксианин. Известие о моём положении принесёт великую радость, но породит и новые проблемы. Совет Кси поставил условия моего принятия в роли трофея. Я никогда не говорила об этом с Киром. Это не стало бы проблемой, пока я не забеременею и не понесу ребёнка.

И снова ложь с моей стороны. Я нервно затеребила губу. Как рассказать ему, что я пообещала? Прежде чем я увидела его с ребёнком, мне казалось, что этим людям наплевать на детей. В конце концов они вынашивают их и оставляют на воспитание тхиэ, чтобы самим служить в армии. Но они показали, что ценят детей также как и мой народ, а может даже и больше.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Скажу ему только когда рожу, не раньше. Айсдра уже рожала, она поможет. Я могу довериться ей, но даже хоть я и подумала о ней, сейчас я ничего ей не скажу. Ещё слишком рано, а я не желала приумножать её боль или того хуже давать ложную надежду. Расскажу, когда буду знать наверняка, не раньше.

Конечно, время покажет, а я постараюсь быть практичной. Но на один момент я приложила руку к животу и увидела играющего с деревянным мечом маленького мальчика с тёмными волосами и синими глазами. Он был так похож на Кира...

Погрузившись в мечты, я начала мыться.

Когда я наклонилась помыть волосы, то услышала, как кто-то зашёл.

— Ты прошёл слишком поздно, мой военачальник.

Я встала и дразняще улыбаясь повернулась взять ещё ведро воды.

Это был не Кир.

Мужчина со спутанной копной волос и цветными татуировками во всё лицо и грудь. Он свирепо смотрел на меня, держа в руках длинное копьё с человеческим черепом, привязанным возле вершины.

Я испугалась и кинула в него ведро.

Глава 13

Корзина угодила прямо в грудь пришельца, во все стороны полилась вода, но это даже не встревожило дикаря. Он поднял копьё и покачал им в мою сторону, скалясь и рыча как зверь. Непокорные волосы разметались по голове.

Сердце ушло в пятки, но я продолжала бороться. В шаге от меня лежала сумка, пальцы первым делом нащупали огромную банку с варёной скунсовой капустой. Я бросила её прямо в голову. Банка разбилась, и по лицу мужчины растеклась вонючая липкая масса. Жидкость попала в глаза, и он заорал от боли.

Я обежала его и рванула к выходу. Схватила с кровати плащ, чтобы прикрыть наготу, и отчаянно позвала на помощь. Мужчина был прямо позади меня и что-то кричал. Я бросилась через зал для собраний и выбежала на улицу.

Я столкнулась с Рэйфом, Престом и Маркусом, но мой взгляд был устремлён на одного Кира, который бежал к нам с мечом в руке. Я побежала к нему навстречу, вытирая глаза и крича во всё горло, как из палатки спотыкаясь вышел тот сумасшедший.

Кир встал между нами, и я спряталась за его спиной, кутаясь в плащ. Все закричали, охваченные волнением, но одного окрика Кира хватило, чтобы их успокоить.

— Что это значит?

— Он вошёл, когда я купалась!

Я стояла за спиной Кира и куталась в плащ. Мои мокрые волосы представляли собой спутанное гнездо, вода текла по спине, земля холодила босые ступни.

— Мы пытались втолковать ему, военачальник, — заговорил Рэйф, прожигая незнакомца взглядом. — Он не слушал.

Маркус плюнул на землю.

Наступила тишина. Дикарь стоял на месте, с него капала вода и вонючая скунсовая капуста.

— Зачем вам понадобилось нарушать уединение военного трофея, воин-жрец? — с вызовом спросил Кир.

Воин-жрец? Я выглянула из-за спины Кира и внимательно рассмотрела мужчину. Он был похож на сумасшедшего. Спутанные густые волосы с вплетённым мехом. Яркие чёткие татуировки зелено-красно-сине-чёрных цветов. Плащ тоже из какого-то меха и давным-давно нестиранные штаны. А ещё пугающий череп на копье.

Мужчина выпятил грудь, стараясь произвести на всех впечатление. При обычных обстоятельствах, уверена, это бы сработало, но когда с волос капает вонючее не-пойми-что тяжело внушить страх и благоговение. Хотя отдаю должное за попытку.

— Военачальник, на входе не было колокольчиков. Воин-жрец Равнин входит куда захочет и когда захочет.

Так самодовольно, высокомерно... Я хотела было ответить, но Кир меня опередил. Его голос дрожал от гнева, но лицо не выражало никаких эмоций.

— Трофей — ксианка. Ксиане не показывают свои обнажённые тела вот так легко. Ты вошёл в мой шатёр без приглашения, воин-жрец. В данном случае не нужны колокольчики. Ты проигнорировал стражу на входе.

Воин-жрец огляделся по сторонам, но ничего не ответил на обвинение.

— Нас послали старейшины из Сердца Равнин. Ты не явился, хотя отправил гонцов с вестью, что везёшь военный трофей.

Я втянула воздух сквозь сжатые зубы, но Кир опередил меня:

— Ты приехал не один? Где твои спутники?

Воин-жрец нахмурился, недовольный резкой сменой темы.

— Скоро будут.

Кир повертел головой во все стороны.

— Охрана на границе лагеря не остановила тебя?

— Пыталась, — в голосе снова появились нотки высокомерия. — Что это значит?

Кир не ответил на его вопрос.

— Прест, Рэйф, перехватите его группу. Скажите им не подъезжать к лагерю и проследите, чтобы мой приказ был исполнен.

Прест и Рэйф бросились исполнять распоряжение.

— Проследить?

Воин-жрец сильнее сжал копьё.

— Мы изолировались от остальных по приказу военного трофея. — Кир посмотрел воину в глаза. — Ты рискуешь жизнью, войдя в этот лагерь, и тебя предупреждали об этом.

— Я не вижу врага.

— Молись, чтобы не увидел. — Кир повернулся ко мне. — Лара, позволь проводить тебя в шатёр. Ты вся дрожишь.

Он обнял меня и повёл в палатку.

Воин-жрец неохотно уступил дорогу.

— Жду от вас доклада, военачальник.

— Я обо всём доложу, воин-жрец, — раздался голос Ифтена, и мы замерли. Он тоже пришёл, вместе с Уэсреном.

— Вы второй? — поинтересовался воин-жрец. — Где Симус из рода Ястребов?

— Симус остался в городе по моему приказу, — прорычал Кир. — Я распоряжусь поставить палатку, и мы всё обсудим за встречей.

— А ваш шатёр?..

— Там я видеть тебя не желаю, воин-жрец.

Я задрожала от этого холодного взгляда. Кир прижал меня к себе, а Маркус потянулся накрыть плащом босые ступни. Я почувствовала, как Кир напрягся.

— Зато я желаю видеть вас в своём шатре, воин-жрец. — Ифтен поднял правую руку.

— Прошу вас наложить исцеляющие чары на мою рану.

— Рана чести, — ответил воин-жрец.

Эти слова возымели неожиданный эффект. Воины вокруг нас положили ладонь на рукояти мечей. Но вместо того чтобы напасть за оскорбление, никто не шелохнулся. Воин-жрец огляделся и довольно хмыкнул.

— Я наложу чары.

Чары? Магия?

Я повернула голову к воину-жрецу.

— Могу я пойти с вами? Увидеть, как накладываются чары?

У всех, включая воина-жреца, вылезли глаза из орбит. Он выглядел таким ошеломлённым, что я чуть не рассмеялась, но его взгляд значил только один ответ.

— Нет.

— Но...

Кир сжал меня в знак предупреждения перед ответом воина-жреца:

— Ты ксианка и оскорбишь своим присутствием элементарей.

Кир ошетинился, да и остальные выглядели ужасно злыми. Воин-жрец откинул назад спутанные волосы.

— Идём, Ифтен из рода Свины. Я услышу твою истину и исцелю твою рану.

Они ушли, Уэсрен в шаге позади них. Я хотела высказать всё что думаю, но Кир увёл меня в спальню и усадил на кровать. Он опустил на колено и растёр мои окоченевшие ступни.

Я откинулась на локти.

— Значит Ифтен из клана Свины. Это много чего объясняет.

Кир резко поднял голову и рассмеялся во весь голос. Мне так понравилось его лицо в тот момент, радостное и расслабленное. Но затем он покачал головой.

— Ты неправильно поняла. В наших краях свиньи не водятся, Лара. Речь идёт о диких кабанах, свирепых, быстроногих и очень опасных. Берегись встречи с ними.

Пришла Айсдра с Маркусом и встали на часах.

Маркус прорычал:

— Я бы с радостью поохотился на одного кабанчика.

Айсдра кивнула.

Кир поцеловал меня.

— Вытрись и обогрейся. Я разберусь со всем.

— Кир, прости. Он напугал меня, и я не подумала, просто кинула...

Лицо Кира озарила мальчишеская ухмылка.

— Красавец, правда? Они все такие. А он хоть представился? Попросил разрешения войти? Да я лучшего зрелища давно не видывал, огонь моего сердца. От него разило на весь лагерь.

Я закатила глаза.

— Запах нескоро исчезнет. Эту вонь даже сильным мылом не смоешь.

— Значит мыла у нас вскоре будет не хватать. — Кир снова меня поцеловал и прошептал на ухо: — Прости, что пропустил купание. В следующий раз сообщай.

Я покраснела, но приподнялась схватить его за руку, когда он повернулся уйти.

— Кир, я понимаю твою радость, но он может заразиться. Ему нужно узнать симптомы болезни и способы лечения...

Кир повернулся, опустился на колени возле меня и обхватил мои ладони.

— Лара, ты должна понять кое-что. Ему всё равно в отличие от тебя. Он не «целитель». Воины-жрецы используют свою магию только когда им это выгодно.

— Но если он владеет магией, Кир, то я хочу ей научиться. — Я сильнее сжала его ладонь. — Представляешь, чтобы я смогла сделать с такой силой? Моментально исцелить ногу Атиры, а может даже спасти отца...

— Они не делятся своим знанием, Лара, и я сомневаюсь в их силе. — Он пристально на меня посмотрел. — Пообещай мне, что не будешь пытаться заговорить с ним даже в присутствии твоей стражи. Он презирает всех, кто не с Равнин. Но ещё больше он возненавидит тебя за дары, что ты нам принесла. Понимаешь?

Маркус слегка шелохнулся, и я повернула голову, вспоминая холодное лезвие, прижатое к моему горлу. Я перевела взгляд на Кира и кивнула.

— Поняла. Смерть приходит мгновенно.

Кир улыбнулся и расцеловал мои ладони.

— Мы будем внимательно высматривать у него любые признаки болезни. — Он поднялся, не сводя с меня глаз. — Лара, я прослежу, чтобы остатки его группы вернулись на Равнины с вестями для старейшин.

Он слегка замешкался.

— Айсдра.

— Военачальник?

— Убедись, чтобы о Мире не заботились люди, которые встречались с воином-жрецом.

Я задрожала от одной мысли, что кто-то может причинить вред ребёнку. Маркус втянул воздух сквозь зубы, а Айсдра выглядела потрясённой.

— Военачальник, даже они не посмеют...

Кир был мрачен, его глаза горели ненавистью.

— Я не дам им ни единого шанса.

Кир ушёл, Айсдра последовала за ним.

Маркус принёс сухие тряпки и бросил одну из них мне на голову.

— Позаботься о волосах, трофей. — Он опустил на колени и энергично обтёр мои ноги. — Я вскипятил каваджа, он тебя согреет.

Я вздохнула и начала вытирать волосы.

— Ну и кашу я заварила.

— Точнее вылили её на голову заносчивого дурака. — Маркус помолчал, пристально глядя на меня своим единственным глазом. — Но вы хорошо справились, трофей. Отвлекли его тем что было под рукой и сбежали, воспользовавшись возможностью.

Я улыбнулась, довольная его похвалой.

— И всё же я рассердила воина-жреца. Это Киру не поможет.

— Тут ничем не поможешь. Вашество не скрывает своей ненависти.

— Из-за произошедшего с тобой? — тихонько спросила я.

— Не только. — Маркус встал. — Я подогрею кавадж. Обтирайся, сохни, и чтобы к моему возвращению отогревалась под одеялом.

Он ушёл, не сказав больше ни слова.

На следующее утро финалисты соревнований предстали перед нами с улыбками на лицах. Я не смогла сдержать ответной улыбки, наслаждаясь их нескрываемой гордостью. Лысый, с густыми кустистыми белыми бровями и кари-зелёными глазами Андер был старше большинства воинов, но моложе Эпора. Подтянутая и худенькая Ювени обладала таким же чёрным цветом кожи, что и Симус. Её чёрные волосы были коротко обрезаны под череп, а карие глаза отсвечивали золотым отблеском. Я видела её раньше.

— Приветствую! — крикнул Кир, и толпа одобрительно заорала.

— Вот последние два участника за пост охранника военного трофея. Они оба получили моё одобрение. Победитель финального боя займёт эту должность.

Раздался очередной возглас одобрения. Кир встретился с каждым из кандидатов прошлым вечером и рассказал про обязанности и ответственность. Андера Кир знал по боевым кампаниям, Ювени же сражалась под началом Кира впервые. Йерс похвалил обоих, а Айсдра сказала, что сможет с ними поладить. Маркус тоже ничего плохого не сказал, только пожаловался как обычно.

— Но этот пост требует ловкости и смекалки. Вы должны уметь атаковать и защищать, поэтому я решил изменить правила.

Все замолкли и поддались вперёд в желании внимать каждому слову Кира. Он улыбнулся, тёмные волосы блеснули на солнце.

— Маркус, Рэйф.

Маркус и Рэйф встали спиной друг к другу, держа что-то в руках. Они разошлись на пять шагов и положили предмет на землю.

— Услышьте же правила этого состязания. Позади каждого воина лежит коса из конского волоса, привязанная между двумя кольями, в ладонь высоты над землёй. Цель — срезать косу соперника. Поняли?

Андер и Ювени уставились на землю, как только Рэйф и Маркус отошли. Они рассмотрели колья и косы, а затем заняли позиции перед ними, лицом друг к другу.

Бой судила Сэл. Она вышла вперёд на кивок Кира.

— Готовы?

Воины едва кивнули, и Сэл выкрикнула:

— Начали!

Соперники бросились вперёд — схлестнулись клинки. Толпа заревела. Битва началась.

Оба сражались с мечом и щитом и двигались так быстро, что я боялась моргнуть. Расположение кольев ограничивало их передвижение. Хотя поле битвы не было очерчено каким-либо кругом, воины не отходили далеко от своих косичек. Мы с Киром сидели на возвышении, с которого открывался лучший вид. Рэйф и Прест стояли позади, Айсдра сбоку, внимательно за всем наблюдая.

Ифтен и воин-жрец стояли в стороне, тоже на возвышении, но только чтобы не подходить к нам с Киром. Воин-жрец был угрюм, но Ифтен казался ужасно довольным собой, чуть ли не счастливым. Я прищурилась, стараясь рассмотреть его руку, которая свободно висела на боку. Мне сказали, что исцеление прошло под звуки песнопений и облако багрово-синего дыма, поднимающегося из шатра. Но из-за толпы я едва ли могла рассмотреть результат подобного «лечения».

Воин-жрец был недоволен, потому что Кир отослал его группу. Он сказал им вернуться на Равнины и рассказать о произошедшем. К тому времени как Кир заполз в нашу постель, он охрип от крика. Но гонцы поняли и уехали в спешке. По видимости воин-жрец путешествовал со слугами, которые заботились о его нуждах, и нынешняя ситуация не удовлетворяла его прихоти.

В утреннем свете моё первое впечатление об этом дикаре не изменилось. На нём были только кожаные штаны и ужасный меховой плащ. Татуировки переливались на солнце, и мне стало интересно, как ему удалось этого достичь. Узоры я не узнала. А волосы! По-моему, они более чем напоминали крысиное гнездо, но я оставила своё мнение при себе. И судя по тому, что люди встали с наветренной стороны, он так и не избавился от скунсовой вони.

Я переключила внимание на битву. Андер и Ювени двигались, не сводя друг с друга глаз, выискивая возможность для нападения. Они обменялись крепкими ударами и отступили. На мой взгляд, они были примерно равны, ни у одного не было явного преимущества над другим. У Андера чуть сильнее удар, зато у Ювени — преимущество в скорости.

Битва продолжилась, но мой взгляд скользнул обратно к Ифтену. Возможно ли, что тот исцелился? В этот момент воин-жрец вручил Ифтену что-то похожее на гарт, только коричневого цвета. Ифтен положил его в рот и начал жевать.

Я оцепенела. Его правая ведущая рука. Он пользовался ею безо всяких усилий, беря еду пальцами, которые в прошлый раз были опухшими и онемевшими. Эту руку сломала ему Айсдра.

Как такое возможно?

Хрясь!

Я вздрогнула и повернулась на звук. Меч Андера застрял в деревянном щите Ювени. Андер дёрнул что было сил, но клинок не поддался.

Ювени двинулась назад, собираясь отнять оружие. Андер последовал за ней, пытаясь раскачать клинок. Всё своё внимание он сосредоточил на мече, совершенно забыв смотреть под ноги. Ювени снова рванула щит на себя, уходя на несколько шагов в сторону. Андер последовал за ней, продолжая пытаться высвободить клинок.

Лишь смех из толпы привлёк его внимание, заставив осмотреться и оценить ситуацию. Ювени обошла Андера, поменяв с собой местами, пока не оказалась в шаге от его косички и не подцепила её кончиком лезвия.

Ювени ярко улыбнулась Андеру во все зубы.

Андер покачал головой и рассмеялся, поднимая обе руки в воздух.

Она срезала тугую косу, и толпа одобрительно заорала.

В Кси в шахматы играют довольно тихо. Два игрока молча сидят за столом и делают ходы. Но огненные играют совершенно по-иному.

Если я думала, что битвы прошли шумно, то просто не представляла энтузиазма от новой игры. Идея Арет с живыми шахматами была хороша. Воины, выбранные в качестве фигур, облачились в лучшие доспехи и отполировали оружие до такого блеска, что видимо занимались этим часами. Они надели нарукавные повязки, чтобы различить цвет сторон, а «пешки» постарались одеться одинаково.

Но за всем этим шумом, суетой и смехом скрывалось напряжение. Как и командиры простые воины разделились на два лагеря. О, никто прямо не оскорблял меня или Кира. С виду всё казалось хорошо. Но шахматы были ксианской игрой, и именно по этой причине многие решили не участвовать и не смотреть.

Но эта игра больше ни в чём не выглядела ксианской. К моему ужасу традиционные замки заменили и вместо них появились эхаты. Об этом изменении я узнала только когда «фигуры» встали на «доску». Четыре воина, по два на каждой стороне, вышли вперёд в меховых накидках и с огромными рогами, вырезанными из веток. Остальным приходилось двигаться низко опустив голову и уклоняться от этих рогов. Всех насмешило, когда «эхаты» зафыркали и застучали ногами.

Игроки заняли места по краям «доски», некоторые расхаживали назад-вперёд, выкрикивая свои ходы. Толпа повторяла их приказы, и «фигурка» перемещалась.

Военные командиры, простые воины и даже Кир приняли участие в турнире. Игры проходили несколько дней и завладели всеобщим вниманием. Кир смог выиграть все партии и прошёл в финал.

Его соперницей стала неизвестная мне женщина по имени Оонэ. Это была мускулистая задумчивая женщина, почти такого же склада тела, как и Симус, с короткими рыжими волосами и карими глазами.

Я наблюдала за ходом игры с возвышенности, укутавшись в плащ. Прест и Ювени стояли позади меня, служа своеобразной защитой от ветра. Игровую зону разделили камнями, сделав квадраты достаточно большими, чтобы «рыцари» оседлали лошадей. Это означало, что «фигуры» сталкивались с препятствиями, которых на обычной шахматной доске не сыщешь. И всё-таки это было удивительное зрелище.

Ифтен и воин-жрец не пришли на игры, весьма красноречиво заявив о своей позиции. Они не хотели иметь ничего общего со мной или чем-то отдалённо ксианским, а значит у меня не было возможности хорошенько разглядеть руку Ифтена.

Однако мне пришли на помощь.

Маркус вернулся предложить мне горячего каваджа.

— Удалось? — спросила я.

— Нет. Айсдра попытается подобраться поближе, как и Рэйф. Но они готовы поклясться, Ифтен знает, что мы пытаемся сделать.

Прест проворчал что-то под нос. Ювени взглянула на него, а затем повернулась ко мне.

— Повторите, зачем вам нужно разглядеть руку второго?

— Вашество любопытничает, — объяснил Прест.

Я проггла его взглядом, но у него не дёрнулся ни один мускул. Спустя какое-то время после того, как Ювени выиграла бой, я увидела, как она встретилась с Киром, Рэйфом, Престом, Айсдрой и Маркусом и о чём-то напряженно поговорила. Они резко прервали разговор, как только я подошла, но я была уверена, что они только что обсуждали в мельчайших подробностях причуды одного военного трофея.

— А-а-а! — понимающе кивнула Ювени. — Может, мне попробовать, трофей?

— Не сейчас.

Я отвернулась от них, так как Кир сделал первый ход. Оонэ была самым воплощением сосредоточенности, но вскоре игра стала развиваться так быстро, что игроки едва успевали отдавать приказы.

Вскоре пришли Рэйф и Айсдра с мрачными лицами. Я кивнула, не особо беспокоясь. С собой разумеется, Ифтен разглядел их издали и предвидел, что они собираются сделать.

Когда рыцарь Кира «съел» одного из епископов Оонэ, ко мне подошёл Кедер и опустился на колено, делая вид, что поправляет сапог.

— Я разглядел, трофей.

— И?

— Я до конца не уверен: он крепко перевязал кожаные рукава наручами. Но он использует руку и сгибает пальцы. Мне кажется, они ещё немного опухшие, но признаков боли не видно.

— Жалко, — заметила Айсдра.

Не сводя глаз с игры, я спокойно ответила:

— Спасибо, Кедер.

Он встал и ушёл в толпу не оглядываясь.

Я откинулась на пенёк и стала думать, чтобы это могло значить. Магия? Я читала о подобном, но могут ли воины-жрецы обладать такой силой?

Меня одолевала чистая зависть. Иметь способность исцелить любого с помощью одного прикосновения. Я бы всё отдала за возможность ослаблять боли и зашивать раны таким образом.

Я так сильно ушла в раздумья, что перестала следить за ходом игры, пока не оживилась толпа. Я подняла голову и увидела, что Кир и Оонэ доиграли до ничьей. Оонэ внимательно изучала оставшиеся «фигуры».

— Могу предложить вам трофей.

Кир вскинул голову и посмотрел в моём направлении. Его глаза были ясными, а улыбка настолько яркой, что у меня перехватило дыхание.

— Нет, Оонэ. У меня уже есть трофей, а другого мне не надо.

Я залилась жаром, согреваясь до кончиков пальцев.

Толпа встретила подобное заявление ликованием, и Кир перевёл взгляд на свою соперницу.

— Оонэ, мне кажется, воины-жрецы покинут тебя в данной ситуации. Что скажешь?

Как много подтекста. Я озадаченно нахмурилась. У Оонэ остались епископы, но она смотрела на них с недоверием. Они стояли со скрещёнными руками, глядя на всех и вся из-под опущенных бровей.

Епископы Кира давно сошли с доски. Он не имел возможность поставить шах и мат. Это была явная ничья. Почему же они медлили?..

Оонэ кивнула.

— Я признаю поражение, военачальник. Мои воины-жрецы не заслуживают доверия.

Я поражённо смотрела, как толпа довольно закричала, а Кир победоносно поднял кулак. Я не поняла, что только что произошло, но это было нечто важное. Какой силой обладают воины-жрецы, что могут отказать в поддержке лидеру?

Происходящее на турнирном поле отвлекло меня от размышлений. Кира подняли на плечи и пронесли над головами ликующей толпы.

Я тоже радостно закричала и захлопала, но мысленно застонала. Теперь мне от него житья не будет.

Кир объявил о проведении траурной церемонии в вечер перед отъездом. После смерти Гила Потницей больше никто не заболел. Прошли полные сорок дней, и теперь мы были свободны от нашего невидимого врага.

Мы освободились от болезни, но не от её последствий. Эти люди сильно изменились после произошедшего, каждый из них получил свой опыт. Они столкнулись с нечто неизвестным и в результате обрели новые навыки. Я понимала, что меня это тоже не избежало. Никогда больше я не буду вмешиваться в ситуацию с уверенностью, что знаю решение. Потеря уверенности или, быть может, скорее признание ограничений, которых я не хотела признавать раньше.

Когда солнце начало погружаться за горы, все собрались у берега озера на церемонию. На этот раз выставили очень мало охраны, чтобы все могли вместе оплакать погибших. Завернувшись в плащ, я стояла на пороге шатра и смотрела на заходящее солнце. Воины принесли одеяла и сели бок о бок.

Кир вышел из палатки с одеялами и каким-то свёртком в руках. Он распустил мою стражу, чтобы та присоединилась к церемонии. Маркус сказал, что останется в палатке с Мирой. Кир молча взял меня за руку и повёл к холму над озером.

У шатра Ифтена я увидела самого Ифтена и воина-жреца. Судя по их манере говорить, казалось, что они что-то замышляют. Ифтен откинул полу палатки и исчез внутри. Воин-жрец направился к табунам. Я удивилась, что они не идут на церемонию, но, конечно, это было не моё дело.

Кир остановился. Я огляделась и поняла, что мы ушли совсем недалеко от палатки, держась на краю толпы.

— Мы не сядем ближе? — поинтересовалась я.

Кир покачал головой.

— На эту церемонию нам лучше остаться здесь. — Он расправил одно из одеял и расстелил на земле. — К тому же, главное в этой церемонии не мы, а мёртвые.

Я села подле него, и он притянул меня к себе, накрывая нас обоих одеялом. Кир наклонился и произнёс мне на ухо:

— Когда тебе станет неудобно, мы уйдём.

Странное заявление. Мне хотелось расспросить его, но в этот момент на ясную поляну на озёрном берегу вышел барабанщик. Он сел, поставил перед собой большой барабан и резко стукнул четыре раза.

Все перестали разговаривать.

Жоден вышел вперёд в сопровождении четырёх воинов, которые несли маленькие жаровни. Жоден встал лицом к собравшимся, а воины поставили жаровни по четырём сторонам от него.

Жоден воздел правую руку к небу.

— Да услышат Небеса мой голос. Да запомнят люди.

Раздался единый ответ:

— Мы будем помнить.

Жоден опустил руку и заговорил:

— Рождение огня, смерть воздуха.

Один из воинов преклонил колено и подул на угли, чтобы пламя прыгнуло вверх и заплясало.

— Рождение воды, смерть земли.

Второй воин преклонил колено, окунул руки и позволил струйкам воды стечь обратно в жаровню.

— Рождение земли, смерть огня.

Третий воин преклонил колено, поднял ком грязи и раскрошил на кусочки над жаровней.

— Рождение воздуха, смерть воды.

Четвёртый воин преклонил колено. Он тоже подул на угли, и вверх воскурился тонкий шлейф дыма.

Четыре воина встали, поклонились своим элементам и растворились в толпе.

— Мы собрались сегодня, чтобы почтить память мёртвых, — заговорил Жоден своим мелодичным красивым голосом. В тишине каждое слово звучало чётко и твёрдо. — Всё живое смертно, и нам это известно. Наши тела рождены из элементов и к ним же вернуться.

Забил барабан, медленно, но чётко.

— Но мы есть не только тело. Сие нам ведано. То, что живёт в наших телах, никуда не исчезнет. Наши мёртвые путешествуют с нами до самых снегов.

Жоден выдержал паузу и продолжил:

— Как нам скорбеть по ним? Как выразить горе? Если наши мёртвые с нами, и мы когда-то воссоединимся с ними, то как плакать?

Барабан не смолкал.

— Мы похороним то, что потеряли. Зияющие раны в наших сердцах. Чувство потери, что терзает нас каждый раз, как мы хотим доверить секрет, поделиться шуткой или потянуться за привычным прикосновением.

В глазах стояли слёзы. Я вспомнила Эпора с его яркой улыбкой. Серьёзное лицо Гиля. Радостного отца при победе в шахматы.

— Это наша боль, боль выживших. Поделимся же ей.

Жоден запел, обращая лицо и голос к небесам. Ту же песню он пел в тронном зале в городе Водопадов, и по моим щекам покатались слёзы, стоило мне узнать слова.

Я была не одинока. Остальные тоже плакали, прижимаясь к тем, кто сидел рядом, предлагая и получая утешение. Я устроилась поближе к Киру и почувствовала его затруднённое дыхание. Его глаза сверкали в сумерках.

После песни Жоден начал монотонный напев, похожий на тот, что я слышала, когда болела. Слова повторялись снова и снова под ритм барабана.

— Смерть земли, рождение воды, смерть воды, рождение воздуха, смерть воздуха, рождение огня, смерть огня, рождение земли.

Моё внимание привлекло какое-то движение. Я повернула голову и увидела, что Айсдра встала и прошла мимо нас, уходя подальше от толпы. Её лицо было предельно серьёзно, печаль окутала её, точно плащ. Она слегка пошатнулась, но быстро восстановила шаг.

Я бросилась за ней, но Кир остановил меня.

— Не надо.

— Но она так сильно грустит, — начала я, но Кир покачал головой.

— Твои слова не уменьшат её боль, Лара.

Я снова устроилась в его объятиях, мучимая виной. Я спасла огонь своего сердца. Он живёт, дышит, сидит подле меня, его руки покоятся на моей талии. Айсдра же этого лишена. Кир прав. Я лишь напомню ей о потере.

Кир привлёк меня к себе и указал на озеро.

Двое воинов, укатанных в плащи, подошли и встали по бокам от Жодена. Он поклонился, и они уронили плащи. Оба были одеты в простые чёрные туники и штаны, никаких доспехов или оружия. Жоден отступил и встал подле барабанщика. Стоило смолкнуть песнопению, как двое воинов откинули головы назад и запричитали, воздев руки к небесам. Они начали танцевать, выражая телами своё горе, рвя на себе одежду, пока не оказались практически обнажены, крича о своей потере и боли.

Барабан заиграл быстрее, и их крики стали злее, теперь они яростно выли на небеса. Толпа присоединилась к ним, крича и проклиная элементалей. Даже Кир заругался. Эмоции напугали меня, но я тоже ощутила гнев, вызванный тем, что я так мало знала о болезни и не могла её одолеть.

Мужчина опрокинул жаровню с огнём и затоптал пламя. Женщина опрокинула жаровню с водой и затем сделала то же самое с землёй, втоптав комья грязи в землю. Жаровня с воздухом разделила ту же участь. Танцовщики замахали руками и развеяли дым от углей. Их гневные вопли заполнили воздух, и с последним ударом барабана они рухнули на колени и обняли друг друга.

Я плакала навзрыд, выплёскивая свой гнев и боль. Кир достал чистые платки, которые захватил из палатки. Я завожилась с одним, вытирая лицо, как молчание нарушил ещё один удар барабана, и Жоден воззвал к народу:

— Смерть и боль — часть жизни. Но не только они, люди Равнин! Жизнь также наполнена радостью, которой нужно наслаждаться и делиться! Возрадуемся же!

Я подняла глаза и увидела, что танцоры движутся, обнимаются, целуются, трутся о...

Я моргнула.

Барабан играл всё быстрее, танцоры двигались под его ритм, глядя друг друга руками, снимая порванную одежду. Мужчина впился губами в женскую шею и...

Богиня!

Я отвела взгляд только чтобы узнать, что не только танцоры искали «утешения». Сосед обнимал соседа, снимая одежды, делясь ласками. Возле нас сидело двое мужчин и, к моему удивлению, они потянулись друг к другу, стали гладить, целоваться и...

Я спрятала лицо в груди Кира.

Он набросил одеяло мне на голову и тихо засмеялся:

— Стесняшка.

— Кир, — прошептала я. — Мужчина с мужчиной?

Он пожал плечами.

— У каждого своего предпочтения. Не то чтобы я их разделяю.

Он помог мне подняться, сгрёб в свои объятия и повёл к нашему шатру.

Я прижала лицо к его шее, пряча глаза, стесняясь того что произошло, но также стесняясь жара, который рос в моей душе, голода по Киру, по жизни. Я обернула руки вокруг его шеи.

— Прости, Кир. Я понимаю, это ваши традиции, но...

— Не твои.

Я почувствовала, что он кивнул в знак понимания.

— Они просто воспевают жизнь, Лара.

Его дыхание защекотало мне ухо.

— Я не против воспеть жизнь, — хихикнула я, и он ускорил шаг. — Только в уединении, в шатре.

— Как пожелаешь, мой трофей, — произнёс он низким гортанным голосом, и меня опалило желание.

Мы дошли до входа, и я так сильно отвлеклась на его лицо, что не заметила Маркуса, пока он не заговорил:

— Военачальник.

Кир повернулся, и у меня ёкнуло сердце от одного только взгляда на лицо Маркуса.

— О нет, — прошептала я. — Только не Потница. Пожалуйста, Маркус, не говори мне, что она вернулась.

— Нет, Лара. — Его лицо было по странному печально. — Это не болезнь.

Айсдру нашли сидящей на земле, с кинжалом по рукоять в животе. Крови было много. На лице застыл озадаченный взгляд. Мне не нужно было проверять пульс, чтобы убедиться в её смерти, но я всё равно проверила. Кожа была ещё тёплой.

— Нет, нет, она же обещала остаться со мной, — заплакала я, и Кир привлёк меня к себе. Маркус пошёл с нами и смог разыскать Рэйфа и Преста.

Я подняла взгляд на Маркуса.

— Она же обещала, Маркус.

— Зов Эпора был сильнее, трофей.

— Как и должно быть, — подошёл воин-жрец. — Её место подле её суженого.

— Я поступил бы также, — подтвердил Кир.

Я взглянула на него в ужасе, но он спокойно встретил мой взгляд. Я отвела взгляд, злясь на его покорность.

— Прежде она готовилась к этому — даже предложила оружие Эпора Престу. Но зачем ей так себя убивать? — нахмурилась я, вытирая слёзы руками и поворачиваясь к Престу. — Ты в это веришь?

Прест взглянул на собравшуюся толпу, но ничего не сказал. Сделав шаг, он забрал палицу с тела Айсдры и ушёл.

Поднялось солнце, мы были готовы уезжать.

Согласно её воле Айсдру отдали небесам. Водрузили помост и положили обнажённое тело на откуп элементам. По моему настоянию, помост поставили в центре сгоревшей деревни, у каменного колодца. Я хотела, чтобы Айсдра как можно ближе покоилась с Эпором. Я порылась в своих вещах и, найдя несколько высушенных цветов лаванды, выложила их вокруг её тела. Свежий холодных воздух прорезала нежная печальная песня Жодена.

Я стояла посреди почерневших руин. Я знала, конечно же, что деревня стала погребальным кострищем. Но не ожидала увидеть столько чёрных головёшек и пепла.

Запах дыма не давал дышать. Я стояла подле Кира, прислонившись к нему. Он обнял меня за талию и прижал к себе.

С нами были Рэйф и Прест, и Маркус. Пришли и другие. Ювени стояла позади, держа лошадей. Андер тоже был с нами. Кир позвал его и попросил занять место Айсдры, и тот согласился.

Последние слова песни Жодена повисли в воздухе. Мы повернулись и в тишине пошли к лошадям. Над телом уже кружили вороны.

Я не обернулась.

Со смертью Айсдры я приняла решение отослать маленькую Миру обратно в Кси, на поручение Анны. Малышка уверенно шла на поправку, хотя вела себя тише, чем обычно. Но у неё всегда была готова улыбка для всех тхиз. Я не смогла бы найти лучших нянек, чем эти свирепые воины. Но несмотря на их защиту, она была ребёнком Кси, и я не была уверена, что её встретят в Сердце Равнин с распростёртыми объятиями. Замечания Ифтена и отношение воина-жреца заставили меня нервничать. Кир согласился с моим решением. Он собрал быстрый отряд, чтобы отвезти малышку в город Водопадов, и они уехали на рассвете. Теперь мне можно было не бояться за её безопасность.

К нашему возвращению шатёр уже свернули. Маркус начал жаловаться, как всё неправильно пакуют ещё до того, как остановил коня. Все спешили и быстро погрузили оставшиеся вещи.

На этот раз мне разрешили ехать самой, и к моей радости мне достался гнедой мальчик с шрамом на груди. Он был рад меня видеть: уткнулся носом в мои волосы и обнюхал. Великое сердце внимательно меня изучил и потом сразу же заснул. Он даже не шелохнулся, когда я привязывала сумку Гиля к седлу. Слезы выступили на глаза, но я решительно повернулась и посмотрела, как остальные готовятся сесть по коням. Кир приказал, чтобы я снова ехала в центре армии, поэтому у нас ушло какое-то время на построение.

Ифтен ждал в авангарде, готовый приказывать выступать. Никогда ещё не видела такого уверенного и гордого взгляда на его лице. Воин-жрец ждал подле него с каменным выражением лица. Ни один из них не пришёл на похороны. Я присмотрелась к правой руке Ифтена, но, кажется, он использовал её как здоровую. Он что-то жевал, скорее всего гарт.

Без дальнейших церемоний Кир подал сигнал, и разведчики пустили коней в галоп. Как только они скрылись из вида, Кир подал другой сигнал, и Южайна выдвинулась с авангардом. Медленно, но уверенно, длинная вереница всадников поехала вперёд.

Я стояла и смотрела, как они постепенно скрываются за горизонтом. Рэйф и Прест уже сели по коням, Ювени и Андер тоже готовились занять свои места. Великое сердце всё ещё спал, опустив голову и уши и прикрыв глаза. Он переложил всю тяжесть тела на левую ногу и поджав правую под себя. Я потянулась почесать его за ушками, и он резко поднял голову и открыл глаза. Он фыркнул и мгновенно сменил позицию, готовый идти в атаку.

Я повернулась посмотреть на горизонт и услышала стук копыт. Я ожидала увидеть одного из разведчиков, но топот был громче, сильнее...

Четыре всадника гнали лошадей в столь стремительном галопе, что все убрались с их пути. Четыре воина-жреца, двое мужчин и две женщины, с длинными копьями наперевес. На всех были лишь штаны да длинные плащи. Даже у женщины были спутанные длинные волосы и татуировки, покрывавшие грудь, но она также нанесла цветные полосы и какую-то белую краску на смуглое лицо. Стоило мне поморщиться от татуировок на женской груди, как я сообразила, что их цель — Кир.

Я сделала шаг, чтобы встать рядом с ним и врезалась в коня Преста, который встал мне наперерез. Ювени и Андер тут же вскочили на своих лошадей, готовые прикрывать тыл. Они образовали круг. Маркус крепко схватил меня за руку. Великое сердце встал рядом со мной, высоко задрав голову, словно желая всё разглядеть.

Всадники скакали прямой линией прямо к Киру. К моему ужасу, воины рядом с Киром даже не напряглись, не принимая никаких мер для его защиты.

— Никто ему не поможет? — прошептала я.

— Просто смотри, — спокойно ответил Маркус.

Кир стоял непоколебимо, положив руки на пояс и смотря прямо на всадников. По жёсткой линии его спины я поняла, что он насупил лицо. Я боялась, что его пронзят копьём в грудь, но в последний момент всадники взяли его в кольцо. Каждый занял позицию на равном расстоянии от остальных.

Воительница-жрица остановила коня в последний момент, прямо перед Киром. Кир не вздрогнул и не отступил. Конь воительницы встал на дыбы, молотя копытами в воздухе, и жрица вонзила копьё в землю прямо перед ногами Кира.

— Кир из рода Кошек, — разнёсся её пронзительный голос. — Старейшины Равнин призывают тебя явиться перед ними и ответить за бесчестную смерть доверенных тебе воинов.

Кир слегка дёрнул плечами, но ничего не ответил.

Воин-жрец по правую сторону от него тоже бросил копьё ему под ноги.

— Кир из рода Кошек, старейшины Равнин призывают тебя ответить за бесчестную смерть доверенной тебе пары.

Воительница-жрица позади него крикнула и тоже бросила копьё

— Кир из рода Кошек, старейшины призывают тебя ответить за отсутствие дани для нашего народа.

Воин-жрец по левую сторону от него последним бросил копьё.

— Кир из рода Кошек, старейшины оспаривают твоё притязание на военный трофей.

Воительница-жрица позади него огрызнулась:

— Старейшины требуют твоей жизни, военачальник.

Произнеся это, она развернула лошадь, и всадники ускакали прочь.

Я сделала глубокий вдох. Маркус отпустил мою руку. Тишину нарушил звонкий смех Ифтена. Я вытянула голову и увидела, как блондин повёл коня шагом, уводя за собой воинов. Мне пришлось стиснуть зубы от одного только взгляда на его лицо и воина-жреца. Оба уехали с авангардом. Смех Ифтена звенел на ветру. По лицам проезжающих мне стало понятно, что многие согласны с ним. Некоторые смеялись, кто-то хмурился и качал головой.

Прошло много времени, прежде чем все снова заняли свои места. Но я заметила, что лишь некоторые смотрят на Кира краем глаза, а остальные не смотрят вообще.

Мои стражники расслабились. Рэйф и Прест пустили лошадей шагом. Великое сердце расслабился и опустил голову, собираясь снова заснуть. Я посмотрела на Маркуса. Он сплюнул на землю и вернулся на своё место с мрачным видом.

Кир схватил копьё перед собой и переломал об колено.

Я взяла поводья и потянула, направляя коня к Киру. Великое сердце недовольно замотал головой и вытянул шею, прежде чем послушаться.

Кир держал половинки копья и смотрел, как уезжают воины-жрецы. Когда я подошла к нему, он рыкнул и бросил половинки на землю.

Мы постояли немного в тишине, затем он развернулся и пристально посмотрел на меня.

— Это будет нелегко, Лара. Мои враги воспользовались нашей задержкой. — Он грустно улыбнулся. — Мы в шаге от мата. — Кир посмотрел на горизонт, за которым скрылись воины-жрецы. — Ты всё ещё можешь вернуться в город Водопадов.

Я встала ближе. Кир обернулся, и я поцеловала его, делясь силой и теплом. Я вложила в этот поцелуй все свои чувства, давая безмолвное обещание. Мне пришлось целовать долго, чтобы он расслабился и обнял меня в ответ.

Я разорвала поцелуй и посмотрела в его глаза. Они светились теплом и любовью. Я улыбнулась и повернулась сесть на лошадь. Как только я устроилась в седле, Кир подошёл и положил руку мне на колено, заглядывая в глаза.

— Я знаю только одно: я никогда не сожалел, что сделал тебя своим военным трофеем.

Его блестящие чёрные волосы развеялись на ветру. Он был ослепительно прекрасен в солнечном свете.

— И я никогда не сожалела, что стала твоей.

Кир рассмеялся, откинув голову назад и закричал от восторга.

Я наклонилась и погладила его по щеке.

— Никаких сожалений, чтобы ни ждало впереди.

Кир кивнул. Подъехали мои стражники. Маркус привёл вороного скакуна Кира. Он сел на лошадь и без всяких разговоров и взглядов повёл нас к Равнинам.

КОНЕЦ